

ИСТОРИЯ

OSTKRAFT

| научное обозрение | www.ostkraft.ru |

| Модест Колеров | Москва | 2019 | №3 |

УДК 94(470) "18/19"
ББК 63.3(2)5
И 90

Редакционная коллегия:

Далибор Денда, Р. Н. Рахимов, К. В. Шевченко, О. В. Эдельман.

Ответственный редактор М. А. Колеров

Фотография на обложке — М. Е. Бороздинский

И 90 История. Научное обозрение OSTKRAFT № 3 (9).

М. : Модест Колеров, 2019. (www.ostkraft.ru.) 196 с.

ISBN 978-5-905040-41-2

ISBN 978-5-905040-41-2

© Авторы статей, 2019

© Модест Колеров, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

<i>О. В. Русаковский.</i> «Право или уставы воинския в галанской земли» : Первый опыт полного перевода европейского военно-дисциплинарного устава в допетровской России.....	5
<i>М. И. Роднов.</i> Критерии экономического роста в России (провинциальный аспект)	24
<i>Е. Е. Юдин.</i> Князя Юсуповы: состояние и источники доходов крупнейших землевладельцев Российской империи в 1890–1914 гг.	31
<i>М. А. Колеров.</i> Марксистский журнал «Заря» (1901–1902). Реплика содержания	73
<i>Марвин Бенджамен Фрайд (Marvin B. Fried).</i> «Вопрос жизни и смерти»: цели Австро-Венгрии в Первой мировой войне	77
<i>М. А. Колеров.</i> Маршак и Булгаков о финской угрозе Ленинграду и Карелии в 1930–1936 годах.....	112
<i>Олег Казак.</i> Этнокультурная инженерия как инструмент международных отношений: Michał Jarnicki, Piotr Kołakowski. «Ukrainiski Piemont». Rus Zakarpacka w okresie autonomii 1938–1939. Warszawa: Oficyna Wydawnicza RYTМ, 2017. 383 s.	117
<i>Наталья Николаева.</i> За пределами сил. Неизвестное о Сурском рубеже. Как возводилась линия обороны в Советской Чувашии в 1941–1942 гг.	137

<i>А. В. Мартынов.</i> Дмитрий Жуков, Иван Ковтун. Цветы ненависти. Русскоязычная антисемитская пропаганда на оккупированных территориях. М., 2018.....	152
<i>Владимир Шаронов.</i> Старый фотоснимок могилы А. П. Карсавина многие десятилетия скрывал точную дату его смерти	157
<i>Л. Кацис.</i> Заметки читателя историко-философской литературы. X. Борис Пастернак и «Доктор Живаго» между Л. Флейшманом (2009–2013) и П. Манкозу (2013–2019).....	164
<i>Марат Шибутов.</i> Образовательная миграция из Казахстана (2007–2018)	183

О. В. Русаковский¹

«ПРАВО ИЛИ УСТАВЫ ВОИНСКИЯ В ГАЛАНСКОЙ ЗЕМЛИ»

Первый опыт полного перевода европейского
военно-дисциплинарного устава в допетровской
России

Процесс формирования европейских армий раннего Нового времени сопровождался становлением военного права, развивавшегося в форме дисциплинарных уставов, на основных европейских языках². В России, однако, писанное военное право фактически отсутствовало вплоть до начала Северной войны и появления первых военно-юридических сводов Петровской эпохи³. «Воинские книги» 1607/1620 гг. и «Учение и хитрость ратного строения пехотных людей», которые зачастую упоминаются в исследовательской и научно-популярной литературе как военно-правовые документы, представляли собой в действительности переводы военно-теоретических трактатов и никогда не имели норматив-

¹ Русаковский Олег Владимирович. НИУ ВШЭ, Москва.

² См.: *Militär und Recht vom 16. bis 19. Jahrhundert. Gelehrter Diskurs — Praxis — Transformationen* / Hrsg. von J. Nowosadtko, Diethelm Klippel, K. Lohsträter. Göttingen, 2016; *Collins J. M. Martial Law and English Laws, c. 1500 — c. 1700*. N. Y., 2016; *Lopatecki K. „Disciplina militaris“ w wojskach Rzeczypospolitej do połowy XVII wieku*. Białystok, 2012; *Griffin M. Regulating Religion and Morality in the King's Armies. 1639–1646*. Leiden — Boston, 2004.

³ См. *Бобровский П. О. Постоянные войска и состояние военного права в России в XVII столетии*. М., 1882; *Калинычев Ф. И. Правовые вопросы военной организации русского государства второй половины XVII века*. М., 1954.

ной силы в русской армии⁴. Инструкции, составлявшиеся иноземными офицерами на русской службе и переведившиеся в Посольском приказе⁵, ни по форме, ни по содержанию не могут считаться образцами военного права в строгом смысле этого слова. Единственным исключением можно считать «Письмо корабельному строю» голландского капитана Давида Бутлера, составленное и переведенное в 1668 г., но и этот памятник лишь частично посвящен вопросам дисциплины, не имеет четко идентифицированного иностранного оригинала и, по всей видимости, практически не использовался в русской военной практике⁶. Лишь в 1690-е гг. для молодого Петра I составляются переводы европейских текстов, посвященных военно-правовым и военно-административным сюжетам, и компиляции, выполненные на их основе⁷. Видимо, единственным относительно полным переводом европейского военного устава, сделанным в России до этого времени, следует признать поэтому небольшой текст «Право или уставы воинския в галанской земли», практически не введенный до сегодняшнего дня в научный оборот.

До нашего времени интересующий нас памятник дошел в двух списках. Первый из них сохранился в рукописном фонде библиотеки Московской Синодальной типографии в Российском Государственном Архиве Древних Актов⁸. Рукопись в 19 листов

⁴ См.: *Немировский Е. А.* Анисим Михайлов Радишевский (около 1560 — около 1631). М., 1997; *Лобин А. Н.* «Воинские книги» 1607–1620 гг.: Опыт заимствования европейской военно-теоретической науки // *Смутное время в России: Конфликт и диалог культур* / Под ред. А. И. Филошкина. СПб., 2012. С. 163–168; *Русаковский О. В.* «Воинские книги» 1607/1620 гг. и их немецкий оригинал. Попытка сопоставления // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*. Вып. 73. 2018. С. 53–63; *Епифанов П. П.* «Учение и хитрость ратного строения пехотных людей». Из истории русской армии XVII в. // *Ученые записки кафедры истории СССР*. Вып. 167. 1954. С. 77–98.

⁵ См., например: Перевод с галанского письма... что всякому уряднику в ратном строе подобает ведать. И против тех вопросов — ответ / Публ. А. В. Малова // *Российский архив. История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.* Т. 6. М., 1995. С. 7–9.

⁶ РГАДА. Ф. 150. 1668 г. Д. 47.

⁷ *Воинский устав, составленный и посвященный Петру Великому генералом Вейде в 1698 г.* СПб., 1841; БАН. ОР. П I Б 13: О служении артиллерийском; П I Б 31: Сборник морских уставов; РГАДА. Ф. 150. 1698. Д. 51: Правила службы на судах. См. также: *Епифанов П. П.* Военно-уставное творчество Петра Великого // *Военные уставы Петра Великого. Сборник документов* / Под ред. Н. Л. Рубинштейна. М., 1946. С. 5–42. Здесь С. 16–23.

⁸ РГАДА. Ф. 381. № 1004.

in quatro (20,2 × 15,8 см) сброшюрована, переплет отсутствует; на бумажной обложке почерком XVIII в. проставлено название, данное, очевидно, при поступлении в архив («Устав воинский галанской армии») и несколько недействительных архивных номеров, к ней же подклеены листы с нынешним архивным номером (1004) и кириллической цифрой 1. Рукопись выполнена коричневыми чернилами двумя четкими почерками приближающейся к полууставу скорописью конца XVII — начала XVIII в.; руке второго писца принадлежат меньшие по объему фрагменты текста (с фразы «подлинно о том сыскав, казнить смертью» на листе 5 об. до окончания статьи 20 на листе 6 об. и вся оборотная сторона листа 17). Возможно, им же выполнены незначительные орфографические исправления, касающиеся падежных окончаний, добавления окончаний количественных числительных к номерам некоторых статей и употребления «есть» и «ять» на первых листах рукописи. Имеющиеся в рукописи филигранные позволяют датировать ее концом 1670-х — 1680-ми гг.⁹

Второй список «Уставов» находится в составе сборника смешанного содержания конца XVII в. из собрания Российской Национальной Библиотеки¹⁰. Рукопись в 162 листа in quatro написана несколькими четкими почерками скорописью конца XVII в.; данные о филигранных позволяют датировать ее 1680-ми — первой половиной 1690-х гг.¹¹. Первым или одним из первых ее владельцев, согласно имеющимся в ней пометам, был князь Матвей Михайлович Гагарин¹². Судьба сборника после его казни и конфискации имущества в 1721 г. остается неясной. В рукописи встречаются многочисленные пометы, по большей части пробы пера и бессистемные хозяйственные записи, сделанные одним почерком

⁹ В рукописи обнаружен один тип филиграней, идентичный или весьма близкий № 629 в: *Дианова Т. В.* Филигранные XVII–XVIII вв. «Голова шута». Каталог. М., 1997.

¹⁰ ОСРК РНБ. Q XVII 87. Памятник в этом списке кратко упомянут в: *Соболевский А. И.* Переводная литература Московской Руси XIV–XV вв. Библиографические материалы. СПб., 1903. С. 109.

¹¹ В рукописи обнаружены филигранные, идентичные № 151 в: *Дианова Т. В.* Филигранные XVII–XVIII вв. «Герб города Амстердама». М., 1998 и весьма близкие к № 203 и 327 в: *Дианова Т. В.* Филигранные XVII–XVIII вв. «Голова шута» ...

¹² ОСРК РНБ. Q XVII 87. Л. 34–39, 41. Владычская запись в нижнем поле по одному слову на каждом листе: «столяника князя Матвея Михайловича Гагарина, писал своею рукою»; очевидно, выражение «своею рукою» относится только к записи, а не к самой рукописи.

XVIII в. В пометах, содержащих хозяйственные записи, упомянуты два топонима, которые едва ли могут быть надежно идентифицированы: «села Подъяблонного погост»¹³ и «деревня Лепино»¹⁴.

Состав сборника весьма разнороден¹⁵. Более половины его занимают списки трех разных редакций «Книг сошному письму» — инструкций по составлению кадастров государевых земель и сбору налогов, широко распространенных во второй половине XVI — XVII в.¹⁶. За ними следует «Список стрелецких голов и сотников», содержавший поименное перечисление служилых людей различных категорий XVI в. и известный в разнообразных редакциях в составе сборников историко-генеалогического содержания¹⁷. Далее располагаются «Голландские уставы», одна из редакций «Синодика по опальным» Ивана Грозного от 28 января 1583 г.¹⁸, две краткие выписки из переведенного с греческого языка в 1665 г. «Хронографа» Дорофея Монеувасийского — «О остатках царя Константина» и «Саны царствия греческаго»¹⁹. Завершают сборник «Молитва против варваров»²⁰, «Чудо Святого Варлаама» — популярное новгородское сочинение нача-

¹³ ОСРК РНБ. QXVII 87. Л. 106 об.

¹⁴ Там же. Л. 140.

¹⁵ В сборнике используются две расходящиеся друг с другом пагинации XVIII–XIX вв.; в настоящей статье принята та из них, которая представлена на листах, содержащих «Голландские уставы». Кроме того, состав сборника с указанием номеров листов приводится на написанном полууставом конца XVII в. листе, подклеенном к внутренней стороне верхней крышки переплета.

¹⁶ Там же. Л. 1–100 об. О «книгах сошного письма» см.: *Веселовский С. Б.* Сошное письмо. Т. 1–2. М., 1915–1916.

¹⁷ ОСРК РНБ. QXVII 87. Л. 102–106 об. См. публикацию памятника в: Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. / Под ред. А. А. Зиминой. М.; Л., 1950. С. 215–220; см. также: *Романов М. Ю.* «Список стрелецких голов и сотников как источник по истории Смуты в России начала XVII века» // История военного дела. Исследования и источники. 7 (2015). С. 265–290: www.milhist.info/2015/11/26/romanov.

¹⁸ ОСРК РНБ. QXVII 87. Л. 122 об. — 137 об. О «помяннике» или «синодике по опальным» Ивана Грозного см.: *Булычев А. А.* Между святыми и демонами. Заметки о посмертной судьбе опальных царя Ивана Грозного. М., 2005; *Скринников Р. Г.* Введение опричнины и организация опричного войска в 1565 г. // Вопросы истории СССР XVI–XVIII вв. / Под ред. Н. Н. Степанова. Л., 1965. С. 25–86.

¹⁹ ОСРК РНБ. QXVII 87. Л. 137–140; о «Хронографе» и упомянутых отрывках см. *Соболевский А. И.* Переводная литература... С. 357. Указанные фрагменты встречаются в составе сборников смешанного содержания второй половины XVII в. и «Степенной книги». См., например: *Сиренов А. В.* Степенная книга. История текста. СПб., 2007. С. 495.

²⁰ ОСРК РНБ. QXVII 87. Л. 141–147 об.

ла XVI в. на житийный сюжет²¹ — и «Откровение Мефодия Патарского»²².

Текст «Уставов» в сборнике уступает по полноте и точности списку РГАДА. В семи местах переписчиком намеренно оставлены пропуски вместо слов, написание которых он, по всей видимости, не смог понять²³; нередки и неверно понятые места, и просто описки. Статья 71 отсутствует полностью, статья 58 не выделена отдельным номером. В отсутствие других сохранившихся списков «Уставов», кроме двух упомянутых, сложно оценить вероятность того, что текст РГАДА является прямым или опосредованным протографом для текста РНБ.

Единственное обнаруженное упоминание «Уставов» в источниках конца XVII — начала XVIII в. относится к описи имущества князя Василия Васильевича Голицына, составленной после его опалы и ссылки в 1689 г. Среди книг и рукописей, принадлежавших Голицыну, мы находим рукопись «Право или уставы воинские Галанския земли, в четверть», оцененную в 3 алтына 2 деньги²⁴. Указанный формат рукописи, а также ее небольшая цена (другие книги сходной тематики в собрании Голицына оцениваются в значительно большую сумму²⁵) дают некоторые основания для ее отождествления со списком РГАДА. Окончательно подобное тождество, однако, не может быть доказано ввиду отсутствия владельческих помет в сохранившемся списке. Исследованные делопроизводственные материалы Посольского приказа, отложившиеся в фондах 138 и 159 РГАДА и подробно документировавшие создание переводов для нужд государей и членов их семьи, не содержат каких-либо указаний на работу переводчиков приказа над «Уставами». Впрочем, ввиду малого объема памятника работа над ним могла не оплачиваться, и, как следствие, не фиксироваться отдельно, как это было с большими сочинениями, переводы которых оформлялись в виде подносных рукописей²⁶, а входить в круг по-

²¹ Там же. Л. 148–152 об. См. публикацию текста «Чуда» в: Памятники литературы Древней Руси. Т. 9. Кон. XIV — первая половина XVI в. М., 1984. С.516–521.

²² ОСРК РНБ. QXVII 87. Л. 154–162 об.

²³ Там же. Л. 109 об., 114, 114 об., 116 об., 118, 119, 119 об.

²⁴ Розыскные дела о Федоре Шаковитом и его сообщниках. Т. 4. СПб., 1893. С. 56.

²⁵ Там же.

²⁶ См. об оформлении подносных рукописей, в т. ч., переводных сочинений: Кудрявцев И. М. Издательская деятельность Посольского приказа. К истории рус-

вседневных обязанностей переводчиков. Возможно также, что перевод мог быть выполнен по личному желанию Голицына, возглавлявшего приказ в 1682–1689 гг. для его частной библиотеки или для иной государственной институции²⁷, например, для Иноземского приказа, и потому остался не упомянутым в документации Посольского приказа.

Сложность представляет и идентификация оригинала, использованного русскими переводчиками. В основе текста, несомненно, лежит военный устав, принятый по инициативе Морича, князя Оранского-Нассау и штатгальтера Соединенных Провинций, 13 августа 1590 г.²⁸. В сравнении с предшествующими нидерландскими и немецкими военно-правовыми сборниками²⁹, с которыми он схож по структуре и содержанию многих статей, нидерландский устав 1590 г. выделяется последовательным сокращением упоминаний о правах солдат по отношению к их нанимателю и возросшими требованиями к армейской дисциплине, выразившимися в исключительной жестокости предписывавшихся наказаний — большая часть проступков, согласно уставу, подлежала смертной казни. Благодаря своей суровости текст голландского военного права обрел значительную популярность в период становления постоянных армий XVII в. В 1603 г. Петер Паппус фон Тратцберг, глава совета провинции Гронинген, впервые опубликовал его, снабдив подробным юридиче-

ской рукописной книги во второй половине XVII в. // Книга. Исследования и материалы. Вып. 8. 1963. С. 179–244.

²⁷ Ср., например, РГАДА. Ф. 138. 1682 г. Д. 20. Л. 149: «В 7191-й год февраля в 5 день [...] самодержцы указали прислать в иноземской приказ к тебе, боярину князю Василью Васильевичу с товарищи галанские земли переводчика для переводу немецкого письма».

²⁸ Об истории текста см.: *Dorreboom M. L.* «Gelijk hij gecondemneert word mits deezen». Militaire strafrechtspleging bij het krijgsvolk te lande. 1700–1795. Amsterdam, 2000. P. 49–51; *Wijn J. W.* Het krijgswezen in den tijd van prins Maurits. Utrecht, 1934. P. 102–113.

²⁹ О немецком военном праве XVI в. см.: *Moeller H.-M.* Das Regiment der Landsknechte. Untersuchungen zur Verfassung, Recht und Selbstverständnis in deutschen Söldnerheeren des 16. Jahrhunderts. Wiesbaden, 1976. S. 30–41; *Burschel P.* Söldner im Nordwestdeutschland des 16. und 17. Jahrhunderts. Sozialgeschichtliche Studien. Göttingen, 1994, S. 129–145; *Александров С. Е.* Германское наемничество конца XV — середины XVII в. // Мир Александра Каждана. К 80-летию со дня рождения / Под. ред. А. А. Чекаловой. СПб., 2003. С. 386–412. О ранних нидерландских военно-правовых текстах см. *Swart E.* Krijgsvolk. Militaire professionalisering en het ontstaan van het Staatse leger. 1568–1590. Amsterdam, 2006. P. 78–81; *Wijn J. W.* Het krijgswezen ... P. 81–87.

ским комментарием³⁰. Труд Паппуса выдержал около десятка переизданий на нидерландском языке в течение XVII в.³¹ В 1632 г. во Франкфурте на Майне вышел его немецкий перевод, дополненный публикацией имперских военных уставов 1570 г.³² Этот сборник был неоднократно переиздан и стал прообразом популярных в немецких землях компендиумов, включавших общеимперские и земельные военные уставы, а также военно-правовые своды иностранных держав; немецкий текст устава 1590 г. неизменно входил в подобные издания³³. Видимо, немецким влиянием следует объяснить появление подобных компендиумов на нидерландском языке³⁴. (Примечательно, что выход одного из таких изданий зафиксировали и русские вести-куранты от 19 мая 1671 г. в сообщении о новых книгах, изданных в Голландии: «В Утрехте напечатана книга галанское воинское право, также датское, швейцарское воинские правы всяким воинским людем пригодно»³⁵.) Кроме того, в 1631 и 1637 гг. вышли английские издания, опирающиеся на публикацию Паппу-

³⁰ *Pappus van Tratzberg P. Articulbrief, waer by eenighe annotation ghevoeghet zijn.* Groeningen, 1603. О Паппусе см.: *Woordenboek der Nederlanden, bevattende levensbeschrijvingen van zoodanige personen, zich op eenigerleijwize in ons Vaderland hebbenvermaard gemaakt / Voortgezet door K. J. R. van Harderwijk, G. D. J. Schotel.* Vol. XV. Haarlem, 1872. P. 86–87.

³¹ См. библиографический обзор в: *Warfare and the Age of Printing. Catalogue of Early Printed Books from before 1801 in Dutch Military Collections / Ed. by L. Ph. Sloos.* Leiden — Boston, 2008. P. 174–181.

³² *Pappus von Tratzberg P. Holländisch Kriegs Recht und Artickels Brieff.* Frankfurt am Mayn, 1632.

³³ Первыми изданиями «Свода военного права», значительно выходившими за пределы публикаций труда Паппуса, стали: *Hoyer E. Corpus Iuris Militaris. Darinnen das Churfürstl. Brandenburgische Krieges Recht und Articul Brieff, mit aller anderen Potentanten Krieges Rechten, auch denen, so noch niemaln in Druck kommen [...]* Berlin, 1672; *Isdem. Corpus Iuris Militaris recognitum, acmultis ex patribus auctum, oder Neu verbessertes und vermehrtes Kriegs Recht.* Franckfurt am Mayn, 1672. Последним и наиболее полным изданием такого рода стал: *Lünig J. Chr. Corpus Iuris Militaris des Heil. Röm. Reichs.* Leipzig, 1723.

³⁴ См. *Warfare and the Age of Printing...* P. 176, 181.

³⁵ Цит. по: *Шамин С. М. Куранты XVII столетия. Европейская пресса в России и возникновение русской периодической печати.* М.; СПб., 2011. С. 276. Вероятно, речь идет об издании: *Pappus van Tratsberg P. Corpus Iuris Militaris, waer in begrepen 't Hollandts krijgs recht en articul brief [...]* nebens Sweedisch, Deene-markisch, en Switsersche Krijgs rechten, alle obersten, capiteynen, bevel hebbers, en andere militaire personen, en reghts geleer den seerdienstigh en hooghhoodigh. Utrecht, 1663.

са³⁶. Всего до конца XVII в. устав 1590 г. был опубликован около 25 раз; текстуально все известные его варианты восходят к нидерландскому изданию 1603 или немецкому 1632 гг.

Русский перевод, однако, не мог быть выполнен с этих стандартных изданий. Несмотря на то, что общее число статей (82) в переводе и упомянутых публикациях на европейских языках совпадает, их состав несколько различен. Прежде всего, в русском тексте отсутствует преамбула, приведенная Паппусом и посвященная потребности Республики Соединенных Провинций в воинской дисциплине своих солдат. Переведенная преамбула содержит оправдание уголовного преследования и жестокого наказания преступников вообще и также имеет иноязычное — немецкое или голландское — происхождение. На это указывает, в частности, парафраз одного из ключевых текстов кальвинизма, Гейдельбергского Катехизиса 1663 г.: «все человецы от рождения своего к злотворению вьшще, нежели к Богу судь склонны»³⁷. Кроме того, в переводе отсутствует заключение к уставу, а также указания на место и дату его первого оглашения, правителя или институцию, выпустивших устав, и воинские контингенты, которым он предназначался.

Большая часть статей устава в русском переводе, соответствует как нидерландским, так и немецким изданиям труда Паппуса. Не находит прямых параллелей лишь первая статья русского перевода, содержащая рассуждения морально-этического характера и чуждая юридической и дисциплинарной прагматике основной части устава. Статьи 2–4 приблизительно соответствуют статьям 1–5 у Паппуса. В статье 6 русского перевода контаминирован материал статей 5 и 6 оригинала. Статьи с 7 по 82 соответствуют иноязычным изданиям, но во многих случаях приводятся в существен-

³⁶ *Laws and Ordinances Touching Military Discipline. The Hague, 1631; Hexham H. The Principles of the Art Militarie. L., 1637. Appendix. P. 9–15; ср.: Collins J. M. Martial Law ... P. 107.*

³⁷ *Catechismus oder Christlicher Unterricht, wie der in Kirchen und Schulen der Churfürstlichen Pfaltz getrueben wirdt. Heidelberg, 1563. S. 16–17: Seind wir aber dermassen verderbt, daß wir gantz und gar untüchtig seind zu einigem guten, und geneigt zu allem bösen; первое нидерландское издание Catechismus, oft Christelicke Onderrichtunghе, ghelijck die in kerken ende schulen der cheurvorstelicken Paltz, ghedienen oft gheleertwort. Emden, 1563. В контексте близости выраженного здесь представления к религиозно-этической концепции голландского военного права 1590 г. см.: *Dorreboom M. L. «Gelijck hij gecondemneert word mits deezen» ... P. 49.**

ном сокращении. Обращает на себя внимание последовательное употребление термина «государь» там, где в нидерландском или немецком печатном тексте речь идет о Республике Соединенных Провинций (в статьях 6, 9, 14, 23, 60), а также упоминание о наказании за хулу на Богородицу и святых (статья 2), отсутствующее в известных иноязычных версиях устава и неожиданное для текста протестантского происхождения. Эти существенные расхождения с изученными немецкими и нидерландскими изданиями позволяют предположить, что перевод мог быть сделан с неизвестной печатной или, возможно, рукописной копии, несколько сокращенной и измененной по отношению к печатному оригиналу.

Нет никаких свидетельств того, что рассматриваемый текст стал широко известен современникам и оказал какое-либо влияние на военно-правовые реформы первой четверти XVIII в. «Воинский артикул» 1715 г. и «Устав воинский» 1716 г., а также более ранние военно-дисциплинарные тексты первого десятилетия Северной войны испытали косвенное влияние устава 1590 г., поскольку по своей структуре и содержанию продолжали эволюцию немецкого и шведского военного права XVII в., для которого этот устав во многом служил образцом³⁸. О прямых заимствованиях речь, однако, идти не может. Тот факт, что устав, возможно, был переведен для князя Василия Васильевича Голицына, не способствовал интересу к переводу молодого Петра и его ближайшего окружения и, как следствие, предопределили забвение этого текста современниками и позднейшими историками.

³⁸ См.: Военные уставы Петра Великого ...; *Anners E. Den karolinska militärstraffrätten och Peter den stores krigsartiklar.* Stockholm — Göteborg — Uppsala, 1961.

Текст «Уставов» приводится по списку РГАДА. Орфографические исправления, сделанные в тексте рукописи одним из писцов, не выделяются. Предполагаемые ошибки писцов исправлены по смыслу или после сверки со списком РНБ; оригинальное написание в этих случаях воспроизводится в сносках. Разбивка на абзацы следует за рукописью (за исключением номеров статей, каждый из которых в рукописи выделен в отдельный абзац), деление на предложения и проставление знаков препинания предложены публикатором.

[1] Право или Уставы воинския в галанской земли.

Право или Правила воинския, яко же и гражданския, роду человеческому зело потребны, ибо от самого Господа Бога основание церковных, гражданских и воинских правил положены суть. Да кийжды преступник по своему согрешению казнь восприимет, дабы прочие от таковаго начинания устрашились, зане вси человецы от рождения своего к злотворению вяшще, нежели к Богу судь склонны, и аще не бы были в народодержавствах уставленныя законы, кийжды творил бы по похотем сердца своего, из него же ничто ж кроме [1 об.] всякого зла не исходит. Сего ради Господь, видя, яко не быше довольно³⁹ отвратити род⁴⁰ человеческий от злотворения казными временными по законам градским, наипаче таковым страшное и вечное мучение в будущей жизни предъявляет.

Воинския же правила быша в различных народех от давных времен, яко о том пишут мнози летописцы, ибо кроме сих не точию врагов невозможно победити, но и сами, в великое смятение пришед, погибнут, яко о сем многия есть обрасцы.

Сего ради таковыя Правила воинския [2] в полках воинских зело потребны, которыя как обычай в некоих народех все воины должны клятвою утвердити, яко таковыя крепко и неподвижно держати хошут.

Сия же правила имут в себе глав таковых.

Глава 1. В начале же подобает воеводе быти во образ прочим жития безпорочна, чисту, воздержану⁴¹, бодру, благоугодну, мило-

³⁹ В рукописи: двольно

⁴⁰ В рукописи: рода

⁴¹ В рукописи: воздержну

стивому и никоему же злу причасну, их же и не точию сам не творил бы, но и никому творити позволял, зане аще той един имать законы сия преступати, ведомо, яко [2 об.] и прочие подвластии его, презрев всякий страх, акож де творити будут, ибо обычай человеком подвластным яко же в зеркало на начальство свое зрети и по житию тех и свое жительство управляти. Аще бы ратный вождь и един точию злое творити начнет, явленно, яко всем сущим воинам гибель предстоит, яко же многия рати злых ради воевод погибоша, зане таковым ратем счастье быти не может, ибо сам Господь ратует на таковыя. И, что реку, не точию воеводы ради, но единого ради согрешившаго воина Господь древле погуби многия, колми паче сотворит вождя ради. Ему же [3] подобало быти образом всякия добродетелем и чистоты или многих ради воин, иже не будут наказаны за своя злодейства.

2-я. По сем повелеваем всем имети страх Божий, ибо яко же кроме Божии помощи, веруем, ничто же можем себе благополучити. Того ради подобает нам себе к тому достойных сотворити. Страх же Божий имянуем, да никто же имя Божие всуе приемлет в клятве, никое же богохуление из уст своих испустит, ни же на пресвятую Богородицу, ни на коих божиих угодников; сотворшим же таковая разженным железом промкнути язык и прочую [3 об.] казнь сотворити по рассмотрению челоука и вины повелеваем.

3-я. Сице же сотворят и тем, иже что речет в посмеяние Божия словесе и слуг ево чина духовнаго.

4-я. А кто сотворит волное убивство, и женам и девам насилие, и зажог своих сел и деревень, и иных жилых мест, разбой, тадбу, наипаче же коня или какова оружия, и какое насильство, и инья подобных сим злости сотворит, такова во образ иным смертию казнити.

5-я. [4] Кто вдову, деву или чию жену чревату или нечревату или младенца бил, или обиду какую сотворил, или какими словами обезчестил, такового бить лозами или, по вине смотря, тяжчайшею казнию такова смирить. Также с первого дня походу все блятки ис полков изгнаны да будут з безчестием; явно по сем же обретенных нещадно лозами бити да будут и с трубою или барабаном ис полков выгнаны; держащих же таковыя у себя тайно таковым преступником явно потому же казнь сотворити повелеваем.

6-я. Кто в полкех учнет на государя своего, или на воеводу, или начальнаго своего челоука [4 об.] составлявати какие скопы, и за-

говоры, и мятежи, таковых без милости и склаветры их, кои о их заговорех ведали, а не известили начальным своим людем, казнити смертию, повесити.

7-я. Кто учнет составлять со своею братиею какие сходства тайныя на особых отлученых местех без ведома своего капитана или полковника, такового казнити смертию же, повесити.

8-я. Также которыя в такия собрания учнут приходити и иныя к тому призывать и возбуждать, чтобы на такия особыя места для совета приходили, таковых казнить же, [5] наипаче же аще в такое преступление начальный человек объявится.

9-я. Кто учнет какое зло слово говорить про своего государя, или какое поношение, или укоризну, того казнить смертию.

10-я. Кто учнет какия слова говорить к мятежу или непослушанию начальства своего, такова казнить смертию, купно и того, кто, слышав такие слова, и начальнику своему не известит.

11-я. Тако ж де будет, кто учнет при иных служилых людех сказывать такие словеса собою, или слышав от инаго, или что [5 об.] начнет, что б к мятежу приводило, такова казнить же смертию.

12-я. Кто в полках или в осадах, будучи с неприятелем, учнет имети какия пересылки на словах или на писме явно или тайно без ведома и повеления своего воеводы и начальника, такового, подлинно о том сыскав, казнить смертию.

13. Кто учнет какия розговоры и свойство имети с неприятельским присланным для какова любя дела в полки с трубачею или барабанщиком, или кто будет послан в неприятельские полки, учнет сказывать лишнее, чего ему не приказано, [6] такова казнить смертию.

14. Кто в государстве своем или союзных великого государя нашего в походе, или отходе, или стоянии учнет каким людем в городех или в селех и деревнях чинити какое насилдование и, не заплатя уставныя цены, учнет какия запасы или иное что насильством отнимать или что учнет разорять⁴², пустошить мельницы водныя или пруды раскопывать, станы зажигать кроме повеления воеводы или начальных людей, смертию будет казнен.

15. Кто учнет проезжим людем какую задержку, обиду, грабеж или коим градам, селам и деревням какое разорение чинити, [6 об.] которым даны опасныя и проезжия грамоты, чтоб их не разорять и пропускать, такового казнить смертию.

⁴² В рукописи: разорят

16. Кто ис своей сотни или полка или испод своего знамени в другую сотню или полк перейдет бес повеления и писма своего начальника, такового казнить смертию.

17. Который капитан без ведома своего полковника учнет в свою роту или сотню новых салдат принимать, такова казнить смертию.

18. Кто, в коем городе, или селе, или деревне стояв на дворе, дворнику своему [7] или жене, или детям, или от рабов ево учинит какую обиду, ударит и зашибет, такового бити по рассмотрению лозами. А которой обранит до крови или состав который, руку или ногу, переломит, такому отсечь руку⁴³, или по разсмотрению раны учинить.

19. Кто какия запасы, в полк или город осадной и не осадной хотящие ити, пограбит или разбоем что возмет, такового казнить смертию, повесить.

20-я. Кто, выбежав наперед, какова чина нибудь, и сретя какия запасы продажныя, учнет для своей корысти и прибыли закупать, [7 об.] не дождавсь привозу тех в полки и оценки, или кто купца, или харчевника, или мясника пограбит, такова казнить смертию.

21. Кто из своего стана, ис под своего знамени без ведома капитана своего дале пойдет, как ис пушки мочно дострелить, для какова ни есть дела, такового повесить.

22. Кто ис полка, становища, города осажденного или двора без ведома своего начальника для каких ни есть причин для корму или иного что побежит, такова повесить.

23. Кто украдет какую скотину от подданных [8] государя своего, такова как татя казнить.

24. Кто в поход к полку шед или ис походу до указа отступит и, свое знамя покинув, побежит, такова без милости смертию казнить.

25. Кто в походе кроме явныя и совершенныя болезни пойдет в обоз, и скроется, и сядет на телегу, и того перед всею сотнею бить по рассмотрению.

26. Кто от своего неостерегательства какую на нем положенную службу или караул простережет или прогуляет, такова во образ иным казнить смертию. [8 об.]

27. Которой салдат или иной какой служилой человек на своей сторожи спящ объявится, такова казнить смертию.

⁴³ В рукописи: рука

28. Которой будет на караул или на сторожу поставлен и для каких своих дел без ведома своего корпорала или прочаго начальника, не дождався уреченного время ни своя перемены, отъидет, такова казнить смертию.

29. Кто объявит своему неприятелю или иному кому слово или ясак, ему от начальника данный, или иной ясак даст, как начальник ему дал, такова казнить смертию.

[9] 30. Кто отлучится ис караульных изб во дни болши дву часов, или без указу своего начальника, или ночью малое время, такового казнить смертию.

31. Кто без явные причины ночью в походе или стану учинит всполох, смуту, или пищаль какую выстрелит, или вскрикнет, или какой шум учинит без указу, такова казнить смертию без пощады.

32. Кто в ополчении и обозе, или городе, или по уставленом карауле на кого оружие свое вымет, того казнить смертию, также и вне полка или города без указу своего копитана или полковника.

[9 об.] 33. Кто кого ударит саблею или шпагою в ножнах, или какою палкою, или камнем, или иным чем до крови, таковому отсечь руку⁴⁴ или учинить казнь, смотря по ране.

34. Кто кого ударит в щоку или кулаком, и тому, кого он обидил, при всей сотне так же того ударить, да ему же учинить наказание по рассмотрению начальника.

35. Тако ж де повелеваем, которья рейтары или салдаты без указу своего полковника или капитана учнут приходить все скопом к генералу о деньгах или о ином о чем без позволения начальника своего, таковых казнить смертию, наипаче же капитан [10] и иные начальники, которые сами поизволят не в подобное время или непристойным обычаем, во образ иным смертию же казнь воспримут, а посылать им от себе с позволения капитан своих в подобное время одного человека.

36-я. Кто учнет о денгах вопить, как поход будет близ неприятеля, или под неприятельским городом, или во время розряду полков к бою с неприятелем, такового казнить смертию.

37-я. Тако ж де, аще прилучитца каким случаем, месечная запла-та на уреченны срок [10 об.] салдат не придет, и те деньги за неприятельскою близостию или иною какою препною в полки на срок не будут, и для того да никто же в полках сотворит какое смятение или непристойныя слова, или не принудит капитан своих

⁴⁴ В рукописи: рука

к платежу силою, или бы кто за тем должность свою учал отоставлять и на караулы не ходить, но таковой да удовольятся, пока заплата придет, малыми займами; преступающих же сего казнить смертью.

38-я. Который капитан, поруччик или прапорщик в городе или в полках, оставя свои роты или сотни, поедет бить челом в города для платежу денег или для своих [11] каких дел без указу своих полковников, таковых казнить смертью.

39-я. Который в драке меж себя учнет завзати горожан или сродичев своих, хотя от того вящей бой и смятение сотворить, такового повесить.

40-я. Который обрящется днем или ночью вне города или полка без указу копитана его или полковника, такового повесить.

41-я. Которой пойдет на подъезд неприятелской, а същется, что грабил или что отимал у своих, такового повесить.

42. [11 об.] Которой салдат иного без ведома своего начальства для какой ссору особно вызовет на поединок, того повесить.

43-я. Кой корпорал или иной начальной человек сторожи даст поизволение двум своим салдатам ити на поединок, такового казнить смертью без пощады.

44-я. Кто кого обидит словом или рукою, и обиженому собою не боронится, а о том жалобу приносить начальнику своему, которому в то ж время сыскать, подлинно виноватому учинить наказание, до чего доведется.

45. А будет ссору их рознять⁴⁵ [12] нечем, потому что свидетелей не было, и им велеть мириться, а которой из них мириться не похочет, и тому учинить наказание по рассмотрению.

46. Которой начальной человек или салдат придет в город или в обоз не в ворота или не в обykleй путь иною дорогою чрез переграду или вал, такова повесить без милости.

47. Которой салдат не учнет слушать начальника своего и волю его и приказы исполнять не похочет или, что при трубе или барабане будет выкликано, преступит, такового казнить смертью.

48. [12 об.] Которой во время всполоха не станет под свое знамя и отбежит во ино место безуказу своего начальника и не станет в то время, как прапорщик стоит, и того казнить смертью.

49-я. Всяк должен будет оборонять свое знамя днем и ночью и первым остереганием под свое знамя да станет, не отлучая

⁴⁵ В рукописи: А будет ссору их рознять будет

от того полка, знамя в безопаство принесетя; приступающих казнить смертию.

50-я. Кто без нужных причин и без указа своего начальника, о том дав ему знать, выступать из своего строения или из своей шеренги или ряда, в кой поставлен, [13] такова казнить смертию.

51. Которой в бою или приступе первой побежит, такового вольно книждому убить, а хотя уйдет, и, такова поимать, как вора казнить, повесить.

52. Кто от капитан или прочих салдат поставлен в оборону какова города, шанца, места или инаго, что своею волею оставит или какою украшенною причиною с того места сойдет без воинского совета и указа начальных людей, такового казнить смертию.

53. Кто здаст без указа неприятелю какое место, ему на збережение врученное, такова [13 об.] казнить смертию.

54. Кто в осаде учнет явно своим о безсилии своем кричать, или о том говорить, или не станет бится или работати и своих мест оберегать, или иных к тому ж приведет и к бою неохотных сотворит, или что учинит, от чего обороона ослабеет, такова казнить смертию.

55. Кто к неприятелю перебежит, и такового, изымав, казнить смертию.

56. Капитаном от иных копитан слуг или салдат в свои сотни или роты к себе не переманивать; преступившим сие казнить смертию.

57. [14] Которой салдат или иной кто словом или делом учнет помеху чинить маеору, будущему тогда в деле, такова казнить смертию; так ж казнить смертию такового, которой не удовольился отведенным ему станом от квартирмаистра и учнет на него мятеж чинить или иному в делах на нем положенных учнет помеху.

58. Салдата, которого во время приходу под знамя на караул обрящут и не со всем его оружием, такового сперва бить с пощадою, в другия⁴⁶ бить нещадно.

59. Книждый должен во всякой день в вечере воеводе своему сказывать, каких полоняников [14 об.] того дня взял и их самих явить; кто сие преступит, лишится тех вязней и сам живота своего.

60. Кто от высоких или нижайших начальников салдат изымает какова великого или среднего чина неприятельского войска начального или рядового ратного человека, и такого не вольно будет никому на откуп отпускать, но тех высылать к государю сво-

⁴⁶ В рукописи: дрие. Исправлено по списку РНБ.

ему, приняв за свою службу такое жалованье, как великий государь смотря по службе пожалует.

61. Кто без ведома генерала, кто ни есть, взяня своего поймав, убьет или [15] на откуп отпустит, такому наказание учинить по вине и рассмотрению, какова человека убьет или отпустит.

62. А будет такой полоняник, будучи в обозе у кого взят, и учнет у кого ходить без ведома воеводска или начального прочего человека на воле по обозу или валу, и кто такова взяня поймает, тому он и будет отдан, а тому, чей он был до него, впредь дела несть, да сверх того, по вязню смотря, тому, кто ево на свободу ходить отпустил, учинить наказание.

63. Будет кто в подъезде что возмет и по трех часех воеводе не объявит и не запишет, [15 об.] у такового взятую добычу взять и, сверх того, учинить наказание.

64. Кто, быв в отпуске с ведома начальных своих людей в подъезде, и возвратитца з добычею и, не доехав до своих табору и обозу, тое добычу на сторону продаст и часть товарищев своих украдет, такого казнить смертно, да никто же своего неправедне будет лишен.

65. В которой роте или сотне салдат обрящется в каком преступлении, и капитану его или его порутчику, как капитана⁴⁷ нет, должен того салдата поставить тотчас пред генерала, которой с совету [16] прочих своих товарищей тому салдат повелит учинить наказание против сих статей или в меньших вин по общему рассмотрению; а которой капитан так не учинит, и такова з безчестием от чина отставить и ис полков выгнать.

66. Который начальный человек, или салдат, или рейтар в день своей сторожи пьян обявится, и такова от службы отставить з безчестием, а салдата бить по рассмотрению.

67. Кто в пьянстве что учинит против по статьям сим, такова пьянства ради не оправдать, но наипаче по вине его казнить.

[16 об.] 68. Капитан или салдат, которой в повеленное место или на смотр не станет, капитана отставить, а салдата бить нещадно.

69. Кто во время смотру напишется в список непрямым именем, или приедет в смотр не на своей лошади, на казенной, или ружье возьмет чужое, или кто ружье даст на ссуду, у такова лошадь и ружье отняв и бив нещадно, выгнать ис полков.

⁴⁷ В рукописи: капита

70. Кто в смотре напишется в две сотни или роты одним именем или разными для всякаго платежу, такова казнить смертию.

71. [17] Кто свое ружье после смотру убавит, или продаст, или заложит, и такова ис полков выгнать без милости.

72. Также повелеваем, да никто от товарища своего какова оружия возьмет под заклад, а будет кто так учинит, и тот лишен будет денег своих, а кто под заклад денег возьмет, будет наказан, как выше сего описано.

73. А кто оружие свое проиграет, и кто в проигрыш чье ружье примет, или у кого ружье сыщется нечисто, испорчено и неготово, и того без платежу и без запаса ис полков гнать.

74. Кто лукавством отлучит у таварыща своего [17 об.] какое ружье или какой запас, и того ис сотни выгнать и отставить на три месяца или, смотря по случаю, такова во образ иным казнить смертию.

75. Кто камисара или началнаго человека смотря обесчестит словами или рукою ударит, такова казнить смертию.

76. Капитана, которой что украдет от заплаты салдат своих и даст им менши того, что им дать жалованья указано, и такова з бесчестием от чина отставить.

77. [18] Которой салдат оружие свое примет и вымет на полковника или прочего своего начальника, такова казнить смертию.

78. Как профост коего салдата возмет за караул, и которой один или многие салдаты учнут того поиманого салдата от профоста отымать или отбивать, таковых ж казнить смертию.

79. Никому от служилых людей всякого чина и полкех, и обозе, и таборех харчем и ничем не торговать без указу полковника своего, а кто се преслушает, у таковых оружие отняв, от чину отставя, ис табор [18 об.] выгонять.

80. Должны будут при сем и харчевником и всяким людем сие статьи последовать. И возбраняем при сем за час до восхода сонца и час по захождении в ночи никому пива ни вина и никакова пиятья не продавать, а на преступающих доправливать пени во всякое время по 20, а те деньги половина профосту и генералу, а другая половина нищим.

81. И инья преступления и прегрешения и zde не описанныя имут быти наказаны по воинскому праву и совету общего генерала с товарищи.

[19] 82. Когда новья салдаты будут приняты, да никто же неведанием статей сих учнет оправдаться, повелеваем приступаю-

щия тако же по сему наказати, и для того во время всех смотров сии статьи всем велели, да всяк увестъ, прочитати, чтобы все статьи от всех совершенно были последованы и ни в чем не нарушены и не преступлены.

КРИТЕРИИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА В РОССИИ (ПРОВИНЦИАЛЬНЫЙ АСПЕКТ)¹

В обширной российской и западной литературе в характере модернизации Российской империи во второй половине XIX в. традиционно выделяются роль государства и западные инвестиции, сыгравшие решающую (по А. Гершенкرونу) или весьма важную роль в индустриализации, общем экономическом развитии России². При этом во всех дискуссиях неизбежно встаёт вопрос об источниках и их достоверности³.

Сложности изучения хозяйства страны при несовершенной тогда системе статистики создают риски глобальных ошибок, особенно в макроэкономических расчётах, когда авторы вынужденно или умышленно оперируют «средней температурой по больнице». Не меньшие проблемы встают при исследованиях на региональном уровне — как развивалась экономика губернии, когда и почему наблюдались спады и подъёмы?

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19–09–00 015.

² См.: Беспалов С. В. Экономическая модернизация России в конце XIX — начале XX в.: Современная историография: Аналитический обзор. М., 2014. С. 20–21.

³ См., напр.: Грегори П. Экономическая история России: что мы о ней знаем и чего не знаем // Экономическая история. Ежегодник. 2000. М., 2001; Он же. Экономический рост Российской империи (конец XIX — начало XX в.): Новые подсчёты и оценки. М., 2003.

Особенно приблизительны сведения второй половины XIX в., когда старые (сословные, ревизские) принципы сбора информации уходили в прошлое, а новая (земская, коммерческая, транспортная) статистика ещё только складывалась. Весьма приближённые губернаторские отчёты — почти единственный источник информации, не считая редких справочников.

В поисках ответов на актуальные вопросы может помочь финансовая статистика. 4 ноября 1873 г. в Уфе открылось отделение Волжско-Камского коммерческого банка (далее ВККБ), одного из крупнейших частных банков Империи, создавшего обширную сеть филиалов в провинции. Он был основан в 1870 г. старообрядцем Василием Александровичем Кокоревым (1817–1889), председатель правления до 1878 г., его семья владела контрольным пакетом акций ВККБ. С 1875 г. председателем совета банка стал выдающийся финансист Е. И. Ламанский, а с 1879 г. фактическим руководителем являлся А. Ф. Мухин⁴.

Впервые региональные предприниматели получили передовые инструменты для финансовых операций, в первую очередь возможности быстрого безналичного расчёта с контрагентами, находившимися за сотни вёрст. Уже за первые два месяца работы оборот средств Уфимского отделения ВККБ составил 3 519 902 руб. 10 коп.⁵

Оборот средств (сумма счетов актива и пассива) показывает масштабы экономической активности местного (уфимского) бизнеса. В Уфе действовало ещё отделение Государственного банка, которое не оказывало предпринимателям подобных услуг, затем появились два небольших городских банка. Уфимское отделение Волжско-Камского коммерческого банка вплоть до начала XX в. оставалось единственным в крае филиалом крупного столичного банка, занимая львиную долю финансового рынка. Весь крупный и значительная часть среднего бизнеса проводила свои операции именно через ВККБ.

В следующей таблице показаны обороты Уфимского отделения Волжско-Камского коммерческого банка в 1874–1888 гг.

⁴ Ананьич Б. В., Беляев С. Г., Дмитриева З. В., Лебедев С. К., Лизунов П. В., Морозан В. В. Петербург. История банков. СПб., 2001. С. 144–145.

⁵ См.: Роднов М. И. Уфимское отделение Волжско-Камского коммерческого банка: начало истории (1873–1875 гг.) // Экономическая история: Ежегодник. 2016/17. М., 2017. С. 87–111.

Год	Оборот средств (руб.)	Год	Оборот средств (руб.)
1874	25 178 507,38	1882	60 064 611,44
1875	31 297 497,80	1883	49 299 006,90
1877	34 163 223,20	1884	47 646 572,64
1878	39 513 886,18	1885	65 182 771,98
1879	56 096 582,36	1886	73 625 745,44
1880	51 011 233,52	1887	63 097 039,66
1881	59 494 455,50	1888	59 157 196,04

Источники: РГИА. Ф. 595. Оп. 3. Д. 1177. Л. 1; Д. 1178. Л. 1; Д. 1180. Л. 1; Д. 1181. Л. 1; Д. 1182. Л. 1; Д. 1183. Л. 1; Д. 1184. Л. 1; Д. 1185. Л. 1; Д. 1186. Л. 1; Д. 1187. Л. 1; Д. 1188. Л. 1; Д. 1189. Л. 1; Д. 1190. Л. 1; Д. 1191. Л. 1. Отчёт за 1876 г. не сохранился.

Существенную часть оборота Уфимского отделения ВККБ составляли текущие счета предпринимателей, через которые осуществлялся безналичный расчёт, а также трансферты (переводы) на свои конторы, банк создал широкую сеть филиалов. Например, в 1884 г. оборот вкладов по текущим счетам (принято и выдано) составил 7 573 083,01 руб., а величина трансфертов на свои конторы (ВККБ) исчислялась в 3 402 345,28 руб.⁶

Материалы таблицы свидетельствуют о неуклонном росте объёмов финансовых операций в Уфимском отделении ВККБ. Лишь в 1883–1884 гг. наблюдался серьёзный спад деловой активности. Это были годы сильных неурожаев, между прочим, совершенно забытых⁷. В 1883 г. произошло извержение вулкана Кракатау, и климатические последствия наблюдались во многих странах.

В подробном исследовании Х. Ф. Усманова, где автор использовал все обзоры Уфимской губернии, в том числе за 1883 и 1885 гг., отмечена непонятная ситуация с величиной посевов именно во вто-

⁶ РГИА. Ф. 595. Оп. 3. Д. 1187. Л. 2 об. — 3.

⁷ Специалисты по голодовкам неурожаи 1880-х гг. в историографических разделах не упоминают. См., напр.: *Кондрашин Виктор, Пеннер Диана*. Голод: 1932–1933 годы в советской деревне (на материалах Поволжья, Дона и Кубани). Самара; Пенза, 2002; *Поляков В. А.* Голод в Поволжье, 1919–1925 гг.: происхождение, особенности, последствия. Волгоград, 2007; *Корнилов Г. Е.* Голодовки населения в конце XIX — первой половине XX века на Урале: компаративный анализ (к постановке проблемы) // Голодовки в истории России XVIII–XX веков. Оренбург, 2013.

рой половине 1880-х гг. В Уфимской губернии они почти не росли. Выводы автора были таковы: «Нам не удалось установить, где допущена ошибка — при подсчёте посевов в четвертях или в десятинах. Но ясно, что посевы расширились тогда незначительно»⁸.

Единственным источником являются составлявшиеся в качестве приложений к всеподданнейшим отчётам «обзоры Уфимской губернии». Небольшой штат статистиков во главе с Н. А. Гурвичем собирал информацию в основном через административные структуры. И в обзоре за 1883 г., действительно, лишь констатируется уменьшение посева в сравнении с 1882 г. Единственные конкретные сведения о природно-климатической ситуации в крае находим в разделе о кормах. «Недобор трав в 1883 году был следствием весенней засухи по всей губернии и весеннего маловодья в реках, которые почти не выходили из берегов» в результате пострадали заливные луга⁹. Цены на основные хлеба (рожь, ржаную муку) росли.

До возникновения земской статистики скудные нарративные источники не позволяют воссоздать точную обстановку. Так, в обзоре за 1885 г. говорилось об обильном урожае 1884 г., но в разделе о климатических условиях отмечалось, что «по малоснежью предшествовавшей зимы реки почти не выходили из берегов», «вообще лето было не из благоприятных для растительности, по малому числу тёплых и ясных дней и не своевременности дождей», «в общем осень была неблагоприятная для сбора хлебов». Но урожай полностью покрыл все потребности населения и вывоза из губернии¹⁰. И финансовые показатели Уфимского отделения ВККБ в 1885 г. были превосходны.

Ситуация за 1883–1884 гг. показывает принципиальное различие источников. Абстрактно-расплывчатый губернаторский отчёт императору, с неизбежным опасением крупного провинциального администратора побеспокоить высокую власть заботами и проблемами, желанием засвидетельствовать успехи в подведомственной губернии, не сообщал конкретных данных. Тогда как цифровой материал банковской отчётности позволяет измерить рост или упадок финансов в рублях и копейках.

⁸ Усманов Х. Ф. Развитие капитализма в сельском хозяйстве Башкирии в пореформенный период. 60–90-е годы XIX в. М., 1981. С. 325, 327.

⁹ Обзор Уфимской губернии за 1883 год. Уфа, 1884. С. 4–5.

¹⁰ Обзор Уфимской губернии за 1885 год. Уфа, 1886. С. 2, 3, 6.

Показатели финансовой активности в Уфимском отделении ВККБ рельефно выделяют кризисную ситуацию в 1883–1884 гг., значительная часть клиентов банка была связана с хлебной торговлей, одной из основных отраслей экономики края. А затруднения на рынке, рост цен (предполагаемый) неизбежно проявлялись через сокращение вкладов и оборотов на текущих счетах, уменьшение вексельной операции и пр.

Небольшие спады наблюдались также в 1880 и в 1886–1887 гг., но неуклонный рост оборотов Уфимского отделения ВККБ за выбранный 15-летний период — очевидный факт. При этом надо помнить, что уфимцы только ещё ожидали прихода «чугунки», железнодорожное сообщение с Самарой откроется в конце 1888 г. Единственная современная транспортная коммуникация — речное пароходство — оставалась не стабильной. Из-за летнего пересыхания главной водной артерии — реки Белой, отправка на барках грузов прекращалась к июлю¹¹. С речных пристаней вывозился хлеб в основном предыдущего урожая. Важное значение сохраняли старинные гужевые тракты.

И в этих условиях в сравнительно небольшом губернском центре (по данным однодневной переписи 17 июня 1879 г. в Уфе проживало 23 197 чел.¹²) в 1870–1880-х гг. происходил непрерывный подъём деловой активности, который, между прочим, не прервала даже русско-турецкая война.

Анализ сведений по текущим счетам показывает устойчивый социум провинциальных предпринимателей. Например, в 1874 г. у десяти вкладчиков оборот средств превысил 100 тыс. руб., а в 1887 г. поступило и списано с текущих счетов капиталов в размере свыше 100 тыс. руб. уже у 26 вкладчиков (включая Уфимский городской общественный банк).

Если в 1874 г. лидером был купец И. А. Кондратьев с оборотом в 377 225,26 руб., капиталы остальных не превышали 200 тыс. руб., то в 1887 г. крупный поволжский хлеботорговец В. И. Березин провёл через Уфимское отделение ВККБ безналичные расчёты на гигантскую сумму в 1 665 638,07 руб. Уфимский городской общественный банк, кредитовавшийся в ВККБ, в 1887 г. поло-

¹¹ Навигационную обстановку см.: *Роднов М. И., Дегтярёв А. Н.* Хлебный рынок Уфимской губернии в конце XIX — начале XX века. Уфа, 2008. С. 99–101.

¹² *Гурвич Н. А.* Справочная книжка Уфимской губернии. Сведения числовые и описательные относятся к 1882–1883 гг. и только весьма немногие — к прежним годам. Уфа, 1883. Отдел IV. С. 28.

жил и снял со своего текущего счёта 403,4 тыс. руб. Оборот у пятерых предпринимателей превысил 300 тыс. руб. (братья Ушковы, К. И. Юдаев, И. К. Салтыков, И. А. Васильев, Е. И. Кузнецов). За исключением Юдаева, все пришлые.

Зато среди предпринимателей, чьи обороты на простых текущих счетах в 1887 г. превысили 200 тыс. руб., преобладали уфимцы (А. П. Зайков, Г. С. Соловьёв, А. М. Паршин, С. Л. Сахаров и приезжий П. В. Щетинкин).

В 1887 г. 29 вкладчиков держали в Уфимском отделении ВККБ специальные текущие счета, открывавшиеся под залог ценных бумаг. Лидерами по обороту капитала тут являлись Ю. Ф. Балыц (836,8 тыс. руб.), уфимский купец и лесопромышленник Ф. Е. Чижов (388 тыс. руб. и ещё 105,5 тыс. на простом счёте), а также Г. С. Соловьёв (336,6 тыс. руб.)¹³.

Материалы Уфимского отделения ВККБ позволяют утверждать, что в Уфе сложился устойчивый социум предпринимателей, а также крупные сделки проводили хлеботорговцы и иные бизнесмены из соседних поволжских и прикамских губерний. Такая же стабильная клиентура наблюдалась, к примеру, в Наманганском агентстве и Кокандском отделении ВККБ¹⁴.

Таким образом, достаточно рано появившаяся отчётность финансовых учреждений позволяет перейти от нарративных источников (губернаторских отчетов с приблизительной статистикой) к достаточно точному измерению экономического роста (или упадка) по многим регионам Российской империи. Обороты средств Уфимского отделения ВККБ однозначно свидетельствуют о неуклонном росте финансовых операций с 1874 по 1888 г. Рынок услуг стремительно развивался в крае ещё до прихода железной дороги. Отдельные спады не меняли ситуацию.

Экономическое положение Уфимской губернии, если мерить объёмом финансовых услуг (третичного сектора), оставалось стабильным. Отчёты банка обнаружили сильные кризисные явления в 1883–1884 гг., природа которых, скорее всего, лежала в климатических колебаниях.

¹³ РГИА. Ф. 595. Оп. 3. Д. 1177. Л. 12 об. — 13; Д. 1190. Л. 77–79 об., 81.

¹⁴ Алимджанов Б. А. История Наманганского агентства Волжско-Камского коммерческого банка // Историко-экономические исследования. 2018. Т. 19. № 3; *Он же*. Из истории Кокандского отделения Волжско-Камского коммерческого банка // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия Гуманитарные и общественные науки. 2018. № 3.

Финансовые учреждения обслуживали в основном две отрасли торговли — хлебную и лесную. На важность изучения бизнес-инфраструктуры в русле концепции «джентльменского капитализма» именно в связи с вывозом сельскохозяйственной продукции обращает внимание С. А. Саломатина¹⁵.

При изучении критериев экономического роста в провинции (Уфимской губернии) отсутствуют два самых обсуждаемых фактора — роль государства и иностранные инвестиции. Можно говорить лишь о косвенном их воздействии, казна в принципе поддерживала Волжско-Камский банк, а большие массы вывозившегося уфимского хлеба в портах Балтийского моря скупали иностранные торговцы. Непосредственно в Уфе Волжско-Камский банк активно сотрудничал с местным отделением Государственного банка, кредитовался там. Но разглядеть конкретное влияние государства на провинциальное купечество, не говоря уж о редких на Южном Урале иностранцах, да ещё с инвестициями, сложно.

¹⁵ Саломатина С. А. Учётно-судный банк Персии в свете теорий империализма, глобализации и джентльменского капитализма, 1891–1914 гг.: эссе памяти Бориса Васильевича Ананьича // Россия и мир в конце XIX — первой половине XX в. : Сборник к 85-летию Бориса Васильевича Ананьича. СПб., 2017. С. 61.

Е. Е. Юдин

КНЯЗЬЯ ЮСУПОВЫ: СОСТОЯНИЕ И ИСТОЧНИКИ ДОХОДОВ КРУПНЕЙШИХ ЗЕМЛЕВЛАДЕЛЬЦЕВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В 1890–1914 ГГ.

Русская аристократия, наряду с землевладельческими элитами в других европейских странах, оставалась накануне 1914 г. влиятельной социальной и политической силой. При этом в историографии сложилось представление, что её основополагающие качества — сословная исключительность, основанная на принципе наследственности; доминирование в составе правящего класса; обладание крупной земельной собственностью — в условиях индустриальной модернизации не могли гарантировать в ближайшей перспективе сохранения прежнего положения этой социальной группы в обществе. Советские историки характеризовали в целом помещичий класс как ретроградную силу, находившуюся в перманентной стадии упадка и разорения, но признавали за крупнейшими землевладельцами определённые возможности встраивания в новую капиталистическую систему, однако лишь посредством интеграции в состав буржуазного класса. Разорение и упадок дворянства виделись в сокращении дворянского землевладения, падении доходности имений, росте задолженности, господстве «потребительски-паразитических» отношений в среде дворянства, его «предпринимательской немощи»¹. Дискуссии среди совет-

¹ Анфимов А. М. Крупное помещичье хозяйство Европейской России (конец XIX — начало XX века). М., 1969; Минарик Л. П. Экономическая характери-

ских историков-аграрников в 1960–1980-е гг. велись в основном вокруг тезиса о преобладании «полукрепостнических» или «капиталистических» черт в развитии крупных помещичьих хозяйств. С определенной долей осторожности к этим выводам присоединилась в целом западная историография вслед за авторитетными выводами А. Гершенкрона². В последние десятилетия наметилась тенденция к некоторому пересмотру этой традиционной точки зрения, но в целом до сих пор повторяются, за некоторым исключением, крайне идеологизированные постулаты советской историографии. Более объективный подход виден в достаточно уже давних исследованиях С. Беккера и Д. Ливена. Речь идёт о возможностях крупных российских землевладельцев использовать иные, помимо сельскохозяйственного производства, источники доходов, напрямую связанные с индустриальным развитием страны³. Относительно последней проблемы необходимо выделить работы Н. А. Проскуряковой, в которых специально анализировалась ипотечная задолженность дворян-землевладельцев в государственных и коммерческих банках Российской империи. Исследовательница пришла к выводам, что большая часть дворянских заёмщиков использовала полученные кредиты для развития собственного хозяйства, и земельная ипотека носила в целом предпринимательский характер⁴. В целом же проблема выбора экономической стратегии крупнейшими российскими землевладельцами в условиях индустриального развития страны требует дальнейшего изучения.

ка крупнейших земельных собственников России конца XIX — начала XX в. М., 1971; *Рындзюнский П. Г.* Порепорформенное помещичье хозяйство и капитализм // Вопросы истории капитализма в России. Свердловск, 1972; *Корелин А. П.* Дворянство в порепорформенной России. 1861–1904. М., 1979; *Ковальченко И. Д., Селунская Н. Б., Литваков Б. М.* Социально-экономический строй помещичьего хозяйства Европейской России в эпоху капитализма. М., 1982

² *Gershenkron A.* Agrarian Policies and the Industrialization of Russia, 1861–1917 // *The Cambridge Economic History of Europe*. Vol. 6 (2). Cambridge, 1965; *Crisp O.* Studies in the Russian economy before 1914. L., 1976; *Simms J.* The Crisis in Russian Agriculture at the End of the 19 c. // *Slavic Review*. Vol. 36. № 3. 1977; *Manning R.* The Crisis of the Old Order in Russia. Gentry and Government. Princeton, 1982. P. 8–49; *Gatrell P.* The Aristocratic Economy, 1850–1917. N.-Y., 1986.

³ *Ливен Д.* Аристократия в Европе. 1815–1914. СПб., 2000. С. 39–164; *Беккер С.* Миф о русском дворянстве. Дворянство и привилегии последнего периода императорской России. М., 2004. С. 46–148.

⁴ *Проскурякова Н. А.* Земельные банки Российской империи. М., 2002; *Проскурякова Н. А.* Ипотека в Российской империи. М., 2014.

Князья Юсуповы с их огромным хозяйственным комплексом представляют в данном случае особый интерес. Эти потомки ногайских правителей, перешедшие в середине XVI в. на службу к русским царям и в 1681 г. принявшие православие, в течение XVII–XVIII вв. за счёт государственных пожалований сосредоточили в своих руках обширные земельные владения, а благодаря удачным бракам приумножили своё благосостояние и вошли в состав высшей русской аристократии. К началу XX в. семья Юсуповых сохранила в неизменном виде своё состояние, крупнейшее среди землевладельческой элиты. Накануне 1914 г. последние представители семьи — княгиня Зинаида Николаевна Юсупова, её муж князь Феликс Феликсович Юсупов-старший граф Сумароков-Эльстон и их сын Феликс Феликсович-младший (старший сын Николай погиб на дуэли в 1908 г.) — считались богатейшими людьми империи. Общее мнение было таково, что состояние Юсуповых было не меньше, чем у представителей новых промышленных и финансовых классов, и даже могло быть сравнимо с богатствами Романовых. Богатства и роскошь, в которых жили Юсуповы, поражали воображение даже членов императорской фамилии. Так, например, великий князь Гавриил Константинович, детство и юность которого прошли в великолепных великокняжеских резиденциях, в Павловске и Мраморном дворце в Петербурге, вспоминал о своём посещении Юсуповых в их крымском имении: «Мы как-то обедали у Юсуповых. Они жили по-царски. За стулом княгини стоял расшитый золотом татарин и менял ей блюда. Мне помнится, что стол был очень красиво накрыт и что были очень красивые тарелки датского фарфора. В столовой было большое зеркальное окно с прекрасным видом на Ай-Петри»⁵. Великая княгиня Ольга Александровна, сестра Николая II, также оставила воспоминания о посещении великолепных резиденций Юсуповых и поразившей даже её роскоши: «Я всё ещё помню их [Юсуповых] гостиные и столы, уставленные хрустальными чашами и неограниченными сапфирами, изумрудами и опалами — всё это использовалось для украшения». При этом она добавляла следующее: «Я думаю, что сказочное богатство вовсе не испортило княгиню Юсупову. Она была добра и великодушна и могла быть верным другом. Но, увы, она была многострадальной матерью —

⁵ Гавриил Константинович, *всл. кн.* В Мраморном дворце. М., 2001. С. 132–133.

она слишком избаловала своих детей»⁶. Немногие члены императорской фамилии могли похвастаться таким размером богатства, которым владели Юсуповы. Любопытно, что даже личное состояние невесты Феликса Юсупова-младшего княжны императорской крови Ирины Александровны⁷, дочери великого князя Александра Михайловича и великой княгини Ксении Александровны, родной племянницы императора Николая II, было весьма скромным по сравнению с капиталами семьи её будущего мужа⁸. Князь М. В. Голицын, сын московского губернатора, присутствовавший на одном из приёмов Юсуповых в их подмосковной усадьбе, отмечал: «В Архангельском поражала роскошь обстановки, куда большая, чем в Ильинском⁹, так и видно было желание хозяев показать своё богатство»¹⁰. Один из родственников Юсуповых князь С. Оболенский остроумно подметил, что Юсуповы владели столь многим, их денежные доходы были столь велики, что даже они сами не знали в действительности истинных размеров и стоимости своих богатств¹¹. Архитектор А. Я. Белобородов, выполнявший реконструкцию части дворца Юсуповых на Мойке в 1914–1916 гг. писал в воспоминаниях: «Одной из причин исключительности работы для Юсуповых было их несметное богатство. Для молодого князя не существовало вопроса о стоимости той или иной работы. Его интересовал лишь результат. Не было в нём и тени мелочливой скупости, так часто свойственной очень богатым людям...»¹².

⁶ Мейлунас А., Мироненко С. Николай и Александра. Любовь и жизнь. М., 1998. С. 376.

⁷ Брак между ними был заключен в феврале 1914 г.

⁸ Так, по данным Конторы Двора, на 1 января 1917 г. личный капитал Ирины Александровны Юсуповой составлял 540 775 руб., из которых 540 100 руб. приходилось на ценные бумаги, 544 руб. на текущем счету Волжско-Камского коммерческого банка и 130 руб. в кассах Конторы Двора. Годовой доход княгини за 1916 г. составил 30 049 руб. (по текущему счету Конторы Двора — 226 руб., по 5% облигациям государственного внутреннего займа 1905 г. — 1 435 руб., по 5% вкладным листам Государственного Дворянского земельного банка — 14 689 руб., по 4,5% вкладным листам этого же банка — 8 644 руб., выиграно на курсе при обмене процентных бумаг — 53 руб., передано от великого князя Александра Михайловича 5 000 руб.). — Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1290. Оп. 2. Ед. хр. 4674. Л. 3 об., 4 об.

⁹ Имение великого князя Сергея Александровича и великой княгини Елизаветы Фёдоровны.

¹⁰ Голицын М. В. кн. Мои воспоминания (1873–1917). М., 2007. С. 109–110.

¹¹ *Obolensky S. One Manin HisTime*. N.-Y., 1958. P. 48.

¹² Белобородов А. Я. Работа во дворце кн. Феликса Юсупова //Новый журнал. Нью-Йорк, 1962. № 70. С. 187.

КАПИТАЛЫ И ДОХОДЫ. ИСТОЧНИКИ БЛАГОСОСТОЯНИЯ

После смерти в 1891 г. князя Николая Борисовича Юсупова, который в последние годы вёл достаточно замкнутый образ жизни и большую часть времени проводил за границей, его огромное состояние и титул перешли к его дочери княгине Зинаиде Николаевне Юсуповой и её мужу графу Феликсу Феликсовичу Сумарокову-Эльстону (получившему ещё ранее от императора право носить фамилию и титул князей Юсуповых). Молодые владельцы, которые намеревались теперь вести более представительный образ жизни при дворе и в своих резиденциях в России, были не совсем удовлетворены размерами ежегодных доходов обширного юсуповского хозяйства. Князь Ф. Ф. Юсупов-младший вспоминал, что частые отлучки его деда и бабки за границу «оказались убыточными для их русских имений» и «восстановление состояния и устройство наших земель, слишком часто остававшихся покинутыми, стоило многих усилий моим родителям»¹³. На самом деле, к началу 1890-х гг. Юсуповы могли располагать 200 000–300 000 руб. ежегодного дохода при полном отсутствии долгов. Однако подавляющую часть денежных поступлений давали сельскохозяйственные имения при незначительных поступлениях от городской собственности и промышленных заведений. Размеры доходов были явно ниже тех возможностей, которые могли дать огромные земельные владения в 200 тыс. дес. земли. Княгиней З. Н. Юсуповой и её мужем были намечены значительные перестройки в своих городских и сельских резиденциях, что также требовало значительных денежных средств. С этой целью Главное управление по делам и хозяйству князей Юсуповых получает указание от владельцев о подготовке планов значительных улучшений в сфере ведения хозяйства в имениях и поиска новых источников дохода. Нам уже приходилось писать о тех мерах, которые предприняли Юсуповы в 1890–1900-е гг. по перестройке своих сельских «экономий» и городских владений¹⁴. К этим вопро-

¹³ Юсупов Ф. *кн.* Перед изгнанием. 1887–1919. М., 1993. С. 26.

¹⁴ Юдин Е. Е. Российская модернизация и аристократия: состояние семьи Юсуповых в начале XX в. // *Новый исторический вестник.* № 1 (14). М., 2006. С. 25–35; Юдин Е. Е. Хозяйство князей Юсуповых в 1890–1914 гг. // *Вопросы истории.* 2008. № 4. С. 32–48; Юдин Е. Е. Городские владения князей Юсуповых в 1890–1914 гг.: традиции дворцовых резиденций и стратегия экономического прагматизма // *Русский сборник. Исследования по истории России.* Т. 10. М., 2011. С.

сам ранее также обращались исследователи¹⁵. Общими хозяйственными и организационными вопросами по управлению обширными владениями своей жены занимался сам князь Ф. Ф. Юсупов-старший. В отличие от некоторых других крупнейших землевладельцев (Демидовых, Строгановых), демонстрировавших безразличие к вопросам управления своими владениями, Юсуповы, как это видно из обширной документации, лично принимали решения о продаже земли, покупке ценных бумаг и получении кредитов. Разумеется, эти решения готовились служащими Главного управления, но реализовывались только при согласии владельцев. Юсуповы достаточно регулярно лично посещали свои крупнейшие вотчины. В обширной переписке княгини З. Н. Юсуповой неоднократно встречаются жалобы на необходимость периодических встреч с управляющими. Она была владелицей подавляющей части семейных имений, и при обсуждении финансовых и юридических вопросов требовалось её непосредственное участие. Юсуповым приходилось менять главных управляющих. Последний раз это произошло в 1916 г., и было вызвано крайним недовольством владельцев ростом финансовой задолженности их хозяйства. Более подробно нам хотелось бы остановиться на результатах экономической стратегии этой аристократической семьи в период 1890–1914 гг. В первую очередь следует обратить внимание на изменения в стоимости и составе капитала, динамику доходных статей и их соотношение с расходами, размеры задолженности и источники благосостояния.

В списке крупнейших землевладельцев Российской империи (102 фамилии) Юсуповы занимали 17 место. Однако из 16 семей, чьи земельные владения превосходили по площади юсуповские имения, 13 являлись уральскими землевладельцами (стоимость земли в этих неплодородных областях была низкой, и ос-

261–276; Юдин Е. Е. Князя Юсуповы. Аристократическая семья в поздней имперской России 1890–1916. М., 2012. С. 76–159.

¹⁵ Минарик А. П. Система помещичьего хозяйства в Ракиятском имении Юсуповых (1900–1913 гг.) // Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР. М., 1962. № 5. С. 377–390; Минарик А. П. Экономическая характеристика крупнейших земельных собственников России кон. XIX — нач. XX в. М., 1971; Анфимов А. М. Частновладельческое лесное хозяйство в России в конце XIX — начале XX в. // Исторические записки. 1958. № 63. С. 244–258; Анфимов А. М. Крупное помещичье хозяйство Европейской России (кон. XIX — нач. XX в.). М., 1969; Тюкавкин В. Г., Скрябин В. И. Применение машин в сельском хозяйстве России в конце XIX — начале XX века // Аграрная эволюция России и США в XIX — начале XX в. М., 1991. С. 287–291.

новная доходность основывалась на промышленном производстве и лесном хозяйстве). Владения Юсуповых были разбросаны в центральных и южных российских областях, где стоимость земли была высокой и ведение сельского хозяйства приносило значительную прибыль. Среди крупнейших землевладельцев только три фамилии (Шереметевы, Орловы-Давыдовы, С. Ф. Агарков) опережали Юсуповых не только по площади, но и стоимости земельных владений¹⁶. В 1900 г. стоимость имений, городских владений и денежных капиталов князей Юсуповых составляла 21,7 млн руб., в том числе стоимость петербургских домов исчислялась в 3,5 млн руб., московского дома — в 427,9 тыс. руб., антрацитового рудника — в 970 тыс. руб., сахарного завода — в 1,6 млн руб., картонной и бумажной фабрик — в 986 тыс. руб. Юсуповым принадлежало 23 имения; крупнейшие из них оценивались следующими суммами: Ракитное — 4 млн руб., Милятинское — 2,3 млн руб., Климовское — 1,3 млн руб., Архангельское — 1,1 млн руб. Земельные владения по-прежнему представляли основу благосостояния этой аристократической семьи. Долги Юсуповых к 1 января 1901 г. составляли 1,8 млн руб., то есть достаточно умеренную сумму по сравнению с общим объёмом капиталов. Таким образом, чистый капитал Юсуповых в 1900 г. составлял 19 851 301 руб¹⁷. В последующие годы значительные вложения были сделаны в ценные бумаги. К 1914 г. Юсуповы уже имели на 3,2 млн руб. ценных бумаг, хранившихся в Государственном Дворянском, Московском купеческом, Азовско-Донском, Петербургском международном, Петербургском торгово-промышленном, Русском для внешней торговли и в других банках.¹⁸ Следует также отметить, что вышеприведенная оценка капиталов основана на данных общего баланса Главного управления по делам и имениям Юсуповых, в которые включались сведения о недвижимом имуществе имений, земле, лесах, строениях, заводах, движимом имуществе, ценных бумагах. Но помимо этих капиталов, достаточно легко выражаемых в денежном эквиваленте, Юсуповы владели великолепным и много-

¹⁶ Минарик А.П. Экономическая характеристика крупнейших земельных собственников России кон. XIX — нач. XX в. М., 1971. С. 13–19; Ливен Д. Аристократия в Европе. 1815–1914. СПб., 2000. С. 70.

¹⁷ РГАДА. Ф. 1290. Оп. 5. Ед. хр. 347. Л. 10.

¹⁸ Минарик А.П. Экономическая характеристика крупнейших земельных собственников России кон. XIX — нач. XX в. М., 1971. С. 33; РГАДА. Ф. 1290. Оп. 5. Д. 347. Л. 10; Д. 940. Л. 9–12.

численным собранием художественных ценностей, в которое входили картины, скульптурные произведения, коллекция музыкальных инструментов, огромная библиотека. Их реальная стоимость может быть определена весьма условно. Многие из художественного собрания Юсуповых относились к шедеврам мирового значения, что, безусловно, и определяло их огромную материальную стоимость. Юсуповым принадлежало немалое количество изделий из драгоценных металлов и камней, частью составлявших предметы личного, повседневного пользования членов семьи, частью являвшихся предметами украшения резиденций. В связи с этим представляется, что действительные размеры состояния Юсуповых в начале XX в. были значительно выше тех цифр, которые можно найти в отчетах Главного управления.

При таких ресурсах семье Юсуповых разорение не грозило, несмотря на расточительный образ жизни и постоянное превышение личных расходов над ежегодными денежными поступлениями. Хотя за период с конца 1890-х гг. по 1916 г. площадь земельных владений Юсуповых сократилась с 246,4 до 184,4 тыс. дес. (за счёт продажи земель появлялись свободные средства для инвестирования в развитие экономий и приобретались ценные бумаги акционерных компаний и банков), стоимость капиталов значительно возросла. Эта тенденция объяснялась как общим ростом цен на землю, так и серьёзными вложениями в развитие сельскохозяйственных имений и активным обращением к новым источникам дохода в виде промышленных и бумажных фондов, городской недвижимости и лесного хозяйства. Таким образом, за 1900–1914 гг. Юсуповы продали около 60 тыс. дес. земли. Если учитывать, что средняя цена за десятину земли в этот период составляла примерно 80–100 руб., несложно подсчитать, что это могло дать владельцам около 5–6 млн руб. В 1914 г. капиталы семьи, обращённые в ценные бумаги, как раз составили сумму в 5 млн руб. В 1900 г. недвижимое имущество имений, земля, леса и строения, городская и промышленная собственность, принадлежавшие кн. З. Н. Юсуповой, оценивались в 14,9 млн руб., а в 1913 г. — уже в 18 млн руб. Движимое имущество имений, городских домов, промышленных предприятий оценивалось в 1900 г. в 1,8 млн руб., а в 1913 г. — в 3,8 млн руб.¹⁹ Это увеличение достигалось не только за счёт конъюнктурного роста цен на недвижимость, но и бла-

¹⁹ РГАДА. Ф. 1290. Оп. 5. Д. 347. Л. 10, 71; Д. 940. Л. 9–10.

годаря серьёзным вложениям в закупку машин и прочего оборудования для сельских экономий и промышленных предприятий в имениях, а также увеличению стоимости произведённой продукции. Таким образом, продажа части своих земельных владений была не жестом отчаяния накануне разорения, а вполне продуманная и экономически выгодная операция. Полученные свободные средства или инвестировались в развитие собственных сельскохозяйственных экономий или переводились в другие виды собственности (акции и другие ценные бумаги), дававшие более надёжный доход.

Рост стоимости капиталов Юсуповых хорошо прослеживается по ежегодным отчётам Главного управления начиная с 1890-х гг. К 1 января 1893 г. состояние князей Юсуповых оценивалось в 16 876 072 руб. В том числе стоимость 21 имения с землёй, лесами, строениями и оборотном капиталом определялась в 10 482 065 руб. Стоимость домов в Петербурге, Москве и Астрахани составляла 2 186 129 руб. В то же время стоимость процентных бумаг, принадлежавших Юсуповым, составляла скромную сумму в 2 550 руб²⁰. Чистый капитал Юсуповых оценивался в 1896 г. уже в 18 040 641 руб., в 1897 г. — 18 756 639 руб. (с долгами 20 114 948 руб.), в 1899 г. — 19 275 965 руб. (с долгами 21 336 653 руб.), в 1900 г. — 19 851 301 руб. (с долгами 21 687 497 руб.), в 1904 г. — 18 725 895 руб., в 1905 г. — 21 589 234 руб. (с долгами 28 659 157 руб.), в 1906 г. — 19 982 803 руб²¹. В первые годы XX в. стала обнаруживаться тенденция значительного возрастания оценки общего капитала при одновременном росте общей задолженности. Поэтому оценка чистого капитала оставалась примерно на одном уровне.

В течение всего периода 1890–1914 гг. возрастали общие доходы хозяйства Юсуповых. Чистая прибыль уже в 1890-х гг. исчислялась сотнями тысяч рублей. Так, например, поступления от сельскохозяйственных имений и городской недвижимости в 1892 г. составили 365 073 руб²². В последующие годы общие доходы хозяйства князей Юсуповых и его чистая прибыль продолжали расти. Уже в 1900-е гг. ежегодные денежные поступления достигали

²⁰ РГАДА. Ф. 1290. Оп. 5. Ед. хр. 223. Л. 2.

²¹ РГАДА. Ф. 1290. Оп. 5. Ед. хр. 297. Л. 3. Ед. хр. 327. Л. 2. Ед. хр. 347. Л. 10. Ед. хр. 657. Л. 2.

²² РГАДА. Ф. 1290. Оп. 5. Ед. хр. 223. Л. 27 об. — 28.

600 000–800 000 руб., соответственно в 2–3 раза превзойдя показатели начала 1890-х гг. Следует отметить, что прибыльность хозяйства в имениях определялась Главным управлением без учёта личных расходов членов княжеской семьи, включая затраты на содержание резиденций. Это создаёт объективные сложности в определении того, какая часть получаемой прибыли использовалась непроизводительно. В предвоенные годы при не снижающемся высоком уровне общей доходности хозяйства Юсуповых чистая прибыль уменьшилась до 200–300 тыс. руб. в год:

в 1910 г. — 865,6 тыс. руб.,

в 1911 г. — 797,3 тыс. руб.,

в 1912 г. — 560,7 тыс. руб.,

в 1913 г. — 229,9 тыс. руб.,

в 1914 г. — 378,3 тыс. руб.

При этом расходы Юсуповых по личному бюджету, по содержанию резиденций и по статьям благотворительности составили следующие суммы²³:

в 1910 г. — 608,5 тыс. руб.,

в 1911 г. — 877,3 тыс. руб.,

в 1912 г. — 891,3 тыс. руб.,

в 1913 г. — 910,9 тыс. руб.,

в 1914 г. — 1 219 184 тыс. руб.

Таким образом, непроизводительные расходы Юсуповых уже в 1910 г. поглощали большую часть полученной прибыли, а начиная с 1911 г. стали даже в прогрессирующей степени превышать денежные поступления. Огромная сумма за последний год была вызвана экстраординарными расходами Юсуповых по случаю женитьбы в феврале 1914 г. молодого князя Феликса на княжне императорской крови Ирине Александровне. Только перестройка покоев в петербургском дворце Юсуповых на Мойке потребовала более 200 тыс. руб. Значительных сумм требовало и повседневное содержание резиденций князей Юсуповых — подмосковной усадьбы Архангельское, дворцов в Москве и Петербурге, дома в Царском Селе, роскошных крымских имений Коккоз и Кореиз: в 1914 г. на это было потрачено 325,1 тыс. руб. Все расходы Юсуповых на личные нужды в 1910–1914 гг. на 57% превысили полученную прибыль.²⁴ Имен-

²³ РГАДА. Ф. 1290. Оп. 5. Ед. хр. 1007. Л. 1–4.

²⁴ Анцимов А. М. Крупное помещичье хозяйство Европейской России (кон. XIX — нач. XX в.). М., 1969. С. 277, 312–313; РГАДА. Ф. 1290. Оп. 5. Д. 1007. Л. 3.

но этот факт рассматривался как проявление «паразитического» образа жизни этой аристократической семьи и их экономической несостоятельности. Так ли это на самом деле?

Соотношение общих доходов и убытков хозяйства князей Юсуповых за 1910–1914 гг. можно представить в виде следующей таблицы:

Таблица 1.
*Общие доходы и убытки хозяйства князей Юсуповых в 1910–1914 гг.*²⁵

	Убыток (руб.)	Общий доход (руб.)
1910 г.	208 253	1 254 662
1911 г.	207 209	994 459
1912 г.	255 770	816 510
1913 г.	575 324	805 219
1914 г.	1 058 979	1 437 255

Эти данные, оценивающие уровень доходов хозяйства Юсуповых по статьям поступлений от сельскохозяйственных и лесных имений, промышленных фондов, городской недвижимости и ценных бумаг, требуют некоторых пояснений. Очевидно, что в целом эффективность многопрофильного хозяйства этой аристократической семьи была достаточно высокой. Колебания общих доходов находились в пределах достаточно высокого общего уровня. А 1914 г. вообще принёс рекордные показатели поступлений. Резкое же увеличение убытков в 1913–1914 гг. объяснялось огромными выплатами процентов по ипотечным и финансовым кредитам коммерческим и государственным банкам. Собственно убытки юсуповских имений и промышленных предприятий были ничтожны. И ведение сельского хозяйства в «экономиях», и лесное хозяйство, и промышленные предприятия, и городская недвижимость приносили постоянную прибыль. Так, детализированный расчёт за 1913 г. показывает, что из общей суммы убытков в 575,3 тыс. руб. на долю выплат процентов по банковским обязательствам пришлось 348,9 тыс. руб. Убытки по счёту имений и промышленных предприятий составили около 150 тыс. руб. Общие административные расходы поглотили 71,9 тыс. руб.²⁶ По итогам 1914 г. общий убыток

²⁵ РГАДА. Ф. 1290. Оп. 5. Ед. хр. 1084. Л. 16–18.

²⁶ РГАДА. Ф. 1290. Оп. 5. Ед. хр. 1003. Л. 5–6.

исчислялся в 1 058 979 руб. При этом выплаты процентов по ссудам и долгам составили 521 027 руб., а собственно убытки по имениям и промышленным предприятиям (по 3 имениям и фабрикам в Миллятино) 201 628 руб. Правда, значительные потери (254 101 руб.) были также связаны с реализацией ценных бумаг²⁷. При этом рассчитывая общие доходы хозяйства, специалисты Главного управления не включали в неё текущие расходы по имениям и новые капиталовложения. Безусловно, масштабные заимствования, к которым прибегли Юсуповы в эти годы, объяснялись крайне расточительным образом жизни этой аристократической семьи. Личные расходы не входили в счёт убытков по хозяйству и значительно превосходили чистую прибыль. В то же время полученные средства инвестировались в собственное хозяйство. С этим прежде всего связано значительное увеличение дохода в 1914 г.

Состояние капиталов Юсуповых по балансу представляло следующую динамику в предвоенные годы:

*Таблица 2. Состояние капиталов князей Юсуповых в 1910–1914 гг.*²⁸

	На начало года (руб.)	На конец года (руб.)	Сравнение (руб.)
1910	20 198 992	20 456 086	+ 257 093
1911	20 456 086	20 376 116	– 79 969
1912	20 376 116	20 045 779	– 330 337
1913	20 045 779	19 364 758	– 681 021
1914	19 364 758	18 577 021	– 787 736

Вышеприведённые данные показывают оценку чистого капитала Юсуповых с учётом общей задолженности. Поэтому может сложиться впечатление о некотором снижении оценки благосостояния Юсуповых в эти годы. Но это не совсем так. Как уже было показано выше, начиная с 1911 г. личные расходы юсуповской семьи стали значительно превышать получаемые денежные поступления со счетов прибыли. Это заставляло прибегать к новым заимствованиям в банках. Увеличение задолженности Главное управление по делам имений князей Юсуповых списывало, как правило, за счёт капитала. При этом значительное снижение оценки чистого капитала (на 2 млн за четыре года) не компенсировалось ро-

²⁷ РГАДА. Ф. 1290. Оп. 5. Ед. хр. 1081. Л. 4–5.

²⁸ РГАДА. Ф. 1290. Оп. 5. Ед. хр. 1007. Л. 2.

стом в абсолютных цифрах стоимости земельных и прочих фондов этой аристократической семьи.

В декабре 1915 г. бухгалтером Главного управления А. Есиновским был произведён сравнительный расчёт состояния счетов княгини З. Н. Юсуповой на 1 марта 1910 г. и 1 января 1914 г. Эти сведения можно представить в следующей таблице:

Таблица 3. Состояние капиталов княгини З. Н. Юсуповой на 1 марта 1910 г. и 1 января 1914 г.²⁹

	01.03.1910	01.01.1914	
1. Капитал в обороте по Главному управлению (руб.)	2 960 614	4 242 383	>1 281 769
2. Стоимость имений, фабрик, заводов и домов (руб.)	20 148 317	23 962 363	
а. Ракитянское имение (руб.)	4 033 398	4 966 363	
б. Ракитянский сахарный завод (руб.)	1 611 055	3 509 485	>1 898 429
в. Должанский антрацитовый рудник (руб.)	970 971	1 328 104	>357 133
г. Дома в Санкт-Петербурге (руб.)	3 541 816	3 543 441	
3. Всего капитал (руб.)	23 108 931	28 204 746	>5 095 815
4. Долги (руб.)	4 900 246	11 067 257	>6 167 000
5. Чистый капитал (руб.)	18 208 684	17 137 489	<1 071 195

Эти данные показывают, что за 1910–1914 гг. общий капитал княгини З. Н. Юсуповой увеличился на 5 млн руб. (более, чем на 20%). Обращает на себе в первую очередь значительное увеличение оборотных средств и рост стоимости имений. Это было достигнуто за счёт увеличения стоимости земли, появлений новых строений, сельскохозяйственной техники и оборудования. Максимальные вложения пришлись на Ракитянскую экономию, Ракитянский завод и угольные копи. Стоимость завода за эти годы практически удвоилась. При этом резко выросла задолженность (с 4 до 11 млн руб.). Однако сокращение чистого капитала, хотя и произошло, но всего на 1 млн руб., что в целом, конечно, не было катастрофичным.

²⁹ РГАДА. Ф. 1290. Оп. 5. Ед. хр. 1084. Л. 2–7.

На доходности юсуповских имений следует остановиться отдельно и подчеркнуть другую важную деталь. Из почти двух десятков поместий Юсуповых значительную прибыль давали 5–6 имений (от 30 тыс. руб. каждое). При этом, безусловно, по своей организации, доходности и вложенному капиталу особенно выделялась экономия в Ракитном. С другой стороны, нельзя считать, что остальные хозяйства являлись нерентабельными. Большая часть имений также приносила прибыль, хотя и в меньших размерах (в пределах 3–15 тыс. рублей в год). По данным на 1900 г., включающим сведения по 22 имениям, чистая прибыль составила 434 229 руб. В то же время убыточными за этот год оказались 4 имения, но сумма убытков составила всего 6 508 рублей.³⁰ Положение не изменилось и десять лет спустя. Согласно отчету за 1912 г. Главного управления по делам и имениям князей Юсуповых, прибыль по 12 имениям составила 326 656 руб., доходы по фабрикам и заводам, которые были размещены в этих же имениях, составили 281 821 руб. Пять имений были убыточными, но сумма убытков была невелика — 10 887 рублей.³¹

Таблица 4. Прибыли и убытки юсуповских имений за 1910–1914 гг.³²:

	1910	1911	1912	1913	1914
Прибыль (руб.)					
Ракитянское	400 520	396 497	17 365		205 292
Покровское	36 905	34 070	44 489	49 126	47 794
Благовещенское	22 095	2060	43 263	92 623	58 702
Богато-Култукское	5 619	6 697		4 739	2 524
Веселовское	100 219	47 044	86 550	41 647	29 691
Тюфонское		1 301	5 681	21 759	12 029
Княже-Лисинское	13 872	19 930	21 568	19 212	4 992
Климовское	14 271	10 540	8 944	1 140	1 535
Каплюшинское				802	417
Милятинское		61 022	70 963	63 457	30 077

³⁰ Минарик Л. П. Экономическая характеристика крупнейших земельных собственников России кон. XIX — нач. XX в. М., 1971. С. 110; РГАДА. Ф. 1290. Оп. 5. Д. 347. Л. 13.

³¹ РГАДА. Ф. 1290. Оп. 5. Д. 940. Л. 5.

³² РГАДА. Ф. 1290. Оп. 5. Ед. хр. 1084. Л. 16–18.

Новинское		20 055	18 417	6869	11 797
Спасо-Котовское	1 306				585
Журавское	6 421	9 431	8 651	10 124	8 119
Корсунское	4 147		707	4 952	
Керженецкое					
Прудовское					
Дальний Лыковский лес					
Ракитянский сахарный завод	387 529	33 046	138 003		479 108
<i>Убытки (руб.)</i>					
Ракитянское				95 705	
Покровское					
Благовещенское					
Богато-Култукское			1 248		
Веселовское					
Тюфонское	4 067				
Княже-Лисинское					13 872
Климовское					14 271
Каплюшинское	689	1 250	742		
Милятинское	9 167				
Новинское	2 735				
Спасо-Котовское		124	17	442	
Журавское					
Корсунское		3 761			4 937
Керженецкое	4 709	9 009	4 791	2 627	6 751
Прудовское	6 059	9 653	4 086	3 260	2 826
Дальний Лыковский лес	1 281	2 020	1 864	1 995	2 006
Ракитянский сахарный завод				1 696	

В предвоенные годы большинство имений Юсуповых были прибыльными, но не все они являлись высокодоходными. Как объяснить подобные диспропорции? Главным образом капиталовложения направлялись в отдельные экономики (в основном в Ракитянское имение, в меньшей степени Веселовское), расположенные в плодородных черноземных губерниях. Именно за счёт этого достигался высокий уровень концентрации капитала и производства. В прочих имениях развивалось лесное хозяйство (требовавшее относительно меньших вложений) или продолжалось соб-

ственное сельскохозяйственное производство, но в меньших масштабах. Такое обширное владение как Богато-Култукское имение (64 тыс. дес.) в Астраханской губ. вообще, например, использовалось слабо. В то же время эти обширные земельные владения были важнейшим источником ипотечного залогового кредитования. Именно это обстоятельство позволяло Юсуповым получать значительные свободные средства для инвестирования в высокодоходные экономии и промышленные предприятия. Вполне объяснимая стратегия.

Определение общей доходности хозяйства князей Юсуповых представляется наиболее непростым делом. Если рассматривать доходность как процентное отношение получаемой прибыли к размеру капитала (а не к объему собственно финансовых вложений), то расчёты по ежегодным отчётам Главного управления показывают следующую картину:

Таблица 5. Расчёт доходности хозяйства князей Юсуповых за 1910–1914 гг.

	Состояние капитала на конец года (руб.)	Общий доход (руб.)	Доходность (общая доходность, факт. дохода / состояние капитала на конец года)	Убыток (руб.)	Чистая прибыль (руб.)	Доходность (чистая прибыль / состояние капитала на конец года)
1910	20 456 086	1 254 662	6,13%	208 253	1 046 409	5,12%
1911	20 376 116	994 459	4,88%	207 209	787 250	3,86%
1912	20 045 779	816 510	4,07%	255 770	560 740	2,80%
1913	19 364 758	805 219	4,16%	575 324	229 895	1,19%
1914	18 577 021	1 437 255	7,74%	1 058 979	378 276	2,04%

Если рассматривать эти данные, то можно прийти к выводу, что общая доходность хозяйства Юсуповы в расчёте на единицу капитала снижалась в предвоенные годы, как из расчёта общего дохода, так и (что более показательнее) чистой прибыли. Всё это, на пер-

Таблица 6. Расчёт доходности хозяйства князей Юсуповых по некоторым предшествующим годам³³

	Состояние капитала на конец года (руб.)	Общий доход	Доходность (общая доходность, фактический доход/состояние капитала на конец года)	Чистая прибыль (руб.)	Доходность (чистая прибыль/состояние капитала на конец года)
1892	16876 072	652 366	3,87	281 346	1,68
1897	18756 639	759 637	4,04	495 900	2,64
1900	19851 301	820 600	4,13	565 208	2,85

вый взгляд, опровергает тезис об успешной адаптации и экономической эффективности хозяйства этой княжеской семьи. Однако следует привести и соображения другого рода. Оценку доходности хозяйства Юсуповых не следует определять по аналогии с капиталистическими предприятиями данной индустриальной эпохи. Сложный комплекс владений Юсуповых состоял как из сельскохозяйственных экономий, лесных, промышленных предприятий, чьи капиталы находились в обороте и которые представляли собой крупные предпринимательские хозяйства, так и крупной собственности (дворцовые комплексы, например), которая носила исключительно представительский характер. Однако общая оценка капиталов в отчётах Главного управления включала всю собственность Юсуповых. Никто же не считает возможным рассчитывать, например, доходность предприятий Морозовых, включая купленные ими дачи в сельской местности и городские особняки. Главное управление, представляя ежегодно владельцам отчёты, в балансовых статьях в качестве общего дохода указывало все денежные поступления от имений, домов, промышленных предприятий и ценных бумаг, то есть уже исключив все затраты на их содержание и новые инвестиции. К общим убыткам Главное управление относало административные расходы, выплаты процентов по долговым обязательствам и только те убытки по имениям, которые превышали прибыль от этих имений. Безусловно, поскольку юсуповские экономии финансировались не только за счёт соб-

³³ ПГАДА. Ф. 1290. Оп. 5. Ед. хр. 223. Л. 1–2; Ед. хр. 297. Л. 54

ственной прибыли, но и за счёт внешних источников (кредитования в банках), платежи процентов по долговым обязательствам относились к тем расходам, которые показывали общую экономическую эффективность хозяйства.

Даже учитывая естественные погрешности в исчислении доходности, можно констатировать, что определённый рост этого показателя к 1910-м гг. был очевиден. Падение уровня доходности юсуповского хозяйства в 1911–1914 гг. при расчёте отношения чистой прибыли к размеру капитала, прежде всего, объяснялось ростом платежей по долговым обязательствам. Именно увеличение задолженности стала для Юсуповых важнейшей финансовой проблемой.

Л. П. Минарик был произведен расчёт доходности по имениям и предприятиям Юсуповых по данным за 1900 г.

Таблица 7.
Доходность имений и предприятий князей Юсуповых в 1900 г³⁴

Название имения	Оценка имения (руб.)	Чистая прибыль (руб.)	% на капитал	Чистая прибыль на 1 дес. земли (руб.)
Архангельское	1 092 807	—	—	—
Благовещенское	1 144 581	53 850	4,5	3,0
Веселовское	1 268 541	86 274	7,0	10,7
Ровенецкое	164 190	7 399	4,5	0,3
Керженецкое	82 965	—	—	—
Климовское	1 264 795	10 155	0,8	0,6
Княже-Лисинское	453 184	15 292	3,5	3,8
Кореиз	389 345	—	—	—
Каплюшкинское	8 776	—	—	—
Корсунское	157 600	12 325	7	2,5
Милятинское	2 262 812	36 118	1,5	2,0
Писаревское	36 683	—	—	—
Покровское	383 906	32 271	8,0	5,3
Коккоз	259 916	3 474	1,5	—
Ракитянское	4 033 400	361 121	9,0	15,7

³⁴ Минарик Л. П. Экономическая характеристика крупнейших земельных собственников России кон. XIX — нач. XX в. М., 1971. С. 110; РГАДА. Ф. 1290. Оп. 5. Ед. хр. 712. Л. 1–2.

Сочинское	31 284	41 800	—	—
Спасо-Котовское	53 602	—	—	—
Тюфонское	269 622	12 149	4	4,0
Богато-Култукское	146 940	6 019	3	0,1
Должанский рудник	970 971	155 130		—
Ракитянский сахар- ный завод	1 611 055	311 736	19,3	—

Из таблицы видно, что из общего числа имений крупные прибыли приносили четыре: Ракитянское, Веселовское, Покровское и Корсунское. Они же демонстрировали и высокий уровень доходности. Наибольшие экономические показатели были по Ракитянскому сахарному заводу и Должанскому руднику. Почти 75% всех денежных поступлений в хозяйственном комплексе Юсуповых приходилось на эту группу имений и предприятий, где было организовано крупное предпринимательское хозяйство.

В 1910 г. доходность Ракитянского имения составляла 9,9% (чистая прибыль — 400 520 руб. при капитале имения в 4 033 398 руб.). Доходность Ракитянского сахарного завода была 24,05% (чистая прибыль 387 529 при капитале в 1 611 055 руб.). Доходность Должанского рудника определялась в 8,1% (чистая прибыль — 78 699 при капитале в 970 971 руб.). В 1914 г. финансовые итоги были несколько хуже. Доходность Ракитянского имения составляла 4,1% (чистая прибыль — 205 292 руб. при стоимости имения 4 966 363 руб.). Доходность Ракитянского сахарного завода определялась в 13,7% (чистая прибыль — 479 108 руб. при стоимости предприятия в 3 509 485 руб.). Эти показатели были в целом высокими, но ниже уровня 1900 г. и 1910 г. В то же время доходность Должанского антрацитового рудника в 1914 г. исчислялась в 16,1% (чистая прибыль — 214 110 руб. при стоимости в 1 328 104 руб.)³⁵.

По данным на 1 января 1914 г. общая оценка капитала (без учёта задолженности) по владениям и собственности княгини З. Н. Юсуповой составила 28,2 млн руб. (из них земля оценивалась в 18,3 млн руб., ценные бумаги — в 2,58 млн руб., движимое имущество — в 4,8 млн руб.). В эту сумму включались и различные дебиторы Юсуповых по имениям, заводам и домам (1,9 млн руб.). В то же время общая задолженность по владениям княгини З. Н. Юсуповой со-

³⁵ РГАДА. Ф. 1290. Оп. 5. Ед. хр. 1084. Л. 2–7.

ставляла огромную сумму в 11,07 млн руб. Она складывалась из нескольких статей. Задолженность по закладным листам под имения и дома составляла 1,9 млн руб. (Государственному Дворянскому земельному банку — 309 177 руб., Особому отделу Государственного Дворянского земельного банка — 16 947 руб., Московскому земельному банку — 6 369 руб., Санкт-Петербургскому городскому кредитному обществу по залогу домов в Санкт-Петербурге — 1,57 млн руб.). Долг Азовско-Донскому банку по специальному текущему счёту *opcall* насчитывал 2,2 млн руб., а Санкт-Петербургской конторе Государственного Банка по соло-вексельному кредиту — 309 025 руб. Стоимость обеспечительных векселей составляла 300 000 руб. Долги разным частным лицам составляли 231 294 руб. Залоги, подлежащие возврату, оценивались в 243 346 руб. Амортизационный капитал по страхованию имущества составлял 570 464 руб. Векселя, выданные «Её Сиятельству», оценивались в 400 000 руб. Долги по имениям, фабрикам и домам, принадлежавших княгине З. Н. Юсуповой, составляли 4,8 млн руб. Эта сумма включала в себя: капитал погашения и штрафной — 1,1 млн руб., акциз и переходящие суммы — 1,8 млн руб., ссуды на капитальные затраты по имениям и домам — 394 355 руб., выплаты различным кредиторам — 1,5 млн руб. В итоге чистый капитал княгини З. Н. Юсуповой (за вычетом всей задолженности) составил на 1 января 1914 г. 17,1 млн руб³⁶. Капитал её мужа, князя Ф. Ф. Юсупова-старшего, оценивался в 1,6 млн руб. (долги составляли всего 30 708 руб.). Капитал их сына, князя Ф. Ф. Юсупова-младшего, составлял 774 530 руб. (без долгов — 685 708 руб.). Таким образом, общий капитал Юсуповых к 1 января 1914 г. оценивался в 30,5 млн руб. С вычетом же всех долгов и обязательств (как это делало Главное управление по делам имений) суммы была значительно ниже — 19 364 758 руб³⁷. По данным на 1 января 1916 г. общий капитал семьи Юсуповых (с учётом задолженности) составил уже сумму в 35,8 млн руб³⁸.

Из отчётов Главного управления хозяйства князей Юсуповых можно ясно увидеть, каким образом так стремительно накапливалась задолженность в условиях устойчивого роста доходности. Так, по данным за 1914 г. общие доходы хозяйства Юсупо-

³⁶ РГАДА. Ф. 1290. Оп. 5. Ед. хр. 1003. Л. 12–14.

³⁷ Там же. Л. 14–16.

³⁸ РГАДА. Ф. 1290. Оп. 5. Ед. хр. 1142. Л. 3 об. — 4.

вых, включая поступления от ценных бумаг, 13 имений, городской собственности и промышленных предприятий, выражалась суммой в 1 431 357 руб. Убытки за этот год (не включая необходимые расходы на развитие имений и городской недвижимости) составили 1 051 849 руб. Они складывались из счёта административных расходов (75 091 руб.), убытка от реализации процентных бумаг (254 101 руб.), счетов трёх имений — Корсунского, Керженецкого, Прудовского (14 514 руб.), счетов трёх заводов в Милятино (187 114 руб.). Большую же часть расходов представляли выплаты процентов по ссудам и долгам: Азовско-Донскому банку по товарному счёту и по счёту oncall, Учётному и Ссудному банку и Петроградской конторе Государственного банка по сельскохозяйственной ссуде — 194 533 руб.; Петроградскому и Московскому земельным банкам под залог земли — 159 232 руб.; Петроградскому городскому кредитному обществу по залогоу домов — 80 319 руб.; по учёту векселей — 59 172 руб.; за просрочку уплаты акциза за сахарный песок — 27 769 руб. Таким образом, почти половину суммы в расходной части (521 027 руб.) Юсуповы потратили в 1914 г. на покрытие своей задолженности. Чистая прибыль составила 379 508 руб. Данная сумма не могла покрыть всех личных расходов юсуповской семьи за этот год, которые выражались суммой в 1 081 291 руб. Согласно документам, на покрытие расходов «Их сиятельств» была использована вся чистая прибыль по имениям, фабрикам, заводам и доходным домам, а также прибыль от продажи Сочинского участка (53 171 руб.). Оставшаяся же сумма в 648 611 руб. была списана за счёт капитала. Кроме того, личные расходы в 1914 г. князя Ф. Ф. Юсупова-мл. в 139 124 руб. были списаны таким же образом³⁹. Как это хорошо видно, потратив почти 0,5 млн руб. на погашение долга, Юсуповы почти 0,8 млн руб. записали на счёт задолженности. Для сравнения в 1892 г. валовой доход хозяйства Юсуповых составил 768 825 руб. (чистая прибыль 281 346 руб.). Выплаты процентов по долгам отсутствовали. Если сравнить с общим доходом за 1914 г. (1 431 357 руб.) при чистой прибыли в 379 508 руб., то за эти два десятилетия денежные поступления увеличились практически в 2 раза (учитывая весьма скромную инфляцию в этот период). Чистая же прибыль накануне войны не на много превышала уровень 1890-х гг., когда Юсуповых не выплачивали таких огромных сумм по задолженности банкам.

³⁹ РГАДА. Ф. 1290. Оп. 5. Ед. хр. 1081. Л. 4–6.

В то же время лишь непосредственно накануне 1914 г. изменение соотношения доходов и расходов в пользу последних может в какой-то степени говорить об определенных кризисных явлениях, ставивших под сомнение эффективность организации хозяйства и финансовых операций этой аристократической семьи. Еще в 1910 г. доходы превосходили расходы на 257 093 руб., что означало и увеличение капитала Юсуповых, то в последующие годы эта тенденция изменилась. В 1911 г. расходы уже превысили доходы на 79 969 руб., в 1912 г. — на 330 337 руб., в 1913 г. — на 681 021 руб., в 1914 г. — на 787 736 руб.⁴⁰ Как следствие, данная ситуация имела очевидные негативные последствия — значительное увеличение задолженности и сокращение капитала. С другой стороны, даже сокращение капитала Юсуповых за 1910–1914 гг. на 1 621 971 руб., учитывая общие его размеры, не выглядело критическим явлением. Даже в случае сохранения и в будущем подобной динамики запас определенной экономической прочности сохранялся бы. И всё же вопрос задолженности стал серьезной проблемой в развитии хозяйства князей Юсуповых. С одной стороны широкое использование ипотечных и коммерческих кредитов позволяло находить необходимые инвестиции. Без этого была бы невозможна модернизация сельскохозяйственных экономий, увеличение производительности Ракитянского сахарного завода и освоение угольных копей. С другой стороны, ежегодно увеличивавшиеся выплаты по долговым обязательствам в сочетании с огромными затратами на личные нужды нивелировали возрастающую прибыльность хозяйства. В целом капиталовложения в юсуповское хозяйство, особенно в Ракитянскую экономию и сахарный завод, в течение длительного времени стимулировали возрастание общего дохода. Однако это не могло компенсировать также возрастающие личные расходы членов княжеской семьи, не желавших менять привычный им образ жизни. Широкое же обращение к заимствованиям в государственных и частных банках оказалось на практике не таким безопасным с финансовой точки зрения делом. При этом не следует забывать, что главные цели Юсуповых в их экономической стратегии были далеки от представлений, характерных для предпринимательского класса. В основе всё-таки было стремление обеспечить, прежде всего, свои непроизводительные затраты.

⁴⁰ РГАДА. Ф. 1290. Оп. 5. Д. 1007. Л. 2.

ИЗМЕНЕНИЯ В СТРУКТУРЕ ДОХОДОВ

В период 1890–1914 гг. отмечаются значительные изменения в структуре доходов князей Юсуповых. И это явилось одним из следствий новой экономической стратегии этой семьи крупнейших российских землевладельцев. Согласно отчетам Главного управления, которое ведало огромным княжеским хозяйством, в 1900 г. общий капитал Юсуповых в составе недвижимой и движимой собственности, ценных бумаг и денежных капиталов составлял 21,7 млн руб. В общую оценку капиталов Юсуповых включались: недвижимое имущество имений, земля, леса и строения — 10,9 млн руб., дома в городах — 3,8 млн руб.; отдельно определялась стоимость электростанции при доме № 94 на Мойке в Петербурге — 84,3 тыс. руб., промышленные заведения в имениях — 3 млн руб., домашняя утварь в резиденциях — 98,5 тыс. руб. Движимость в имениях, домах и заводах оценивалась в 2,4 млн руб. В процентных бумагах в Государственном дворянском банке, по залогам и по страховому капиталу находилось 41,1 тыс. руб.; в других банках по текущим счетам — 31,7 тыс. руб.; в векселях к получению — 254,2 тыс. руб.⁴¹ Большая часть в семейном владении Юсуповых в начале XX в. приходилась на личную собственность княгини Зинаиды Николаевны. По данным на 1900 г. стоимость её земельных владений составляла 7,7 млн руб., стоимость дворцов и прочих строений в имениях и городах — 5,3 млн руб. (по всем имениям — 1,96 млн руб., Архангельское — 832,6 тыс. руб., Ракитное — 470 тыс. руб., городская собственность — 3,4 млн руб., московские дома — 413,3 тыс. руб., петербургские дома — 2,9 млн руб.), фабрики и заводы — 1,8 млн руб. Общая стоимость имений, фабрик, заводов и домов составляла 14,94 млн руб., а стоимость оборотного капитала в имениях — 1,92 млн руб. В целом же личный капитал кн. З. Н. Юсуповой насчитывал 16,87 млн руб.⁴² Любопытный факт — официальная процедура оформления документов о вводе в наследование и утверждение З. Н. Юсуповой как наследницы недвижимого имущества после смерти ее отца, князя Н. Б. Юсупова, растянулась на несколько лет, с января 1892 по декабрь 1896 гг.⁴³

⁴¹ РГАДА. Ф. 1290. Оп. 5. Д. 347. Л. 10.

⁴² РГАДА. Ф. 1290. Оп. 5. Д. 347. Л. 71.

⁴³ РГАДА. Ф. 1290. Оп. 2. Д. 2488. Л. 14–39.

Из этих данных следует, что в составе собственности и капиталов Юсуповых около половины стоимости приходилось на земельные владения. Обращает на себя внимание почти равное стоимостное соотношение городской и промышленной собственности, а также сама по себе значительность капиталов подобного рода. С другой стороны, относительно скромными были суммы капитала, обращенные в акции и прочие ценные бумаги. Подобное распределение собственности позволяло Юсуповым рассчитывать не только на традиционные поступления от сельскохозяйственных имений, но и на увеличение доходности от лесных владений и городской недвижимости. Известно, что в рассматриваемый период 1890–1914 гг. наблюдался рост цен в стране, как на лесные материалы, так и на городские владения. Крупнейшие землевладельцы в данном случае оказывались в наиболее выигрышной ситуации. Наличие доступа к кредитам, предоставляемым государственными и коммерческими банками на основе залога земельной собственности, позволяло Юсуповым использовать и этот источник финансирования своего хозяйства.

Уже в 1890-е гг. источники доходов Юсуповых складывались из прибылей от ведения собственно сельского хозяйства, фабрик и заводов, поступлений от городской собственности, в основном в С.-Петербурге и Москве, и отчислений с процентных бумаг, вложенных в банковские и промышленные фонды. К 1914 г. при сохранении прежней структуры доходов существенно изменилось соотношение между отдельными их статьями. Так, если к 1900 г. преобладающим источником денежных поступлений для Юсуповых по-прежнему оставались доходы землевладения, то складывались они не только из ведения собственно сельского хозяйства и от сдачи сельскохозяйственных земель в аренду крестьянам, но и из прибылей сельскохозяйственной промышленности и лесного хозяйства. По сметам имений Юсуповых в 1896 г. чистая прибыль составляла 495,9 тыс. руб. Ведение собственного хозяйства принесло 176,7 тыс. руб., сдача земли в аренду — 138 тыс. руб., заводы и фабрики в имениях — 67,8 тыс. руб.⁴⁴ В 1897 г. прибыль по имениям Юсуповых насчитывала 632 018 руб. Городская недвижимость принесла поступлений 74 456 руб. Прибыль Ракитянского сахарного завода соста-

⁴⁴ Анфимов А. М. Крупное помещичье хозяйство Европейской России (кон. XIX — нач. XX в.). М., 1969. С. 308.

вила 85 462 руб⁴⁵. В 1900 г. чистая прибыль с имений Юсуповых исчислялась суммой в 565 208 руб. В то же время петербургские дома кн. З. Н. Юсуповой принесли чистой прибыли 64 700 руб. В Государственном Дворянском банке и других банках на текущих счетах Юсуповых находилось соответственно 41,1 тыс. и 31,7 тыс. руб., которые давали, естественно, весьма скромные дивиденды⁴⁶. Очевидно, что в 1890-е гг. Юсуповы в первую очередь могли рассчитывать на доходы сельскохозяйственных имений. Все остальные источники благосостояния носили дополнительный характер.

Данные за 1912–1914 гг. показывают уже другую картину. По данным за 1912 г., прибыли Юсуповых по имениям составили 326 656 руб., по фабрикам и заводам — 281 821 руб., по доходным домам в Петербурге — 126 382 руб., по счету процентных бумаг — 75 316 руб. В 1913 г. распределение поступлений было примерно таким же: прибыли по имениям составили 316 454 руб., по фабрикам и заводам — 247 459 руб., по петербургским доходным домам — 123 000 руб., по процентным бумагам — 110 951 руб.⁴⁷ Следует отметить, что прибыль дали 12 имений Юсуповых и только в 4 имениях затраты оказались выше поступлений. Всего доход Юсуповых в 1913 г. составлял 797 865 руб.⁴⁸. Общий доход хозяйства князей Юсуповых в 1914 г. составил 1 431 357 руб. Он складывался из следующих статей: по счёту процентов от ценных бумаг и прочих финансовых операций — 170 996 руб.; по счёту имений — 413 559 руб.; по счёту петроградских доходных домов — 120 279 руб.; по счёту фабрик и заводов — 704 612 руб. (Ракитянский завод — 479 102 руб., Должанский антрацитовый рудник — 214 110 руб.)⁴⁹. Как это хорошо видно, распределение доходов князей Юсуповых в 1912–1914 г. разительно отличалось от ситуации 1890-х гг. Поступления от промышленных предприятий, городской недвижимости и ценных бумаг более чем в 2 раза превосходили прибыли от сельскохозяйственных и лесных имений. Обращает на себя внимание и очевидная концентрация отдельных источников дохода. Только один Ракитянский сахарный завод приносил Юсуповым больше, чем все их имения.

⁴⁵ РГАДА. Ф. 1290. Оп. 5. Ед. хр. 297. Л. 54.

⁴⁶ РГАДА. Ф. 1290. Оп. 5. Д. 347. Л. 10, 71.

⁴⁷ РГАДА. Ф. 1290. Оп. 5. Д. 944. Л. 29–30; Д. 1003. Л. 5–6.

⁴⁸ РГАДА. Ф. 1290. Оп. 5. Ед. хр. 1003. Л. 4–6.

⁴⁹ РГАДА. Ф. 1290. Оп. 5. Ед. хр. 1081. Л. 4–5.

Таблица 8. Источники доходов князей Юсуповых⁵⁰

	1897 г.		1914 г.	
	Доход (руб.)	% от общ. суммы до- ходов	Доход (руб.)	% от общ. суммы до- ходов
Сельскохозяйственные имения, фабрики и лесное хозяйство	717 480	90,6	1 118 171	78,1
Городская недвижимость (доходные дома в С.-Петербурге и Москве)	74 456	9,4	120 279	8,4
Дивиденды от ценных бумаг	0		192 907	13,5

Эти данные весьма показательны, но они не должны вводить в заблуждение. На первый взгляд, доходы от имений к 1914 г. по-прежнему занимали абсолютно главенствующее положение в доходных статьях в хозяйстве Юсуповых. В действительности из огромной суммы в 1 118 171 руб. (1914 г.) большая часть (704 612 руб.) приходилась на поступления от Ракитянского сахарного завода, Должанского угольного рудника и эксплуатации железной дороги в Милятинском имении, а ведение сельского и лесного хозяйства в имениях дало гораздо меньшую сумму (413 559 руб.). В 1897 г. большую часть дохода (599 717 руб.) приносило Юсуповым именно ведение сельского хозяйства. В то же время в абсолютных цифрах к 1914 г. доходы от городской недвижимости и ценных бумаг значительно выросли и давали владельцам 1/5 всех доходов. Более того, в совокупности они (доходы от городской собственности и ценных бумаг) практически сравнялись с доходностью сельского хозяйства в имениях Юсуповых. В то время, как в 1897 г. Юсуповы вообще ещё не держали крупных пакетов акций, а 9,4% доходности городской недвижимости действительно отражали доминирующую роль аграрного сектора в экономике этой семьи крупных землевладельцев.

Согласно финансовой смете хозяйства князей Юсуповых на 1916 г. предполагалось, что чистая прибыль по 14 сельскохозяйственным и лесным имениям, включая поступления от кирпич-

⁵⁰ РГАДА. Ф. 1290. Оп. 5. Ед. хр. 297. Л. 54; Ед. хр. 1081. Л. 4–5.

ного завода, составит 975 352 руб. (при этом 312 751 руб. должно было принести только одно Ракитянское имение). Прибыль Ракитянского сахарного завода определялась в 1 659 976 руб., Должанского антрацитного рудника — 449 800 руб. Доходные дома в Петрограде должны были дать 105 981 руб. Чистые поступления от операций с процентными бумагами, без учёта векселей, выражались суммой в 370 735 руб⁵¹. Соответствовали ли эти расчёты реальным доходам? Согласно балансу хозяйства князей Юсуповых за период с 18 июля 1916 г. по 1 января 1917 г. городская недвижимость принесла прибыли на сумму 43 тыс. руб. Поступления от Ракитянского сахарного завода составили 1 205 322 руб., от Должанского рудника — 276 911 руб. Прибыли 10 сельскохозяйственных и лесных имений оценивались в 410 222 руб. Операции с ценными бумагами принесли 582 392 руб⁵². Как хорошо видно, рассчитанное соотношение прибылей соблюдалось. Только процентные бумаги принесли даже больше предполагаемой суммы. При этом огромную сумму составили заимствования из банковских фондов: 146 444 руб. (Петроградская контора Государственного банка), 2 839 274 руб. (Азовско-Донской банк), 844 666 руб. (Волжско-Камский банк). Таким образом, можно констатировать, что с началом войны в 1914 г. соотношение источников доходов в хозяйстве Юсуповых резко изменилось. Впервые поступления от промышленности и рудника значительно превысили доходы сельскохозяйственных и лесных имений. В то же время при сохранении примерно прежних размеров доходности городской недвижимости значительно выросли объёмы операций с ценными бумагами.

В течение периода с конца 1890-х гг. по 1914 г. при сохранении высоких доходов от сельского хозяйства и сдачи земли в аренду значительно возросли поступления от промышленных предприятий, построенных в имениях Юсуповых. Накануне первой мировой войны поступления от сельского хозяйства и промышленности практически сравнялись, почти вдвое выросли доходы от городской собственности, составив почти пятую часть всех поступлений. Действительно новым источником доходов для Юсуповых стали поступления от ценных бумаг, вложенных в банки и акционерные компании.

⁵¹ РГАДА. Ф. 1290. Оп. 5. Ед. хр. 1144. Л. 48–51 об.

⁵² РГАДА. Ф. 1290. Оп. 5. Ед. хр. 1144. Л. 95–98 об.

ГОРОДСКАЯ СОБСТВЕННОСТЬ КАК ИСТОЧНИК ДОХОДОВ

Право землевладения русской аристократии на рубеже XIX–XX вв. распространялось не только на имения, расположенные в сельской местности, но и на значительные территории в городах. При этом надо иметь в виду, что в собственности отдельных дворянских семей находились как, что вполне естественно, собственно городские резиденции, зачастую представлявшие собой великолепные дворцы, построенные в еще в XVIII — первой трети XIX в., так и обычные городские строения, доходные дома, торговые лавки, территории городских усадеб и даже пустыри. В период ускорявшейся индустриальной модернизации, придавшей городам новые стимулы развития, городская собственность приобретала для аристократии важное и, прежде всего, экономическое значение. Согласно отчетам Главного управления по делам и имениям кн. Юсуповых за 1900 г., стоимость городской собственности (кроме домов в Петербурге и Москве, это ещё и дома в Астрахани) составляла 3 761 176 руб. Для сравнения: недвижимое имущество, земля, леса и строения в имениях оценивались в 10 915 343 руб.⁵³ В более детализированном отчете по владениям кн. З. Н. Юсуповой, т. е. по части собственно родовой юсуповской собственности, стоимость «дворцов жилых и прочих строений» оценивается в 5 341 016 руб., из которых на городскую собственность приходится 3 381 953 руб. Дома в С.-Петербурге оценивались в 2 903 854 руб., московские дома — в 413 292 руб. Для сравнения полевая и прочая земля в имениях кн. З. Н. Юсуповой стоила 4 228 559 руб., лесные угодья — 3 497 836 руб., фабрики и заводы — 1 762 207, оборотный капитал в имениях — 1 919 657 руб.⁵⁴ Таким образом, хорошо видно, что, по крайней мере, в денежном эквиваленте, городская собственность Юсуповых не намного уступала земельным владениям, была практически равна лесным владениям и почти в 2 раза превосходила промышленные фонды.

В начале XX в. комплекс городских владений Юсуповых включал в себя помимо дворцовых резиденций несколько доходных домов в Петербурге, также доходные дома по Тверскому бульвару

⁵³ РГАДА. Ф. 1290. Оп. 5. Д. 347. Л. 10.

⁵⁴ РГАДА. Ф. 1290. Оп. 5. Д. 347. Л. 71.

и у Красных ворот в Москве и деревянный дом с флигелями на набережной реки Кутума в Астрахани.⁵⁵ Основной частью городской собственности Юсуповых были владения в С.-Петербурге. В 1895 г. за ними числились дома по следующим адресам: Мойка, 94; Мойка, 92; Литейный проспект, 42; Фонтанка, 85; Большой проспект Васильевского острова; на Стрелке Василевского острова у Биржи; угол Офицерской улицы и Минского переулка. Спустя почти 20 лет общее число домовладений осталось неизменным. В 1917 г. Юсуповым принадлежали следующие здания: Большой дом на Мойке, 94; Невский дом (Невский проспект, 84, 86); Семеновский (Фонтанка, 85); Почтамтский (Мойка, 92); Литовский (Офицерская улица, 36); Литейный (Литейный проспект, 42); Бассейный (Бассейная улица, 3/5). Из этих зданий первые пять числились за кн. З. Н. Юсуповой, а два последние за ее сыном, Феликсом. В литературе уже отмечалось, что, судя по сохранившимся документам, счетам, письмам, Юсуповы тщательно следили за содержанием домов. В частности, счета от архитекторов говорят о замене лестниц, капитальных ремонтах, строительстве оранжерей и т. д.⁵⁶ В год капитальные затраты на содержание доходных домов достигали десятков тысяч рублей. Например, по сметам на 1901–1902 гг. на ремонтные работы (прокладка новых подземных чугунных и свинцовых труб, замена оконных рам, балок, полов и пр.) в петербургских доходных домах, принадлежавших Юсуповым, было выделено 20 тыс. руб.⁵⁷ В следующем отчетном году (1902–1903) на капитальный ремонт доходных домов было потрачено 15 тыс. руб.⁵⁸ В юсуповском архиве сохранились счета магазинов, мебельных мастерских, иностранных фирм об оплате работ по обустройству внутренних помещений, покупке мебели. На обустройство дома № 16 по Фонтанке, находившемся в собственности князя Ф. Ф. Юсупова-мл., было потрачено только в течение одного года (1908) по счету от 19 июня 6923 руб. и по счету от 4 декабря — 10 148 руб.⁵⁹ В марте 1908 г. большой объем ремонтных работ был проведен в доходных домах, принадлежав-

⁵⁵ РГАДА. Ф. 1290. Оп. 5. Д. 1234. Л. 28–29; *Анфимов А. М.* Крупное помещичье хозяйство Европейской России (кон. XIX — нач. XX в.). М., 1969. С. 276.

⁵⁶ *Соловьева Т. А.* Особняки Юсуповых в Петербурге. СПб., 1995. С. 170–171.

⁵⁷ РГАДА. Ф. 1290. Оп. 5. Д. 368. Л. 3.

⁵⁸ РГАДА. Ф. 1290. Оп. 5. Д. 417. Л. 19 об.

⁵⁹ Отдел письменных источников Государственного исторического музея (ОПИ ГИМ). Ф. 411. Оп. 1. Д. 104. Л. 1–9.

ших Юсуповым, на Тверском бульваре в Москве. На эти работы было выделено 14753 руб⁶⁰.

Юсуповы использовали свои дома достаточно своеобразно. Здание на Невском проспекте (86) кн. З. Н. Юсупова приобрела у некоего богатого купца и откупщика. Его помещения предназначались для проведения выставок. Здесь же устраивались дворянские собрания. В первые годы XX в. в этом юсуповском владении разместился музей восковых фигур. Здание на Литейном проспекте (42) сдавалось в аренду театру «Кривое зеркало», Польскому клубу, а с 1908 г. театральному антрепренеру. А. Н. Бенуа вспоминал: «... он был отделан по изысканнейшей моде Второй империи... с вызывающей роскошью. Если для организаторов всё помещение было целиком открыто, то большую публику с улицы... пускали лишь по роскошной беломраморной лестнице, ведшей от вестибюля в большой квадратный танцевальный зал». При этом Бенуа недоумевал, что побудило молодого князя Феликса Юсупова, «баснословного богача», «отдать в наём этот особняк». ⁶¹ Аренда особняка продолжалась до начала первой мировой войны. С 1914 г. Юсуповы отдали все помещения здания под госпиталь. Здание на Фонтанке, 85 использовалось как доходный дом.

В рассматриваемый период, т. е. в 1890–1914 гг., доходы, получаемые Юсуповыми от городской собственности, постоянно росли и достаточно быстрыми темпами. По отчётам за 1900 г. чистой прибыли по семи доходным домам в С.-Петербурге было получено 64 700 руб.⁶² Спустя всего несколько лет, в 1908–1909 гг., доходы по петербургским домам составили 208 355 руб., а расходы — 122 822 руб. Таким образом, чистая прибыль составила 91 736 руб. В 1912 г. прибыль по доходным домам в Петербурге насчитывала уже 126 382 руб.⁶³ Последняя цифра представляла собой именно чистую прибыль, поскольку общие поступления по доходным домам в Петербурге в 1912 г. составляли 226 126 руб., а расходы — 95 570 руб.⁶⁴ В целом, сводные данные по юсуповской городской собственности за последние предвоенные пять лет представляют следующую картину: чистая прибыль по доходным домам

⁶⁰ РГАДА. Ф. 1290. Оп. 5. Ед. хр. 620. Л. 2–19.

⁶¹ Бенуа А. Мои воспоминания. Т. 2. Кн. 4–5. М., 1990. С. 476.

⁶² РГАДА. Ф. 1290. Оп. 5. Д. 347. Л. 71.

⁶³ РГАДА. Ф. 1290. Оп. 5. Д. 411. Л. 6; Д. 944. Л. 29–30.

⁶⁴ РГАДА. Ф. 1290. Оп. 5. Д. 958. Л. 3.

за 1910 г. составляла в С.-Петербурге — 93 149 руб., в Москве — 5 080 руб. (всего — 98 229 руб.); за 1911 г. в С.-Петербурге — 120 249 руб., в Москве — 5 181 руб. (всего — 125 430 руб.); за 1912 г. в С.-Петербурге — 126 382 руб., в Москве — 6 333 руб. (всего — 132 715 руб.); за 1913 г. — 123 000 руб. и 6 176 руб. (всего — 129 176 руб.); за 1914 г. — 120 279 руб. и 5 898 руб. (всего — 126 177 руб.).⁶⁵

В среднем за 1900–1914 гг. Юсуповы почти в два раза увеличили поступления от своей городской собственности. При этом новых приобретений недвижимости в городах не осуществлялось.

ПРОМЫШЛЕННЫЕ ПРЕДПРИЯТИЯ

К 1900 г. Юсуповым принадлежало несколько промышленных заведений: 2 сахарных завода, 1 картонная и 1 бумажная фабрика, а также антрацитовый рудник. Общая стоимость этих промышленных предприятий составляла 2 960 377 руб., что примерно равнялась одной трети стоимости земельных владений (10 915 343 руб.).⁶⁶ Промышленные предприятия в значительном количестве присутствовали в юсуповских имениях ещё в крепостную эпоху. В том же Ракитянском имении в 1840-х гг. при князе Б. Н. Юсупове функционировали механические мастерские, ветряные мельницы, кузницы и 10 кустарных предприятий.⁶⁷ Однако, начиная с 1890-х гг. весь комплекс промышленных заведений в юсуповских имениях был полностью модернизирован. Об этом в частности свидетельствуют данные о времени основания промышленных предприятий — Милятинская древесно-бумаго-оберточная фабрика (1898 г.), Новинская древесно-картонная фабрика (1896 г.), Новинский лесопильный завод (1893 г.), Ракитянский свеклосахарный завод (1895 г.).⁶⁸ В 1894 г., Юсуповы принима-

⁶⁵ Анфимов А. М. Крупное помещичье хозяйство Европейской России (кон. XIX — нач. XX в.). М., 1969. С. 276.

⁶⁶ РГАДА. Ф. 1290. Оп. 5. Д. 347. Л. 10.

⁶⁷ Колесникова Л. И. Ракитное: Усадьба Юсуповых // Русские провинциальные усадьбы / Сост. Р. В. Андреева, А. Ф. Попова. Воронеж, 2001. С. 25.

⁶⁸ Дворяне-предприниматели начала XX века (по данным справочников «Список фабрик и заводов Европейской России». СПб., 1903 и «Фабрично-заводские предприятия Российской империи». Пг., 1914) // Курков К. Н. Адаптация российского дворянства к условиям модернизационного процесса начала XX в. М., 2005. С. 156, 180, 501.

ют решение построить в Ракитянском имении Курской губернии сахарный завод, чья стоимость определялась в 1 228,5 тыс. руб.⁶⁹ Договор о строительстве завода между доверенным княгини З. Н. Юсуповой А. К. Кумбари и владельцем машиностроительной фирмы «Карл Штейммиг» в Данциге инженером Германом-Августом Лаубмейсром был подписан в апреле 1894 г. Соглашение предусматривало выведение мощности предприятия до 36 тыс. пудов производимого сахара в день. Оборудование и машины поставляла немецкая сторона, но все строительство шло на средства княжеской семьи.⁷⁰

Крупнейшим предприятием Юсуповых был также Должанский рудник в Донской области. Его разработка начинается в самом начале XX в. В 1902 г. первые образцы добытого угля были отправлены в несколько лабораторий Москвы и Петербурга. Лаборатория органической и аналитической химии во главе с профессором Н. Зеленским пришла к заключению, что образцы угля, взятые из двух пластов Должанского рудника, представляют собой антрацит высокого качества. Вскоре в Ростове-на-Дону было открыто «Представительство по продаже антрацита Должанского рудника Её Сиятельства княгини З. Н. Юсуповой, графини Сумароковой-Эльстон». Залежи антрацита были огромными. По предварительным оценкам, в двух разрабатываемых пластах находилось 23 млн пудов угля. При существующих темпах разработки угля хватило бы на 100 лет. При цене 2 коп. за пуд в начале XX в. Юсуповы обладали запасами угля на сумму 46 млн руб⁷¹. Новый главноуправляющий княжеским хозяйством (с 1909 г.) Л. Р. Гавеман произвел специальный осмотр этого предприятия и сообщил владельцам следующее (26 октября 1906 г.): «Исполняя Ваше желание..., провел два дня на руднике, осмотрел все сооружения на поверхности, побывал на работах по добыче антрацита в шахтах, в больнице, школе и вынес впечатление, что дело поставлено правильно и затраченные в последние два года около 250 тыс. рублей на оборудование рудника и на новые постройки и капитальный ремонт израсходованы толком». Гавеман отмечал, что ежедневно добывается и грузится в среднем по 37 вагонов угля и, что в ближайшие месяцы (ноябре, декабре 1909 г. и январе, феврале 1910 г.), «если не случит-

⁶⁹ Минарик Л. П. Экономическая характеристика крупнейших земельных собственников России кон. XIX — нач. XX в. М., 1971. С. 27, 30.

⁷⁰ РГАДА. Ф. 1290. Оп. 5. Д. 1289. Л. 7–8 об.

⁷¹ Кукурузова Н. В. «Богаче Романовых?..» О богатстве князей Юсуповых. СПб., 2006. С. 81.

ся никакого несчастного случая», рудник должен выработать не менее 100 тыс. руб. дохода: «... Из них будет представлено во исполнение предначертанной сметы 41 000 руб., остальные же 59 000 поступят в погашение долга ... ». Как сообщал также главноуправляющий, ранее рудник получил от Главного управления 126 000 руб. в долг для приобретения машин. В целом же, Л. Р. Гавеман отмечал хорошее качество машин и оборудования Должанского рудника⁷². Известно также, что в 1911 г. «изделия из антрацита» Должанского рудника на Царскосельской выставке получили положительные отзывы. В последующие годы Юсуповы успешно осуществляли казенные и частные заказы по поставкам угля⁷³.

Последовательно, в первые годы XX в., возрастали объемы производства промышленных предприятий, принадлежавших Юсуповым. Годовое производство Милятинской фабрики в 1903 г. составляло 75 000 руб. (число рабочих — 95), а в 1914 г. — 150 000 руб. (число рабочих — 160); аналогичные показатели Новинской фабрики составляли в 1903 г. 42 900 руб. (число рабочих — 72) и в 1914 г. 50 000 руб. (число рабочих — 80). Годовое производство Новинского лесопильного завода составляло в 1903 г. 39 300 руб. (число рабочих — 35), а в 1914 г. — 65 000 руб. (число рабочих — 66). Тот же Л. Р. Гавеман сообщал владельцам (3 августа 1910 г.): «По пути из Орловской губ. я заезжал в Милятино и на Новинскую картонную фабрику. Бумажное и картонное производства наладились и за истекшее полугодие выработано даже несколько больше, нежели предполагалось по бюджету. Лесопилки наши тоже оправдали наши ожидания»⁷⁴. Производство Ракитянского свеклосахарного завода в период 1903–1914 гг. поддерживалось примерно на одном уровне (годовое производство в 1903 г. — 1 228 500 руб., число рабочих — 440 (1903) и 500 (1914)).⁷⁵ В 1912 г. доходы по фабрикам и заводам Юсуповых составили 281 821 руб., а в 1914 г. — 247 459 руб.⁷⁶ Для сравнения, по данным смет доходов

⁷² РГАДА. Ф. 1290. Оп. 2. Ед. хр. 3893. Л. 5–6.

⁷³ Кукурузова Н. В. «Богаче Романовых?..» О богатстве князей Юсуповых. СПб., 2006. С. 81–82.

⁷⁴ РГАДА. Ф. 1290. Оп. 2. Ед. хр. 3893. Л. 8 об.

⁷⁵ Дворяне-предприниматели начала XX века (по данным справочников «Список фабрик и заводов Европейской России». СПб., 1903 и «Фабрично-заводские предприятия Российской империи». Пг., 1914) // Курков К. Н. Адаптация российского дворянства к условиям модернизационного процесса начала XX в. М., 2005. С. 156, 180, 501.

⁷⁶ РГАДА. Ф. 1290. Оп. 5. Д. 940. Л. 5; Д. 1003. Л. 5–6.

имений Юсуповых на 1897 г., поступления от промышленных заведений оценивались суммой в 67,8 тыс. руб.⁷⁷ Денежные поступления от промышленных предприятий, принадлежавших Юсуповым, выросли с конца XIX в. по 1914 г. более чем в 4 раза.

ДОХОДЫ ОТ ЛЕСНОГО ХОЗЯЙСТВА

Интерес к лесным богатствам как к перспективному источнику доходов был в целом характерен для крупных земельных собственников России в период 1890–1914 гг. Юсуповское хозяйство было характерным примером использования земельной собственности, в том числе и в плане активной эксплуатации лесного комплекса. По данным на 1900 г. по имениям, принадлежавшим кн. З. Н. Юсуповой, из общего количества земли в 207 859 десятин на долю полевой и прочей земли приходилось 140 941 десятина (стоимостью 4 228 559 руб.), под лесом находилось 66 918 десятин (3 497 896 руб.).⁷⁸ К 1 января 1915 г. Юсуповым принадлежало 184 359 десятин земли, из которых на полевую и прочую приходилось 116 250 десятин, но под лесом числилось практически то же количество земли — 68 109 десятин.⁷⁹ Эти значительные лесные ресурсы, находившиеся в собственности княжеской фамилии, требовали более эффективного использования, чем это было в крепостническую эпоху и в первые пореформенные десятилетия. Изменения в этой области также приходятся на период активной модернизации юсуповских имений в 1890–1914 гг.

Организация высокодоходного лесного хозяйства и расширение продажи леса стали важнейшей составляющей экономической деятельности в имениях, прежде всего в нечернозёмных губерниях. Капитальные затраты Юсуповых в деле организации лесного хозяйства в ряде своих поместий были весьма значительными. В 1901–1902 гг. по 6 лесным владениям они составили 40 802 руб. Для сравнения общая сумма капиталовложений в этом году по имениям составила 91 940 руб.⁸⁰ В 1902–1903 гг. капитальные

⁷⁷ Анфимов А. М. Крупное помещичье хозяйство Европейской России (кон. XIX — нач. XX в.). М., 1969. С. 308.

⁷⁸ РГАДА. Ф. 1290. Оп. 5. Д. 347. Л. 71.

⁷⁹ Анфимов А. М. Крупное помещичье хозяйство Европейской России (кон. XIX — нач. XX в.). М., 1969. С. 308.

⁸⁰ РГАДА. Ф. 1290. Оп. 5. Д. 368. Л. 3, 9 об.

затраты по лесным владениям составляли хотя и меньшую, но тоже весьма значительную сумму — 25 279 руб.⁸¹ Значительный прогресс, прежде всего с точки зрения повышения доходов, особенно хорошо виден, если обратиться к данным о прибылях от лесного хозяйства по отдельным имениям Юсуповых. Сумма доходов от продажи леса по Благовещенскому имению в 1897 г. составляла 17 461 руб., а в 1916 г. — уже 64 555 руб.; по Климовскому имению — 11 808 руб. и 38 034 руб. соответственно; по Княже-Лисинскому имению — 7 923 руб. и 54 404 руб.; по Безводнинскому имению — 9 076 руб. и 1 565 руб.; по Милятинскому имению — 49 267 руб. и 154 271 руб.; по Тюфонскому имению — 8 132 руб. и 2 328 руб. Прибыли от лесного хозяйства Корсуньского имения составили в 1916 г. 29 357 руб. В целом же за период 1897–1916 гг. поступления от продажи леса в юсуповских владениях увеличились с 103 677 руб. до 344 568 руб.⁸²

Наиболее активные лесные разработки велись в Благовещенском имении (Шлиссельбургский уезд С.-Петербургской губ.), в Климовском имении (Юхновский, Мосальский и Мещовский уезды Смоленской и Калужской губ.), в Княже-Лисинском имении (Царскосельский уезд С.-Петербургской губ.), в Милятинском имении (Мосальский уезд Калужской губ.) и в Корсунском имении (несколько уездов Ярославской и Костромской губ.). Все эти владения находились в нечернозёмных губерниях, богатых лесом и мало пригодных к развитию собственно агрикультуры. Подобная региональная специфика организации хозяйства в юсуповских имениях соответствовала экономической конъюнктуре. Высокоприбыльные лесоводческие хозяйства в центральных и северных имениях княжеской семьи дополнялись агрикультурными экономиями, такими как, например, Ракитянское имение в Курской губернии и Веселовское в Воронежской, на Юге.

ПЕРЕВОД КАПИТАЛОВ В «БУМАЖНЫЕ» ФОНДЫ

Перевод аристократией части своего капитала за счёт, прежде всего, продажи земли и ипотечного кредита в бумажные фонды объ-

⁸¹ РГАДА. Ф. 1290. Оп. 5. Д. 417. Л. 19–19 об.

⁸² Анфимов А. М. Частновладельческое лесное хозяйство в России в конце XIX — начале XX в. // Исторические записки. № 63. М., 1958. С. 251.

яснялся вполне прагматическими соображениями. Доходность ценных бумаг часто была выше поступлений от традиционных источников, и владение ценными бумагами не требовало практически никаких расходов. Стало общим правилом переводить часть доходов в акции банков, торгово-промышленных предприятий, страховых компаний, пароходных обществ, железных дорог, в закладные листы и свидетельства земельных банков, в облигации государственных банков и т. д. В 1901 г. у Юсуповых имелось ценных бумаг на сумму 41,1 тыс. руб. (в Государственном дворянском банке). Затем в результате залога Невского сахарного завода (1901), продажи и залога после 1905–1907 гг. нескольких имений образовался большой капитал в виде закладных Петербургского городского кредитного общества, Государственного дворянского банка и 6-процентных свидетельств Крестьянского банка. В 1909 г. последние на сумму 1 337 тыс. руб. были проданы банкиру Вавельбергу. В дальнейшем Юсуповыми был взят курс на увеличение капитала в ценных бумагах, который к 1915 г. составил 5 122 тыс. руб. Это были акции Белгородско-Сумской железной дороги (370 тыс. руб.), Азовско-Донского банка (75 тыс. руб.), Петербургского международного банка (75 тыс. руб.), Мальцевских заводов (13 тыс. руб.), остальное — различные закладные листы и облигации. При этом велась крупная игра на рынке ценных бумаг. В 1910 г. от этих операций получена прибыль в 7,7 тыс. руб., а в 1911 г. — 45,6 тыс. руб. В 1914 г. были проданы все процентные бумаги Петербургского кредитного общества на сумму 983 тыс. руб. с потерей на курсе 323 тыс. руб. и куплены облигации 5-процентного государственного займа 1906 г. на 1 млн руб. с потерей на курсе 26,4 тыс. руб. Общим итогом операций с бумагами за 1914 г. был убыток в 254,1 тыс. руб. В 1915 г. были куплены облигации государственных займов 1915 г. на сумму 1,6 млн руб., закладные четырёх земельных банков (Херсонского, Бессарабско-Таврического, Полтавского и Ярославско-Костромского), на общую сумму 1 662,5 тыс. руб., а также акции Петроградского вагоностроительного завода на 100 тыс. руб., Бакинско-нефтепромышленного общества на 11,4 тыс. руб. и акционерного общества механических и трубочных заводов П. В. Барановского. Всего было куплено акций на 3,4 млн руб. В том же 1915 г. было продано процентных бумаг на сумму 3 769 тыс. руб. В следующем 1916 г. операции с ценными бумагами продолжились, однако они, как и операции предыдущего года, отражали уже реалии далёкой

от стабильности и определенности ситуации военного времени.⁸³ Так, в апреле 1916 г. управляющий Главного управления хозяйства Юсуповых указывал в расписке, что получил от «Его сиятельства» для хранения в кассе 250 акций Акционерного общества механических гильзовых и трубочных заводов П. В. Барановского на предъявителя по 100 руб. каждая (25 тыс. руб.) с купонами на получение дивиденда за 1915 г. Кроме того, было получено 192 купона Акционерного общества Мальцевских заводов и 2 купона Бакинского нефтяного общества на получение дивиденда за 1915 г. Дивиденды, полученные от этих бумаг, незамедлительно пересылались князю Ф. Ф. Юсупову-ст. в его крымское имение Кореиз⁸⁴.

По данным на 1 января 1915 г. в качестве обеспечения специального текущего счёта княгини З. Н. Юсуповой, графини Сумароковой-Эльстон в Азовско-Донском банке числились следующие ценные бумаги: 4% свидетельства государственной ренты (444 900 руб.), бумаги 5% займа 1905, 1906, 1908 гг. (1 067 050 руб.), 5% залоговые листы Государственного Дворянского банка (341 400 руб.), 4% свидетельства консолидированного займа 1889 г. (10 375 руб.), 4% закладные листы Государственного Дворянского банка (6 тыс. руб.), 5% свидетельства Крестьянского поземельного банка (23 850 руб.), 4,5% облигации Московского городского кредитного общества (300 руб.), 4,5% залоговые листы Государственного Дворянского банка (2 342 600 руб.), 4,5% облигации С.-Петербургского городского кредитного общества (213 200 руб.), 5% бумаги выигрышного займа, а также акции Белгородско-Сумской железной дороги (3 697 шт.), Мальцовских заводов (125 шт.), Петроградского международного коммерческого банка (300 шт.)⁸⁵. Кроме того, в Учётном и Ссудном банке в обеспечение счёта опcall находилось 300 акций Азовско-Донского банка. На хранении в кассе Главного управления лежали временные свидетельства акционерного общества «Эльбрус», 125 акций Южно-Русского общества для торговли домашними животными и продуктами животноводства, 3 акции Белгородско-Сумской железной дороги. Общая же стоимость всех ценных бумаг, принадлежавших князьям Юсуповым, составила на 1 января 1915 г. 5 144 935 руб⁸⁶.

⁸³ Анфимов А. М. Крупное помещичье хозяйство Европейской России (кон. XIX — нач. XX в.). М., 1969. С. 286–287.

⁸⁴ РГАДА. Ф. 1290. Оп. 5. Ед. хр. 1144. Л. 44.

⁸⁵ РГАДА. Ф. 1290. Оп. 5. Ед. хр. 1061. Л. 1.

⁸⁶ РГАДА. Ф. 1290. Оп. 5. Ед. хр. 1081. Л. 17 об. — 19.

Накануне 1914 г. Юсуповы принадлежали к относительно небольшой группе крупнейших землевладельцев империи, в подавляющем своем числе представлявшей знатные дворянские фамилии. Наиболее основательное исследование экономического положения русской аристократии в начале XX в., как известно, было предпринято в своё время Л. П. Минарик, подробно проанализировавшей состояния всех крупных земельных собственников, за которыми числилось свыше 50 тыс. десятин. Исследовательница в основу своей характеристики положила размеры земельных владений. Подсчёты производились по различным источникам за период 1890–1905 гг. Как выяснилось, из 102 семей крупнейших помещиков (155 личных собственников) Российской империи только 6 представителей были недворянами: потомственные почётные граждане С. Ф. Агарков, уральские горнозаводчики братья Зотовы и Каменские, самарские купцы А. М. Мальцев, А. Н. Шихобалов и Л. С. Аржанов⁸⁷. С полным основанием к последним можно отнести семьи Терещенко и Харитоненко, формально недавно получившие дворянство, но всё-таки относившиеся к новой российской буржуазии. В то же время в этом списке можно найти 26 семей русской титулованной аристократии, среди которых мы видим фамилии Барятинских, Белосельских-Белозерских, Бобринских, Волконских, Воронцовых-Дашковых, Гагариных, Голицыных, Демидовых, Долгоруких, Зубовых, Мордвиновых, Мусиных-Пушкиных, Орловых, Орловых-Давыдовых, Строгановых, Чернышёвых, Шереметевых, Щербатовых, Шуваловых, Юсуповых. К этой группе можно причислить и несколько семей русской нетитулованной аристократии: Всеволожские, Дурново, Нарышкины, Самарины, Уваровы, Челищевы, Шереметевы (нетитулованная ветвь). Среди крупнейших землевладельцев мы видим и трёх представителей дома Романовых — великих князей Михаила Николаевича, Александра Михайловича и Николая Николаевича. Прочие крупнейшие землевладельцы представляли русские дворянские фамилии (29) и дворянство национальных окраин, в основном польские и немецкие фамилии (30). Вполне резонно Д. Ливен отмечал, что применяемый Л. П. Минарик принцип выделения крупнейших собственников Российской империи по площади земельных владений, не может прямо указывать на размеры

⁸⁷ Минарик Л. П. Экономическая характеристика крупнейших земельных собственников России конца XIX — начала XX в. М., 1971. С. 19.

благосостояния аристократии. В отличие от крепостной эпохи, к началу XX в. между размером земельных владений и размером богатства наблюдалась меньшее соответствие. Так, учитывая существенные колебания в стоимости земли в зависимости от качества почв и других факторов, крупнейшие уральские землевладельцы могли уступать в стоимости своих владений помещикам чернозёмной полосы с меньшими по площади имениями. Помимо различия в цене на землю, значительная часть доходов аристократии, как это показывает пример Юсуповых, могла поступать из других источников — городской собственности и владениями ценными бумагами банков и промышленных предприятий⁸⁸.

Если обратиться к категории крупнейших землевладельцев в составе титулованной знати, действительно, можно увидеть несколько примеров экономической и финансовой несостоятельности. В первые годы XX в. устанавливается опека над имуществом В. Л. Нарышкина и князя П. Д. Волконского, в тяжелейшем положении оказываются уральские владения князей Белосельских-Белозерских и имения «тульской» ветви графов Бобринских. Но это скорее исключения. Высокую эффективность с точки зрения экономической стабильности и увеличения доходов можно наблюдать в развитии крупнейших хозяйств графа И. И. Воронцова-Дашкова⁸⁹, «смелянской» ветви графов Бобринских⁹⁰, графа А. Д. Шереметева⁹¹, графов Орловых-Давыдовых⁹², князей Барятинских. Обширное хозяйство графа С. Д. Шереметева в большей степени напоминало юсу-

⁸⁸ Ливен Д. Аристократия в Европе. 1815–1914. СПб., 2000. С. 67–68.

⁸⁹ К 1900 г. только половина земельных владений графа И. И. Воронцова-Дашкова оценивалась в 7,5 млн руб. В 1912 г. доходы с его имений, городской собственности и банковских капиталов составили 691 803 руб. — ОР РГБ. Ф. 58. Раздел 2. П. 106. Ед. хр. I. Л. 78 об — 79.

⁹⁰ В 1897 г. стоимость имений, заводов, построек и наличных капиталов графов Бобринских («смелянских») достигала 17,5 млн руб. В 1912 г. чистая прибыль только 4 сахарных заводов в имении Смела, принадлежавшая графу А. А. Бобринскому, составила 313,9 тыс. руб. — *Минарик* А. П. Экономическая характеристика крупнейших земельных собственников России конца XIX — начала XX в. М., 1971. С. 34; РГАДА. Ф. 1412. Оп. 6. Ед. хр. 101. Л. 1–81.

⁹¹ В 1913 г. доход графа А. Д. Шереметева составил 1,55 млн руб. Причём 965 тыс. руб. ему принесли проценты по ценным бумагам и банковским вкладам. — *Анфилов* А. М. Крупное помещичье хозяйство Европейской России (конец XIX — начало XX в.). М., 1969. С. 305.

⁹² Капитал графов Орловых-Давыдовых в составе имений, домов и ценных бумаг к 1 января 1900 г. составлял 19 930 901 руб., а общие доходы составили 1 048 875 руб. — РГАДА. Ф. 1273. Оп. I. Ед. хр. 2592. Л. 153 об.

повское — при увеличении стоимости капиталов и доходов также значительно увеличивалась задолженность⁹³. Крупные уральские землевладельцы, как, например, Демидовы и Шуваловы, постепенно утрачивали права собственности и закончили в итоге акционированием своих предприятий, но хозяйственные комплексы князей Абамелек-Лазаревых и графов Строгановых вплоть до 1917 г. демонстрировали свою эффективность⁹⁴. Наконец, искусственно определённый критерий в 50 тыс. дес. вовсе не означал, что крупные земельные владения меньшей площади не могли служить прочной основой для финансового благополучия аристократических фамилий. Семья князей Щербатовых, имевшая во владении гораздо меньшее количество имений, давала прекрасный пример экономического успеха⁹⁵. Княгиня О. А. Щербатова (урождённая Строганова) успешно к тому же управляла делами уральского майората своего брата С. А. Строганова. Её сыновья являлись наследниками своего дяди по матери. В недалеком будущем Щербатовы должны были унаследовать огромные строгановские владения и стать крупнейшими землевладельцами России.

Экономическая стратегия Юсуповых в два предвоенных десятилетия и в первые годы войны была характерна для многих крупных землевладельцев Российской империи. Развитие сельскохозяйственных имений (традиционной основы благосостояния русской аристократии) предполагало серьёзную модернизацию крупных «экономий», расширение промышленного производства и интенсификацию лесного хозяйства. Важнейшим источником благосостояния стала городская недвижимость (прежде всего обладающие высокой стоимостью владения в двух столицах империи). Самым же за-

⁹³ В 1914 г. общий капитал графа С. Д. Шереметева составлял 30 млн руб. (общая задолженность 6,9 млн руб.), доход оценивался в 640 тыс. руб. — РГИА. Ф. 1088. Оп. 4. Ед. хр. 175. Л. 3–4.

⁹⁴ Накануне 1914 г. общая оценка капиталов графа С. А. Строганова превышала 30 млн руб., а ежегодный доход составлял около 1,5 млн руб. В конце 1913 г. общий капитал князя С. С. Абамелек-Лазарева определялся примерно в 43 млн руб. Чистая прибыль хозяйства С. С. Абамелек-Лазарева возросла с 911 338 руб. в 1900 г. до 2 667 513 руб. в 1913 г. — *Грузинов А. С.* Хозяйственный комплекс князей Абамелек-Лазаревых во второй половине XIX — начале XX в. М., 2009. С. 69, 71–72, 440–445.

⁹⁵ Согласно отчёту Главной петербургской конторы княгини О. А. Щербатовой, которой принадлежало 7 имений и дом в Санкт-Петербурге на Сергиевской улице, чистая прибыль от этих владений составила за 1915 г. 96 885 руб. Общие же доходы в 1915 г. превысили 1 млн руб. — РГАДА. Ф. 1289. Оп. 6. Ед. хр. 246. Л. 1.

метным и очевидным изменением в экономической стратегии являлся перевод значительной части капиталов в «бумажные» фонды — различные ценные бумаги государственных, коммерческих банков и акционерных компаний. Свободные средства для этой цели брались за счёт продажи части земельных владений и получения ипотечного и коммерческого кредитов. К началу войны примерно $\frac{1}{7}$ стоимости общего капитала Юсуповых приходилась на акции и облигации. В целом хозяйство этой аристократической семьи было в значительной степени адаптировано к экономическим условиям новой «индустриальной» эпохи. По крайней мере, постоянный рост стоимости капиталов и значительное увеличение доходов, как от сельскохозяйственных, так и от промышленно-финансовых статей должны были свидетельствовать об этом. Представления о том, что единственной возможностью экономической адаптации землевладельческой аристократии в «индустриальную эру» было её превращение в предпринимателей капиталистического типа, наивны. Как и утверждения о якобы генетически присущей русским помещикам «предпринимательской немощи» и «экономической несостоятельности». Последние представители семьи Юсуповых в России — княгиня Зинаида Николаевна и её муж князь Феликс Феликсович-старший — не были ни капиталистами, ни вообще выдающимися людьми. Но они обладали здравым смыслом и достаточными экономическими знаниями, чтобы принимать вполне разумные решения. В то же время серьёзной и во многом неразрешимой проблемой для Юсуповых стал одновременный рост задолженности хозяйства, что объяснялось не только огромными непроизводительными личными расходами этой аристократической семьи, но и, по сути, единственной возможностью за счёт широкого привлечения денежных займов получать свободные средства для развития сельских экономий и промышленных предприятий. Вступление России в 1914 г. в мировую войну изменило естественный ход экономического развития и поставило крупнейших землевладельцев империи перед новыми финансовыми и организационными проблемами. Послевоенных возможностей для восстановления своего экономического положения история, как известно, Юсуповым не предоставила.

Нельзя обойти вопрос, также интересующий многих, о влиянии крупных земельных владений аристократии на общее экономическое и социальное развитие страны в начале XX в. Применительно к хозяйственному комплексу князей Юсуповых следует отметить, что именно в их экономиях началось массовое применение

современной сельскохозяйственной техники (в том числе, первое применение тракторов), проводились научные эксперименты на опытных полях, активно использовались искусственные удобрения. Рядом с имениями создавалась необходимая транспортная инфраструктура, включая дороги, железнодорожные ветки, станции и телефонную связь. В юсуповских имениях организовывалось правильное лесное хозяйство. Крупные земельные владения были важнейшим источником перераспределения доходов из сельского хозяйства в промышленную и банковскую сферы. Юсуповы вложили огромные средства в покупку акций и других ценных бумаг промышленных компаний и банков. Накануне 1914 г. сотни тысяч рублей они выплачивали государственным и частным банкам в качестве процентов по ипотечным и коммерческим кредитам. Российские банки отнюдь не занимались благотворительностью в отношении крупных земельных собственников, и аристократия также напрямую оплачивала индустриальную модернизацию страны. Платили Юсуповы и постоянный «социальный налог». Примерно 5–7% своих личных расходов они тратили на благотворительность. В абсолютных цифрах это суммы варьировались в пределах 30–60 тыс. руб. ежегодно. Получателями этих денег были образовательные и медицинские учреждения, а также частные лица. Наконец, извлекаемые Юсуповыми огромные доходы из своих владений позволяли поддерживать на достойном уровне и реконструировать роскошные дворцовые резиденции, сохранять и пополнять высокоценные художественные коллекции. Именно в частных руках накануне 1917 г. находилась огромная и важнейшая часть национального культурного наследия страны.

М. А. Колеров

МАРКСИСТСКИЙ ЖУРНАЛ «ЗАРЯ» (1901–1902). РОСПИСЬ СОДЕРЖАНИЯ

1. Заря. Социал-демократический научно-литературный журнал. № 1. Апрель 1901. Stuttgart	
[От редакции] К читателям.....	V
Г. Плеханов. Еще раз социализм и политическая борьба.....	1
Карл Каутский. Воспоминания. Перевод с рукописи.....	33
Старовер [А. Н. Потресов]. Что случилось?.....	47
Г. Плеханов. Критика наших критиков. Ч. I. Г. П. Струве в роли критика Марксовой теории социального развития. Статья первая.....	75
Н. Рязанов. Замечания на программу «Рабочего Дела».....	118
Бывалый [В. Я. Яковлев — Богучарский]. О старом и новом...	137
А. Б. Чему учит харьковская маевка?.....	143
Нарцис Тупорылов [А. Мартов]. Гимн новейшего рус- ского социалиста.....	152
Г. Плеханов. Четырнадцатое декабря 1825 года.....	154
В. Засулич. Борьба в тюрьме.....	175
П. Молотов. Европейские рабочие и их русский историк.....	187
Г. Плеханов. Несколько слов о последнем парижском меж- дународном социалистическом конгрессе.....	231
Т. Х. Случайные заметки.....	247
 <i>Библиография</i>	
Философские и социологические основания марксизма — Масарика / Пер. П. Николаева.....	271

La propriété foncière en Belgique, par Emile Vandervelde.....	280
Г. П. Библиотека социалисте. Paris, 1900. № 1: Manuel du coopérateur socialiste, par Maurice Lanzel. — № 2–4: Le collectivisme et l'évolution industrielle, par Emile Vandervelde. — № 5: Proudhon, par Hubert Bourgin.....	284
В. З. Штундист Павел Руденко. Роман С. Степняка (С. М. Кравчинского).....	296
2. Заря. Социал-демократический научно-литературный журнал. № 2–3. Декабрь 1901. Stuttgart	
Г. Плеханов. Что же дальше?.....	1
Ортодокс. Почему не хотим идти назад? [О книге Н. А. Бердяева «Субъективизм и индивидуализм в общественной философии»].....	38
Т. П. [В. И. Ленин] Гонители земства и Аннибалы либерализма	60
Г. Плеханов. Критика наших критиков. Ч. I. Г. П. Струве в роли критика Марксовой теории социального развития. Статья вторая	101
Ю. Невзоров [Ю. М. Стеклов, Нахамкес]. Социал-демократия, как носительница национального освобождения	156
Л. Мартов. Всегда в меньшинстве. О современных задачах русской социалистической интеллигенции	180
Г. Плеханов. Sant против Канта или Духовное завещание г. Бернштейна (Э. Бернштейн. Исторический материализм. Перевод Л. Кацнеля. Второе издание. С.-Петербург, 1901)	205
Ст<аровер> [А. Н. Потресов]. Современная весталка (Из этюдов о современной журналистике)	226
Н. Ленин. Гг. критики в аграрном вопросе. Очерк первый	259
В. Засулич. Элементы идеализма в социализме. I. (Несколько критических замечаний по адресу некоторых прекрасных душ)	303
<i>Библиография</i>	
Г. П. С. Франк. Теория ценности Маркса и её значение. Критический этюд. С.-Петербург, 1900	324
Л. М. «Революционная Россия», издание Социалистов-Революционеров, № 2	331

Л. М. «Вестник Русской Революции», социально-политическое обозрение. Под редакцией К. Тарасова. № 1. 1901. Июль	334
Л. М. «Былое». Историко-революционный сборник. № 2. Лондон	343
Г. П. Aus dem literarischen Nachlass von Karl Marx, Fridrich Engels und Ferdinand Lassalle. Herausgegeben von Franz Mehring... Stuttgart, 1902	346
В. З. «Возрождение революционизма в России». Издание революционно-социалистической группы «Свобода»; «Свобода». Журнал для рабочих. Издание той же группы .	349
Г. П. Россия накануне двадцатого столетия. Берлин, 1900	354
Г. П. Борис Чичерин. Польский и еврейский вопросы. Ответ на открытые письма Н. К. Ренненкампафа. 2 изд. Берлин, 1901	359
Т. Х. Внутреннее обозрение	361
Ignotus. Любекский партейтаг германской социал-демократии	404

3. Заря. Социал-демократический научно-литературный журнал. № 4. Август 1902. Stuttgart

Проект программы Российской Социал-Демократической Рабочей Партии (Выработанный редакцией «Искры» и «Зари»)	3
Г. Плеханов. Проект программы Российской Социал-Демократической Партии	11
[II отд.]	
Г. Плеханов. Критика наших критиков. Ч. I. Г. П. Струве в роли критика Марксовой теории социальной революции. Статья третья	1
Д. Аяков. Nabeas Corpus	32
Л. Б. К. Деревенские воспоминания	39
Ортодокс. О некоторых философских упражнениях некоторых «критиков»	46
*** [А. Коллонтай] Социализм в Финляндии	71
III. «Россия». Из оды Свинбурна. Перевод с английского. 80	
Теням ушедших	82
[III отд.]	
[А.] Парвус. Оппортюнизм на практике	1
К. К. О еврейском рабочем движении в России	40

Сонин. Бомбардировка Благовещенска китайцами (Рассказ очевидца)	55
В. Засулич. Элементы идеализма в социализме. II	75
«Международная» полемика по вопросу о Милльберане:	
I. Ignotus. “Vorwärts” и “Заря”	100
II. [А.] Парвус. Милльберан и «Vorwärts»	105
Г. Линдов. Выборы во Франции	118
— ь. Прогресс религии и «религия прогресса»	135
П. Киевская демонстрация 2-го февраля. Рассказ очевидца	142
Н. Ленин. Аграрная программа русской социал-демократии ..	152
А. Мартов. Внутреннее обозрение	184

Библиография.

Р. С<трельцов?>. Zur Vorgeschichte des modernen philosophischen Sozialismus in Deutschland... Von Dr. Koegen	223
Б. К вопросу о национальной автономии и преобразовании Российской Социал-Демократической Рабочей Партии на федеральных началах... ..	228
Г. П. Бенедетто Кроче. Экономический материализм и марксистская экономия. Критические очерки / Перевод [П.] Шутякова. СПб., 1902	230
Г. П. Bibliotheque socialiste internationale publiee sous la direction d'Alfred Bonnet. VII. Le Socialisme et l'Agriculture, par G. Gatti... Paris, 1902	241
Г. П. Крестьянин. Роман Вильгельма фон Поленца / Пер. Б. Величкиной. М., 1902	247

Марвин Бенджамен Фрайд (Marvin B. Fried)

«ВОПРОС ЖИЗНИ И СМЕРТИ»: ЦЕЛИ АВСТРО-ВЕНГРИИ В ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ

ВВЕДЕНИЕ

В то время, как военным целям Германии и ряда других великих держав было посвящено немало исследований, цели Австро-Венгрии оставались в относительном забвении. Задача настоящей статьи — дать новую оценку военным целям Австро-Венгрии и показать, что они отнюдь не были непоследовательными, несогласованными или незначительными. Напротив, и гражданские, и военные лидеры в Вене и Будапеште проводили агрессивную и экспансионистскую политику, направленную на укрепление и усиление территориальной, экономической и военной мощи Дуалистической монархии. Подробный анализ важнейших военных целей монархии, обсуждавшихся как внутри страны, так и совместно с ее важнейшей союзницей, Германией, указывает на три момента: во-первых, в отношении Балкан и Польши эти военные цели были более наступательными, экспансионистскими и аннексионистскими, чем считалось ранее; во-вторых, вопреки желаниям армии и в противоположность германскому примеру, дело постановки военных целей в целом оставалось в руках министерства иностранных дел; и в-третьих, порой почти маниакальное упорство Австро-Венгрии в достижении ее основных военных целей имеет серьезное историческое значение как фактор, затягивавший войну.

ЭТАП I: ТУПИК И НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ (ИЮЛЬ 1914 — ОКТЯБРЬ 1915)

Историки Дуалистической монархии сходятся на том, что многие из ее лидеров в июле 1914 г., когда началась война, имели в виду какие-либо конкретные военные цели, помимо военного поражения Сербии и ее политического подчинения. Однако после того, как монархия вступила в войну с Россией и стало ясно, что конфликт окажется не таким быстротечным, как первоначально надеялись, австро-венгерское руководство начало прорабатывать подробные и в конечном счете оказавшиеся очень обширными военные цели, ставшие предметом ожесточенных дебатов в верхних эшелонах власти. Военные круги первоначально сосредоточились на достижении военных успехов в Сербии и Галиции, в то время как дипломаты занимались предотвращением враждебных действий со стороны Италии и Румынии.

Тем не менее, с самого начала войны и вплоть до состоявшегося полтора года спустя поражения Сербии австро-венгерские должностные лица, столкнувшиеся с тупиковой ситуацией на фронте и с потенциальными угрозами со стороны соседей монархии, не могли определиться в отношении своих военных целей. Несмотря на это, как будет показано в данном разделе, объектом выработывавшихся и оформлявшихся в это время главных политических линий служили Балканы и Польша. В эти месяцы относительной политической гармонии австрийское министерство иностранных дел (далее МИД) во главе с графом Леопольдом Берхтольдом и верховное армейское командование (далее ВАК) во главе с генералом Конрадом фон Гетцендорфом пребывали в согласии в отношении того, что принципиальной целью войны является политическая и военная гегемония над Сербией и Западными Балканами. Напротив, венгерский премьер-министр граф Иштван Тиса в основном уделял свое внимание так называемым «негативным целям войны», в первую очередь пресечению враждебных поползновений со стороны Румынии, Италии и даже Болгарии. Именно мнимая мягкотелость Берхтольда в этой сфере привела к тому, что его сменил «балканист» барон Иштван Буриан фон Райеж¹. Однако в силу того, что Буриан был близким союзником Тисы, МИД

¹ *Francis Roy Bridge: Österreich (-Ungarn) unter den Großmächten.* In: Adam Wandruszka/Peter Urbanitsch (eds.): *Die Habsburger monarchie 1848–1918.* Vol. 4,1:

сохранило возможность настаивать на том, что для почетного мира требовалась победа на Балканах, а не в России.

С учетом военных поражений, которые монархия потерпела на всех фронтах, влияние ВАК на цели войны было несколько ограниченным. Тем не менее все австро-венгерское руководство — и военное, и дипломатическое — продолжало преследовать на Балканах наступательные цели, даже после того, как сокрушительная мощь российского вторжения вынудила их перевести часть войск на север, что было предпринято исключительно в целях выживания. Несмотря на это, в те месяцы, когда армия тщетно пыталась добиться победы на том или на ином фронте, у МИДа было больше возможностей для определения военных целей монархии, чем на каком-либо последующем этапе, даже если те в данный момент являлись чисто теоретическими. Эти идеи представляли собой рамки для последовательного планирования военных целей силами МИДа, даже если те впоследствии пересматривались под влиянием избыточных требований со стороны ВАК и минималистских требований со стороны Тисы, хотя этот процесс по-прежнему осуществлялся под эгидой внешнеполитического ведомства монархии. Наконец, даже после нескольких безуспешных вторжений в Сербию, элиты по-прежнему пребывали в убеждении, что почетный мир невозможен до тех пор, пока не выполнены цели войны на Балканах — откуда вытекала необходимость продолжать войну.

ВОЕННЫЕ ЦЕЛИ В ОТНОШЕНИИ СЕРБИИ И БАЛКАН

Наибольшее единство среди австро-венгерских должностных лиц наблюдалось в отношении целей войны в таком регионе, как Сербия: именно здесь военные жертвы могли окупиться в плане территориальной экспансии и политического контроля. Вопрос заключался в том, как далеко монархия могла зайти в своих требованиях.

Решительное выступление Тисы против наступательной войны на Общеправительственном совете (далее ОМС), состоявшемся 7 ию-

Die Habsburger monarchie im System der internationalen Beziehungen. Wien 1989, ss. 313–318.

ля 1914 г. в ответ на события в Сараево, хорошо известно из документов;² за этим последовало письмо самому императору Францу-Иосифу, в котором Тиса настаивал, что Сербию не следует «ни уничтожать, ни тем более аннексировать»³ — этой позиции он продолжал придерживаться до самого конца своего пребывания в должности. По его мнению, Сербия должна была уступить часть территории Болгарии, Греции и Албании наряду с несколькими «стратегически важными исправлениями границы» в пользу Австро-Венгрии, а также выплатить репарации. Всего этого, как полагал Тиса, было бы достаточно для того, чтобы монархия могла контролировать Сербию. Его надежды на то, что этого «среднего пути»⁴, не аннексионистского подхода могло оказаться достаточно для того, чтобы Россия не вступила в войну, лишь свидетельствуют о существовании непреодолимых противоречий в отношениях между монархией и Россией. В конце концов, Тиса был самым умеренным членом ОМС, но даже он выступал за перекройку Сербии как за одну из целей войны. По-прежнему выражая желание о «минимуме территориальных приращений», он, тем не менее, утверждал, что вследствие «очень важных стратегических соображений» необходимо аннексировать ряд регионов, включая северо-западный угол Сербии, носивший название Мачва, северо-восточную часть Сербии вокруг Неготина и Белград⁵. Аналогичные взгляды он выражал и при контактах с немцами⁶. Эти ни в коем случае не незначительные исправления границы свидетельствуют о постепенном расширении военных целей, ставившихся Тисой, что сближало их с целями МИД. После того, как войска монархии в середине декабря 1914 г. потеряли Белград и Шабац (административный центр Мачвы) и возникла перспектива встречного сербского вторжения на австро-венгерскую территорию, Тиса заговорил о надвигающейся «катастрофе»⁷. Од-

² См., например: *Samuel R. Williamson, Jr.: Austria-Hungary and the Origins of the First World War*. New York 1991; *Wandruszka / Urbanitsch* (eds.): *Habsburger monarchie* (см. прим. 1); *József Galántai: Hungary in the First World War*. Budapest 1989; *Richard F. Hamilton / Holger H. Herwig: Decisions for War, 1914–1917*. New York 2004.

³ Тиса — Францу-Иосифу, 8.07.1914: *Magyarország Réformátus Egyház Zsinati Levéltár* (далее REZL), 44b.12.10a.

⁴ *Ibid.*

⁵ Меморандум Тисы, 16.11.1914: REZL, 44b.12.10a.

⁶ Памятная записка Тисы, 5.12.1914: REZL, 44.7.21–22.

⁷ Тиса — Францу-Иосифу, 23.12.1914: REZL, Box 45/17.

нако несмотря на угрозу, маячившую на северном фронте, Тиса указывал и Берхтольду, и императору, что ликвидация опасности на юге и решение сербского вопроса остаются «важнейшей принципиальной обязанностью» монархии, которую следует «выполнить любыми средствами»⁸.

Берхтольд тоже проявлял поразительное упорство при отстаивании своего мнения о главенстве Балканского театра:⁹ с «политической точки зрения сокрушение Сербии» и сопутствующие выгоды, связанные с расширением влияния монархии на Балканах, были «намного более важны», чем наступление вглубь России или даже возвращение оккупированных австрийских территорий в Галиции¹⁰. Хотя Берхтольд обычно уступал Конраду по военным вопросам, в один из немногих моментов, когда Берхтольд демонстрировал независимую позицию, он подчеркивал «огромное политическое значение» Балканского фронта¹¹; предложения о «мире без победы» нельзя рассматривать до тех пор, пока еще цела сербская армия. Хотя, как заявлял министр иностранных дел, его беспокоило обеспечение безопасности линий снабжения с Турцией, чего требовали немцы, «абсолютным императивом» для него было желание поставить Сербию на колени¹².

Должностные лица министерства иностранных дел, принимавшие участие в разработке различных политических и экономических планов по Сербии, шли даже дальше и в некоторых случаях игнорировали взгляды Тисы. Например, в одном из таких планов, составленном для Берхтольда 1-м отделом МИД (Балканы) в начале августа 1914 г., перечислялись различные способы подчинения и эксплуатации Сербии. Самый «радикальный» метод, противоречивший, как признавали его авторы, решению ОМС, сводился к полной ликвидации Сербии посредством ее аннексии и включения в состав монархии¹³. В качестве альтернативы можно было ограничить независимость сербского государства посредством таможенного союза или аналогичного механизма, хотя Австро-Венгрии при этом пришлось бы контролировать многие вну-

⁸ Тиса — Берхтольду, 15.12.1914: Haus-, Hof-, und Staatsarchiv, Вена (далее ННStA), PA-I-499.

⁹ Берхтольд — Гислю (ВАК), 26.11.1914: ННStA, PA-I-500.

¹⁰ Ibid.

¹¹ Берхтольд — Гислю (Конрад), 26.11.1914, ННStA, PA-I-499.

¹² Ibid.

¹³ Andrassy, Denkschrift, 10.08.1914: REZL, 44.7.21–22.

тренние структуры страны, такие, как таможенные и финансовые органы. Если после войны Сербию предстояло отпустить на волю, то должностные лица рекомендовали заключить с ней коммерческий договор, аналогичный договорам, действовавшим до 1908 г.¹⁴

Однако на практике с самого начала войны до нового года именно позиция Тисы по Сербии являлась решающим фактором в процессе планирования австро-венгерских военных целей. Во время Июльского кризиса цель Тисы состояла в том, чтобы предотвратить вступление России в войну, для чего следовало убедить мир в оборонительных намерениях Австро-Венгрии. После того, как это не удалось, Тиса постепенно начал поддерживать, а затем и направлять проводившуюся МИД политику ограниченных аннексий, особенно на переговорах с немцами. Более того, Тиса был согласен с МИД в том, что несмотря на тяжелые потери австрийской армии на русском фронте, главной задачей остаются успехи на Балканском фронте; и Тиса, и МИД ставили одинаковые цели в таких ключевых задунайских приграничных регионах, как Белград, Мачва и Неготин. Несмотря на некоторые различия между подходами Берхтольда и Тисы, тот факт, что они ставили перед собой одни и те же цели, позволил МИД сохранить общий контроль над выработкой политической линии и определением военных целей. Как и для МИД, так и для Тисы победа на Балканах оставалась единственной основой для ведения мирных переговоров с Россией.

ПОЛЬСКИЙ СУБДУАЛИЗМ ИЛИ РАСЧЛЕНЕНИЕ ПО ТИСЕ?

Помимо Балканского вопроса, австро-венгерские должностные лица уделяли немалое внимание обсуждению судьбы Польши. Вопрос о польской независимости был большой темой для Австро-Венгрии. С одной стороны, изъятие Польши из и без того грандиозной российской державы являлось четкой политической целью, ставившейся с середины августа 1914 г.,¹⁵ но достижение этой це-

¹⁴ Ibid.

¹⁵ *Lothar Höbelt: Die austropolnische Lösung — eine unendliche Geschichte.* In: Heeresgeschichtliches Museum (ed.): *Der Erste Weltkrieg und der Vielvölkerstaat (Acta Austro-Polonica, vol. 4).* Wien 2012, ss. 35–54.

ли не обязательно обернулось бы для монархии благом. Правда, некоторые политики в Вене рассчитывали на то, что расставание с галицийскими поляками и их воссоединение с их братьями в Царстве Польском позволит удалить из *Reichsrat* крупное славянское меньшинство, создававшее угрозу для германского большинства. Но на этом все потенциальные плюсы заканчивались. Укрепление польского национального сознания могло привести к усилению центробежных процессов в монархии. В свою очередь, венгры решительно сопротивлялись чему-либо, что могло привести к замене дуализма тройственной системой, которая бы ослабила мадьярское влияние. Поэтому Тиса поддерживал так называемое австро-польское решение, согласно которому Польша была бы объединена, но оставалась бы под «цислейтанским» (т. е. австрийским) сюзеренитетом на «суб-дуалистический» манер.

После понесенных в 1914 г. поражений на русском фронте и утраты Галиции ни тот, ни другой вариант не мог быть осуществлен. Впрочем, это не помешало МИД строить новые планы. Например, в глазах бывшего генерального консула в Варшаве и будущего *Zivillandeskommissar* в польском Люблине Леопольда Андриана цу Вербурга цель войны заключалась в том, чтобы Австро-Венгрия вышла из нее «независимой и усилившейся»,¹⁶ а его программа-максимум, подлежащая выполнению в том случае, если бы Германии удалось одержать победу на западе, сводилась к тому, чтобы сделать Австро-Венгрию подлинной «европейской великой державой первого ранга» посредством широких аннексий в Польше за счет побежденной России¹⁷.

Напротив, венгры проявляли меньше интереса к аннексиям в Польше при явном сербском уклоне Тисы. Вместо требований о том, чтобы Босния была передана Венгрии в качестве компенсации за подчинение Польши австрийской половине монархии, он уже заглядывал на шаг вперед. Тиса еще в декабре 1914 г. рекомендовал Берхтольду и ряду прочих лидеров заранее произвести раздел (еще не завоеванных) территорий. Под предлогом того, что «утроение» гражданского оккупационного персонала в Сербии (за счет его разделения на должностных лиц, подчиняющихся Австрии, Венгрии и Австро-Венгерской империи) является расточи-

¹⁶ *Andrian*, Denkschrift "Übersicht der für den Friedensschluss in Erwägung zu ziehen den Lösungs modalitäten", декабрь 1914, HHStA, PA-I-496.

¹⁷ *Ibid.*

тельством и приведет к «абсолютно излишним трениям», он рекомендовал метод «конкурентных преимуществ»¹⁸. Тиса полагал, что такое «естественное» разделение труда, как назначение «венгерских должностных лиц в Сербию и австрийских должностных лиц в русскую Польшу», укрепит административные органы монархии в каждом из этих регионов¹⁹. Хотя его предложение было отвергнуто и Берхтольдом, и австрийским премьер-министром графом Штюргком²⁰, цель Тисы заключалась в том, чтобы при помощи венгерских должностных лиц в Сербии воспрепятствовать фактической аннексии этой страны силами армии с расчетом на то, что австрийцы никогда не пойдут на полное отделение Польши.

Другой проблемой, связанной с Польшей, являлась причастность Германии, так как Польша служила ключевой военной целью и для Берлина²¹. Еще в августе 1914 г. германский статс-секретарь Готлиб фон Ягов отверг идею австро-польского решения²², а германский канцлер Теобальд фон Бетман-Гольвег увязывал этот вопрос с программой *Mitteleuropa*. Этот первоначально расплывчатый немецкий план по созданию таможенного союза с участием Австро-Венгрии и прочих дружественных или зависимых стран оставался целью немецкой политики на протяжении большей части войны и был формально выдвинут в ноябре 1916 г. в качестве условия для соглашения Германии на австро-польское решение²³.

БУРИАН: ИГРА С ОГНЕМ

После того, как 13 января 1915 г. во главе МИД вместо Берхтольда встал Буриан, сменивший его по причине мнимой беспомощности Берхтольда перед лицом угрозы войны со стороны Ита-

¹⁸ Тиса — Берхтольду, 2.12.1914, HHStA, PA-I-973.

¹⁹ Ibid.

²⁰ Штюргк — Тисе, 11.12.1914, HHStA, PA-I-973.

²¹ Gary W. Shanafelt: *The Secret Enemy. Austria-Hungary and the German Alliance, 1914–1918*. New York 1984, p. 39.

²² John Leslie: *Austria-Hungary's Eastern War Aims. August 1914 to August 1915*. Unpublished Ph. D. Diss. Cambridge 1975, p. 45; цит. по: *Höbelt: Austro-polnische Lösung* (см. прим. 15), p. 2.

²³ Shanafelt: *Secret Enemy* (см. прим. 21), p. 71.

лии, позиции Тисы еще больше усилились. Злопыхатели называли Буриана дипломатом-«доктринером», который «не покидал Балкан и проводил балканскую политику»²⁴. Однако в данном случае Буриан с его строгими манерами и любовью к энергичной риторике достаточно решительно взялся за укрепление престижа монархии и обеспечение ее паритета с Германией. При этом он в известной степени играл с огнем: так, он отвергал возможность мира с Сербией, но в то же время выступал и против аннексионистских настроений, свойственных армии, ставя задачей своей политики создание условий, необходимых для достижения военных целей монархии на Балканах.

Первоначально его усилия были направлены на предотвращение нападения нейтральных балканских стран и Италии на Австро-Венгрию. В феврале 1915 г. он заявил, что скорее вступит в войну с Румынией и Италией, чем отдаст хотя бы «квадратный метр»²⁵ австро-венгерской земли. Однако в первые бурные месяцы пребывания Буриана в должности ему пришлось пережить потерю крепости Перемышль в марте и десант в Галлиполи в апреле; когда же Италия, соблазнившись на полученные от Антанты обещания обширных территориальных приобретений, не поддавалась на его блеф и в мае 1915 г. объявила войну, монархия оказалась вынуждена вести войну на три фронта.

Однако провал жесткой политики Буриана на итальянском направлении не изменил его поведения в отношении Румынии, чьи требования он по-прежнему отвергал. Это выводило из себя немцев²⁶ и даже благоволившего к нему Тису, считавшего, что румынское нападение «автоматически» последует за итальянским. Образование этого четвертого фронта привело бы к тому, что итальянские, румынские и сербские войска прорвались бы вглубь австрийских и венгерских территорий, делая какие-либо завоевания на русском фронте бесполезными. Более того, это означало бы «полный крах» монархии, за которым бы последовал ее «распад»²⁷.

²⁴ Форгач — Тисе, 26.02.1915, REZL, 44b 154–155, 44a 27, цит. по: *Stephan Burián von Rajecz: Báró Burián István Naploi* [дневники], (далее Burián: Napló), 1907–1922. Budapest 1999, p. 139, fn. 159.

²⁵ *Bridge: Österreich (-Ungarn)* (см. прим. 1), s. 344; источник цитаты: ННStA-PA-I, памятная записка Форгаша, 10.01.1915.

²⁶ Буриан, Меморандум, 25.05.1915, ННStA, PA-I-503; см. также: REZL, 44.10.27.

²⁷ Тиса — Буриану, 1.05.1915, REZL, 44.11.28.

Буриан не был впечатлен этими мрачными предсказаниями; не был он согласен и на обширные территориальные уступки Болгарии, которых требовали Тиса и немцы с целью обеспечить болгарское содействие²⁸. Тиса отчаянно настаивал на том, что «все будущее зависит» от контроля над ситуацией на Балканах, зависевшего главным образом от болгарского звена,²⁹ так как это «единственный способ предотвратить крах на Балканах»;³⁰ тем не менее Буриан был готов на небольшие уступки Болгарии лишь в Македонии, не желая идти на них ни в какой другой части Балкан.

Что касается Сербии, военные цели Буриана в отношении этой страны, несмотря на его изначальные колебания, становились все более обширными. Хотя в конце мая 1915 г., когда немцы предложили сепаратный мир с Сербией, Буриан сообщал Бетману, что готов к его обсуждению, он не думал о необходимости безусловного примирения с Белградом³¹. Более того, он исключал возвращение к довоенному статус-кво и настаивал на «унижении» Сербии; его требования включали исправление границ, уступку Македонии Болгарии и гарантии против великосербских «махинаций». В свою очередь, недовольный Бетман сетовал на то, что Буриан не готов предлагать Сербии какие-либо «осязаемые блага» в ответ на сепаратный мир и только настаивает на «унижении и сокращении» Сербии в качестве австро-венгерских военных целей³².

Позитивное осуществление военных целей могло всерьез начаться лишь после возмещения наиболее серьезных потерь. Несмотря на то, что австрийская армия сумела отразить наступление более крупной итальянской армии в Альпах, Сербия все еще не была разбита и дела Австро-Венгрии в 1915 г. поправились лишь благодаря содействию со стороны немцев. Поворотным стало Горлице-Тарновское наступление (с мая по сентябрь), в ходе которого была освобождена почти вся австро-венгерская территория, а русские войска были совершенно изгнаны из Царства Польского. Вместе с успехами Двойственного союза на российском фронте возрастал и оптимизм в отношении неизбежной победы на Бал-

²⁸ Тиса — Буриану, 18.05.1915, REZL, 45/17.

²⁹ Тиса — Буриану, 23.05.1915, HHStA, PA-I-519.

³⁰ Тиса — Буриану, 18.05.1915, REZL, 45/17.

³¹ Буриан, Меморандум, 25.05.1915, HHStA, PA-I-503; см. также: REZL, 44.10.27.

³² Ibid.

канах; но вместе с победным маршем на юг Буриан столкнулся с серьезными опасными поползновениями со стороны Германии и Болгарии на исторических землях самой монархии.

Несмотря на ожесточенные сражения на северном, а затем и на итальянском фронте, Буриан продолжал и даже развивал политику Берхтольда, отдававшего приоритет Балканам. Однако, вместе с тем Буриан был поставлен во главе МИД с целью укрепить престиж монархии и обеспечить ее паритет с Германией посредством очень жесткого торга с Италией; и он был полон решимости не уступать нажиму со стороны Берлина или откуда-либо еще. Хотя в итоге Буриан не сумел предотвратить итальянского нападения, по отношению к Румынии его подход стал лишь более жестким; тем не менее, возможность осуществления его балканских целей зависела от поражения Сербии, для чего монархии требовалось как немецкое, так и болгарское содействие.

ЭТАП II: ПОКОРЕНИЕ И ОККУПАЦИЯ (ОКТАБРЬ 1915 — ЯНВАРЬ 1917)

Австро-Венгрия достигла вожделенной цели зимой 1915 г., нанеся поражение Сербии и Черногории. После Горлице-Тарновского наступления болгары пришли к выводу, что войну, скорее всего, выиграют центральные державы, и согласились встать на их сторону в обмен на сербскую Македонию. Привлечение болгарских войск было необходимо для того, чтобы разгромить Сербию путем ее взятия в двойные клещи, что вызвало массовый оптимизм в Вене и Будапеште: наконец-то появилась возможность преподать Сербии «урок» ради поддержания «австро-венгерского престижа»³³. (При этом, разумеется, замалчивался тот факт, что успехи монархии были достигнуты главным образом благодаря германской и болгарской помощи). В данном разделе будут рассмотрены внутренние и внешние вызовы, с которыми столкнулись вожди монархии при определении и реализации своих военных целей в эти месяцы явных успехов, а также перемены в их планах, произошедшие после того, как Брусиловский прорыв снова вынудил Австро-Венгрию перейти к обороне.

³³ Гогенлоэ — Буриану, 6.10.1915, HHStA, PA-I-952.

БУДУЩЕЕ БАЛКАН

После отступления сербской армии через Албанию ВАК благодаря реалиям войны приобрело непропорционально большое влияние при обсуждении будущего Балкан. Например, Конрад начал агрессивно вмешиваться в процесс определения австро-венгерских военных целей, что можно проследить в дискуссиях между МИД, ВАК и императором, проходивших в военно-бюрократических рамках *Militärkanzlei Seiner Majestät* (Военной канцелярии Его Величества, МКСМ). В октябре 1915 г., едва ли не впервые после начала войны выражая свои аннексионистские взгляды, Конрад выступал за «потенциальные территориальные приобретения в России, Сербии, Черногории и Италии»³⁴. В ноябре, в личном обращении к императору — что было исключительным событием, так как император вопросы такого рода обычно обсуждал лишь со своим министром иностранных дел, — Конрад настаивал на том, что Сербия не должна быть восстановлена в качестве независимого государства, которое станет лишь «булящим котлом», способным разжечь очередную «катастрофическую войну»³⁵. Он рекомендовал простое решение — полную аннексию и Сербии, и Черногории монархией, — отмахиваясь при этом от соответствующего усиления славянского компонента Австро-Венгрии, как от несущественного фактора. Отвергая обсуждавшиеся ранее исправления границы, он утверждал, что «искусственное образование», протянувшееся до Албании и включающее только Белград, Мачву и Санджак при отсутствии более обширных аннексий, даст монархии расчлененную и незащищенную южную границу, которая неизбежно станет причиной «самого серьезного конфликта»³⁶. Этот вопрос важен, — объяснял Конрад, — потому что Балканы представляют собой «наиболее естественную область будущего освоения» с точки зрения «экономических целей монархии»³⁷, что делало польский вопрос второстепенным по сравнению с этим. Соответственно, Конрад ставил на западных Балканах такие цели, как изгнание итальянцев, расчленение Албании с тем, чтобы избежать протектората над ней, и аннексия ли-

³⁴ Конрад — Францу-Иосифу, 10.10.1915, Kriegsarchiv (KA), *Militärkanzlei Seiner Majestät* (МКСМ), 1915 18–27, 25–1/5.

³⁵ Конрад — Францу-Иосифу, 22.11.1915, KA, МКСМ, 1915 18–27, 25–1/5.

³⁶ Ibid.

³⁷ Ibid.

бо по крайней мере постоянная оккупация Черногории и остатка Сербии ради сдерживания болгарских поползновений. Короче говоря, в глазах Конрада «окончательное определение» австро-венгерских целей и границ в Балканском регионе и стабилизация последних представляли собой «наиважнейший из всех важных» политических и военных вопросов³⁸, при том, что если монархия позволила бы выжить хотя бы маленькой Сербии, то ей, несмотря на военную победу, пришлось бы «считать войну проигранной»³⁹.

Планы и рекомендации Конрада и Тисы представляли собой диаметрально противоположность. По сути, венгерский премьер-министр желал, чтобы монархия поберегла для себя возможность эксплуатации остатков Сербии, не подпуская к ней Германию и Болгарию. Аналогичного мнения придерживался Буриан: Сербия представляла собой «приграничную территорию» в «наиболее непосредственной сфере интересов» монархии, и потому ее оккупированные регионы должны находиться под контролем исключительно австро-венгерской военной и гражданской администрации⁴⁰. Однако, в то время как никто в монархии не желал делиться с Германией австрийской половиной Сербии, расчлененной австро-болгарскими усилиями, Тиса не мог позволить того, чтобы она была аннексирована монархией. В отличие от доблестного Конрада, его беспокоило то, что такая аннексия в конечном счете приведет к политическому усилению южных славян, которое может разрушить дуалистическую конфигурацию монархии. Соответственно, Тиса хотел оставить большинство сербов за пределами монархии, а в приграничных регионах, отнятых у расчлененной Сербии, проводить политику их сегрегации⁴¹. Это предполагалось сделать посредством продолжительного переходного периода, во время которого на новоприобретенных приграничных территориях следовало ввести самодержавное правление при одновременной «обширной колонизации» этих земель «венгерским и германским элементами»⁴². Это новое «патриотическое большинство» должно было образовать клин между остатками сербского государства и сербским населением Славонии и южной Венгрии. Аналогичным образом Тиса желал видеть «систематиче-

³⁸ Ibid.

³⁹ Конрад — Буриану, 25.12.1915, КА, МКSM, 1915 18–27, 25–1/5.

⁴⁰ Буриан — Турну, 7.11.1915, HHStA, PA-I-973; см. также: REZL, 45/15.

⁴¹ Тиса — Францу-Иосифу, 4.12.1915, REZL, 44.14.31; см. также: REZL, 44.9.25.

⁴² Ibid.

ский рост» венгерских и немецких городов в Сирмии, Бачке и Банате и их превращение в барьер, защищающий южную границу монархии и обуздывающий сербское меньшинство в ее пределах⁴³. Поэтому он выступал за венгерскую аннексию Мачвы, за которой должна была начаться «интенсивная колонизация» этой области надежными венгерскими и немецкими фермерами с целью создать клин между сербами, живущими вне и внутри монархии. Как надеялся Тиса, в итоге Белград опустится до уровня провинциального венгерского городка и перестанет быть точкой сосредоточения южнославянского национализма⁴⁴. Ставя на кон свою должность премьера, Тиса угрожал подать в отставку, если его коллеги и император решат аннексировать остаток Сербии; к тому же он, безусловно, сильнее всех прочих порицал идею масштабного территориального роста монархии. Однако предлагаемое им решение (равносильное демографическому переустройству, аналогичному немецкой концепции *Grenzstreifen* в Польше), по сути, также представляло собой пример экспансионистской и агрессивной политики; Тиса даже признавал, что Россия в итоге останется врагом Австро-Венгрии. Тем не менее, он считал, что это единственное приемлемое решение и что наилучшие шансы на заключение почетного мира были связаны с сохранением по крайней мере части сербского государства⁴⁵.

Окоротить Конрада и Тису с их экстравагантными идеями выпало на долю Буриана — хотя его собственную политику, пусть даже она была более умеренной, трудно назвать сдержанной. Например, он добивался территориальных изменений на Балканском полуострове и в других регионах с целью обеспечить для Австро-Венгрии «максимально возможное приращение силы и безопасности»⁴⁶, нейтрализацию сербско-русской агитации⁴⁷ и гарантию того, что Сербия и Черногория тем или иным образом будут подчинены «политической, военной и экономической

⁴³ Ibid.

⁴⁴ *Miklós Komjáthy (ed.): Protokolle des Gemeinsamen Ministerrates der Österreichisch-Ungarischen Monarchie, 1914–1918. Budapest 1966, s. 365.*

⁴⁵ Тиса — Францу-Иосифу, 4.12.1915, REZL, 44.14.31; см. также: REZL, 44.9.25.

⁴⁶ Буриан — Конраду, 25.12.1915, HHStA, PA-I-499; также цит. в: *Fritz Fischer: Griffnach der Weltmacht. Die Kriegszielpolitik des kaiserlichen Deutschland 1914/18. Düsseldorf 1967, s. 396.*

⁴⁷ Конрад — Буриану, 21.12.1915, REZL, 44.14.31; и замечания Буриана, которые приводит Конрад.

власти» Австро-Венгрии⁴⁸. Правда, Буриан, уверявший Тису, что в его глазах безопасность Австрии и Венгрии неотделимы друг от друга⁴⁹, и обещавший Конраду, что позаботится пусть не обо всех, но о некоторых аннексиях из числа тех, которые требовало ВАК, отказывался одобрять их оголтелые планы «радикальной территориальной реорганизации»⁵⁰. Не то что бы Буриан в принципе противился аннексии сербской территории или расширению своих военных целей на Балканах; однако он не желал, с одной стороны, подрывать свой авторитет слишком ранним соглашением, а с другой стороны, одобрять аннексии, которые могли воспрепятствовать заключению почетного мира. Тем не менее, он был заодно с Конрадом и Тисой в том, что касалось весьма впечатляющей программы военных целей: Черногория должна уступить монархии береговую линию, включая гору Ловчен, угрожавшую австро-венгерской военно-морской базе в Катарро, и некоторые свои северные территории, а также отдать ряд территорий Албании, в то время как у Сербии нужно было отобрать Белград, Мачву и территории, обещанные Болгарии⁵¹. Албания становилась австро-венгерским протекторатом, в то время как Польшу следовало «аффилировать» с монархией и не допускать ее сближения с Германией. Кроме того, Тиса проталкивал свой план «Польша — Австрии, Сербия — Венгрии», считая его «наиважнейшим вопросом»⁵².

ОМС, в итоге собравшийся для того, чтобы решить этот спор, не вынес никого подробного вердикта в отношении Сербии, тем самым обеспечивая максимум гибкости на этом направлении, но согласился с тем, что любые территории, аннексированные монархией, должны достаться Венгрии⁵³. Некоторые авторы впоследствии ошибочно интерпретировали это как решение ОМС о неприкрытой аннексии Сербии⁵⁴; однако, согласно тогдашним заявлениям дипломатов, это было явно не так; хотя Буриан признавался в своем дневнике, что лично он предпочел бы аннекси-

⁴⁸ Конрад — Буриану, 25.12.1915, КА, МКSM, 1915 18–27, 25–1/5.

⁴⁹ Буриан — Тисе, 10.12.1915, REZL, 44.3.3.

⁵⁰ Буриан — Конраду, 10.12.1915, HHStA, PA-I-499; см. также: Буриан — Тисе, 10.12.1915, REZL, 44.3.3.

⁵¹ Ibid.

⁵² *Konjathy (ed.): Protokolle* (см. прим. 44), 4.01.1916, s. 363.

⁵³ Ibid., p. 374.

⁵⁴ *Fischer: Griff* (см. прим. 46), s. 397.

ровать Сербию⁵⁵, в дискуссиях на ОМС он проявлял больше прагматичности. По сути несмотря на то, что в 1916 г. под эгидой Буриана состоялось еще три ОМС, ни на одном из них вопрос военных целей уже не поднимался. Тем самым Буриан получил полную свободу в том, что касалось политики определения военных целей, чем он не замедлил воспользоваться. В конце января 1916 г. он заявил своему главному переговорщику, что темой дискуссий с Черногорией должны быть «не столько переговоры, сколько условия мира, продиктованные Австро-Венгрией»⁵⁶, причем эти условия включали аннексию береговой линии Черногории, плато Ловчен и прочих территорий, важных в военном отношении, а также контроль над полицейскими силами и таможенными органами страны⁵⁷. Хотя Буриан полагал, что эти условия обеспечивают для монархии сильные позиции в Черногории — эту цель он считал для Австро-Венгрии «вопросом жизни и смерти»⁵⁸, — они не устраивали ни Конрада (считавшего их слишком мягкими)⁵⁹, ни немцев (расценивавшим их как слишком суровые)⁶⁰. Аналогичная полемика велась и в отношении Албании, которую Буриан желал рассматривать в качестве протектората, стремясь распространять влияние Австро-Венгрии по восточному побережью Адриатики до самого Средиземного моря⁶¹. Однако и в данном случае, несмотря на нажим со стороны внешних и внутренних заинтересованных кругов, Буриан стоял на своем и МИД продолжало преследовать определенные им цели войны.

АВСТРО-БОЛГАРСКИЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ

Пожалуй, самым серьезным свидетельством того, что Австро-Венгрия была готова сопротивляться любым посягательствам

⁵⁵ *Burián: Napló* (см. прим. 24), p. 167.

⁵⁶ Буриан — Отто, 19.01.1916, HHStA, PA-I-953k.

⁵⁷ Буриан — Конраду, 20.01.1916, HHStA, PA-I-953k; см. также: REZL, 45/16.

⁵⁸ Буриан — Фюрстенбергу, 22.01.1916, HHStA, PA-I-954p; см. также: REZL, 45/16.

⁵⁹ ВАК — Буриану, 22.01.1916, HHStA, PA-I-953k.

⁶⁰ Чиршский — Ягову, 22.01.1916; National Archives Records Administration, США (далее NARA), PG-1117, SA (T-136).

⁶¹ *Marvin B. Fried: The Cornerstone of Balkan Power Projection. Austro-Hungarian War Aims and the Problem of Albanian Neutrality, 1914–1918. In: Diplomacy & Statecraft* 23 (2012) 3, pp. 425–445.

на сферу ее интересов, служит ее конфронтация с Болгарией из-за Сербии в начале 1916 г. Более того, дипломатическое и военное столкновение из-за Косово едва не привело к фатальному расколу Четверного союза. В то время как Буриан, полный решимости ничем не связывать себя, отказывался прояснять свои намерения в отношении Косово и других регионов Сербии, оказавшихся по австрийскую сторону демаркационной линии, болгары начали проникать на эти территории, провоцируя Конрада и Буриана на ответ, который был жестким даже по их собственным меркам.

Правда, немецкое министерство иностранных дел осуждало болгарские посягательства на территории к западу от демаркационной линии⁶², и Буриану удалось воспользоваться этим обстоятельством, чтобы заручиться поддержкой Берлина в отношении планировавшегося им протектората над большой Албанией, которая должна была включать в себя Косово⁶³. Он даже сумел добиться того, чтобы его проект поддержали турки (никогда не говорившие желанием видеть подчинение мусульман славянской власти)⁶⁴. Однако болгары по-прежнему придавали «очень большое значение»⁶⁵ аннексии Приштины и Призрена в Косово, которые находились по австрийскую сторону демаркационной линии, но где болгары уже учредили свою гражданскую администрацию. Немцы, разрывавшиеся между двумя союзниками, были растеряны и разделены во мнениях: с одной стороны, кайзер Вильгельм неоднократно призывал царя Фердинанда признать «независимость Албании под австрийской протекцией»⁶⁶. (Согласно Фишеру, немцы начинали выражать опасения за судьбу их доли «военной добычи»⁶⁷, и Берлин, возможно, надеялся на то, что поддержка, оказанная им австро-венгерским успехам на Балканах, может подсластить пилюлю несогласия немцев на австро-польское решение). Однако, если немецкое министерство иностранных дел поддерживало Буриана, то немецкое верховное командование оказывало поддержку Софии.

⁶² Ягов — Тройтлеру, 31.01.1916, NARA, UM-3/1-297.

⁶³ Буриан — Гогенлоэ, 2.02.1916, HHStA, PA-I-1007; см. также: Гогенлоэ — Ягову, 5.02.1916, NARA, UM-3/1-297.

⁶⁴ Чиршский — Бетман-Гольвегу, 13.02.1916, NARA, PG-1117, SA (T-136).

⁶⁵ Ягов — Тройтлеру, 11.03.1916, NARA, FT 5004 (T-120,2522); см. также: NARA, UM-3/1-297.

⁶⁶ Ягов — Фалькенгайну, 19.02.1916, NARA, FT 5004 (T-120,2522) E285 613-748.

⁶⁷ Fischer: Griff (см. прим. 46), s. 288.

В этой ситуации болгары не были склонны прислушиваться к двусмысленным советам из Берлина и продолжали содержать гражданскую администрацию в Приштине, Призрене и других местах в Косово. Первое реальное столкновение с австрийцами произошло 27 февраля 1916 г., когда болгарские войска помешали австро-венгерскому отряду войти в Казаник в южном Косово, после чего Конрад немедленно приостановил все военные поставки болгарам⁶⁸. В Берлине статс-секретарь министерства иностранных дел Ягов был крайне встревожен возможностью того, что несогласованные действия болгарского и австро-венгерского верховного командования могут привести к новым стычкам; он поддерживал рекомендацию Буриана (сделанную вопреки желаниям Конрада) о том, чтобы обратиться к немецкому генералу Августу фон Макензену с просьбой о посредничестве. В то же время Буриан твердо напомнил царю Фердинанду о том, что «к западу от демаркационной линии начинается сфера интересов Австро-Венгрии», и в переписке с Яговым утверждал, что более серьезных инцидентов не случилось лишь благодаря «хладнокровию», проявленному ВАК⁶⁹. Хотя после того, как Вена вывела свои части из данного региона, ситуация вернулась «приблизительно к существовавшему ранее статус-кво»⁷⁰, австрийцы по-прежнему не желали соглашаться на то, чтобы болгары управляли Казаником, и оставили свои войска в Приштине и Призрене с целью присматривать за болгарскими войсками и демонстрировать сохранение у монархии интересов в этой области.

В том, что касалось дальнейших действий Болгарии, Буриан планировал продолжить дружеские переговоры⁷¹, в то же время оказывая поддержку ВАК на проходивших под эгидой немцев переговорах с болгарским командованием⁷². Однако, к несчастью для Конрада, оказанные немцами добрые услуги почти ничего не изменили в этом отношении. 7 марта ВАК узнало о существовании письменного болгарского приказа, запрещавшего австро-венгерским войскам какие-либо дальнейшие реквизиции в Приштине и Призрене, что вызвало протесты со стороны ВАК. Конрад, явно возмущенный, но понимавший, что монархия в тот момент бы-

⁶⁸ Тройтлер — Ягову, 1.01.1916, NARA, FS-UM-134 (T-137) 1–156.

⁶⁹ Ягов — Тройтлеру, 3.03.1916, NARA, FS-UM-134 (T-137) 1–156

⁷⁰ Ягов — Тройтлеру, 2.03.1916, NARA, FS-UM-134 (T-137) 1–156.

⁷¹ Ягов — Тройтлеру, 5.03.1916, NARA, FT 5004 (T-120,2522).

⁷² Буриан — Турну и Тарновскому, 5.03.1916, REZL, 45/16.

ла слишком слаба, чтобы «защищать свои права при помощи военных средств принуждения», запросил у Буриана новой дипломатической поддержки против этих «все более крупных и все более тревожных посягательств».⁷³ Болгария должна согласиться на расчленение региона Приштина-Призрен, признать исключительные военные права Австро-Венгрии в северной Албании и всей Черногории и уйти из Дьяковы⁷⁴. Этот эпизод положил начало второму австро-болгарскому кризису — на уровне союза. Буриан поддержал требования Конрада⁷⁵, но его неоднократные призывы к тому, чтобы болгары проявили сдержанность в вопросах гражданского управления, остались не услышанными;⁷⁶ что касается его компромиссного предложения создать совместную австро-венгерско-болгарскую военную комиссию для контроля над Приштиной-Призреном, то оно было отвергнуто Конрадом⁷⁷. В свою очередь, болгары считали, что они имеют право создавать гражданскую администрацию на всех завоеванных ими территориях, а Вена боялась, что они никогда не захотят расстаться с этими территориями⁷⁸. Даже Тиса, крайне нуждавшийся в болгарской благосклонности для того, чтобы сдерживать румынские поползновения, резко осуждал их «непомерную алчность»⁷⁹. 18 марта София формально потребовала сохранения болгарской гражданской администрации в Призрене, Приштине и Эльбасане. Ягов считал этот план справедливым и полезным для Германии, поскольку иначе может случиться «серьезный конфликт с Веной», которого следует избегать «любой ценой»⁸⁰. Однако «резкий»⁸¹ отпор со стороны Буриана вызвал у Ягова опасения, что Болгария может выйти из союза — что было кошмарной перспективой, поскольку «тот блок, чья коалиция развалится первой», был бы обречен на поражение в войне⁸².

Между тем ситуация на месте снова обострилась. К 23 марта болгарская администрация в Дьякове (Черногория) стала прибегать

⁷³ Турн — Буриану, 7.03.1916, REZL, 45/16.

⁷⁴ Буриан — Тарновскому, 8.03.1916, REZL, 45/16.

⁷⁵ Буриан — Конраду, 10.03.1916, REZL, 45/16.

⁷⁶ Буриан — Тарновскому, 8.03.1916, REZL, 45/16.

⁷⁷ Ibid.

⁷⁸ Оберндорф — Ягову, 15.03.1916, NARA, UM-3/1-297.

⁷⁹ Тиса — Тарновскому, 18.03.1916, REZL, 44b.8.6.

⁸⁰ Ягов — Тройтлеру и Оберндорфу, 18.03.1916, NARA, UM-135/777-795.

⁸¹ Оберндорф — Ягову, 23.03.1916, NARA, UM-135/777-795.

⁸² Ягов — Оберндорфу, 25.03.1916, NARA, UM-135/777-795.

к силе, чтобы помешать населению выполнять приказы местного австро-венгерского командования⁸³. Конрад предупредил болгарское верховное командование о том, что, если только местный болгарский командующий не перестанет мешать работе австро-венгерской администрации, «конфликт с австро-венгерскими войсками» окажется «неизбежен»⁸⁴. В конце концов, несмотря на то, что болгары продолжали держать войска в Косово, 25 марта они закрыли демаркационную линию, тем самым, по сути, формально обозначив ее в качестве «новой болгарской национальной границы»⁸⁵. Конрад фактически приветствовал этот шаг, чем и было вызвано принятое им, вопреки его прежней непримиримой позиции, решение отозвать австрийский батальон, размещенный по болгарскую сторону от демаркационной линии, так как это давало ему возможность потребовать от болгар, чтобы те отвели свои части, расквартированные по австро-венгерскую сторону от демаркационной линии, а именно в Приштине-Призрене, Дьякове и Эльбасане⁸⁶.

Начальник германского генерального штаба Эрих фон Фалькенгайн пытался организовать временное соглашение, в рамках которого обе стороны выводили свои военные силы из спорных городов;⁸⁷ однако Буриан не был настроен соглашаться даже на такое предложение, не говоря уже о признании, как он выражался, «необоснованных болгарских притязаний» на Приштину-Призрен, и был доволен тем, что ВАК осуществляет там передислокацию войск с целью обеспечить выполнение австрийских желаний⁸⁸. Судя по всему, София считала сербскую территорию к западу от демаркационной линии своей законной добычей, поскольку австрийцы не заявляли о своих претензиях на что-либо, помимо белградского плацдарма и Мачвы⁸⁹. Поэтому Конрад побуждал Буриана и МКSM раз и навсегда дать понять, что «бывшая сербская территория к западу от демаркационной линии остается зарезервированной исключительно для установления там австро-венгерской власти»⁹⁰.

⁸³ Визнер — Буриану, 24.03.1916, REZL, 45/16.

⁸⁴ Ibid.

⁸⁵ Турн — Буриану, 25.03.1916, REZL, 45/16.

⁸⁶ Ibid.

⁸⁷ Оберндорф — Ягову, 28.03.1916, NARA, UM-135/777-795.

⁸⁸ Буриан — Визнеру, 25.03.1916, REZL, 45/16.

⁸⁹ Конрад — Буриану, 25.03.1916, REZL, 45/16.

⁹⁰ Ibid.; см. также: Тройтлер — Ягову, 28.03.1916, NARA, FT 5004 (T-120,2522).

Кризис неожиданно разрядился 27 марта, когда ВАК — в соответствии с желаниями Конрада и вопреки позиции, занятой Бурианом в этом деле, — временно очистило регион Приштина-Призрен в обмен на то, чтобы болгары сделали так же в Дякове и Эльбасане⁹¹. Соглашение об этом было достигнуто без заблаговременного уведомления Берлина или Плесса⁹², но по крайней мере его одобрил болгарский царь Фердинанд⁹³. Буриан, чьи надежды на устранение болгарской гражданской администрации из Приштины-Призрена оказались разбитыми, сперва попытался делать вид, что не знает о сделке, заключенной военными⁹⁴. Однако в итоге он был вынужден признать, как он выражался, эти «временные военные договоренности», хотя АОК и пошло на них «вопреки возражениям МИД». Буриан отвергал обвинение Конрада в том, что именно его ошибки и подогрели аппетиты Болгарии в отношении Косово, и подчеркивал, что МИД неоднократно уведомляло Софию о том, что территория к западу от демаркационной линии является «сферой интересов Австро-Венгрии»⁹⁵. В конечном счете Буриану и Ягову пришлось старательно напоминать о временном статусе военного соглашения о Приштине-Призрене, и о том, что австрийское правительство «не отказывается ни от одного из своих требований» в отношении Косово⁹⁶ — несмотря на «страстные сетования» царя Фердинанда, явно надеявшегося на то, что вопрос навсегда решен в его пользу⁹⁷. Однако летом 1916 г. все эти вопросы отошли на второй план после того, как монархия снова столкнулась с экзистенциальной угрозой, исходящей из России.

БРУСИЛОВСКИЙ ПРОРЫВ

Успешное Горлице-Тарновское наступление в Польше и болгарская интервенция на Балканах ознаменовали собой пери-

⁹¹ Буриан — Гогенлоэ, Краю, Тарновскому, 27.03.1916, REZL, 45/16.

⁹² Оберндорф — Ягову, 29.03.1916, NARA, UM-135/777–795. В Плессе во время войны находилась ставка кайзера Вильгельма II — прим. перев.

⁹³ Тройтлер — Ягову, 28.03.1916, NARA, FT 5004 (T-120,2522).

⁹⁴ Буриан — Гогенлоэ, Краю, Тарновскому, 27.03.1916, REZL, 45/16.

⁹⁵ Буриан — Конраду, 28.03.1916, REZL, 45/16.

⁹⁶ Оберндорф — Ягову, 9.04.1916, NARA, FT 5004 (T-120,2522).

⁹⁷ Ibid.

од наибольших надежд Австро-Венгрии на достижение ее военных целей в обоих регионах. На юге Австро-Венгрия установила оккупационный режим в Сербии, Черногории и половине Албании, в то время как на севере она контролировала примерно треть Царства Польского с центром в Люблине. Однако, после произошедшего в июне 1916 г. Брусиловского прорыва, вслед за которым в августе последовало румынское вторжение, монархия уже не имела возможности воевать самостоятельно и отныне ей приходилось полагаться на свою мощную союзницу Германию. Лишь благодаря немецкому содействию оба эти наступления были остановлены (в случае России ценой страшных потерь); ослабление австро-венгерской дипломатической позиции в результате этих военных неудач не могло не подорвать способности монархии к преследованию и достижению собственных военных целей. Например, победа над Румынией принесла монархии лишь ограниченные плоды (хотя они и включали док в Турн-Северине, «крупнейшую и самую эффективную верфь» в Румынии⁹⁸, необходимую для контроля над Железными воротами), в то время как все остальное — такие ценные ресурсы и службы, как перевозки по Дунаю, запасы продовольствия, промышленность и сельское хозяйство, — медленно и методично присваивали немцы.

Хотя Тиса четко дал понять, что «обеспечение австро-венгерских интересов на Балканах является принципиальной аксиомой» политики монархии⁹⁹, союзники Вены все активнее и активнее покушались на важнейшие сферы ее интересов: например, Болгария, глаза которой были по-прежнему «обращены к Адриатике»¹⁰⁰, все так же оставалась источником трений на западных Балканах. Возможно, с точки зрения силовой политики еще более тревожным было то, что немцы явно положили глаз на албанский порт Валону. В ноябре 1916 г. в совершенно секретном меморандуме для Бетман-Гольвега адмирал Хеннинг фон Хольцендорф, рекомендуя создать средиземноморскую военно-морскую базу в Албании, открыто заявлял, что Валона «должна стать немецкой»¹⁰¹. В то же время немцы вмешивались в австро-венгерское планирование и в других областях, включая Черногорию и Сербию.

⁹⁸ Конрад — Чернину, 17.01.1917, HHStA, PA-I-1043.

⁹⁹ *Konjathy* (ed.): *Protokolle* (см. прим. 44), 12.01.1917, p. 447.

¹⁰⁰ Ведель — Циммерману, 10.12.1916, NARA, T-120-1498-D627 063-627 714.

¹⁰¹ Хольцендорф — в министерство иностранных дел, 26.11.1916, NARA, T-120-1498-D627 063-627 714.

15 ноября 1916 г., во время дискуссии о военных целях, Буриан попытался выступить против немецких требований, защитить австро-венгерские завоевания и обеспечить условия для заключения мира. Его постигла неудача: он был вынужден пожертвовать почти всеми интересами монархии, связанными с Албанией и западными славянами, что продемонстрировало слабость его позиций. Немцы воспрепятствовали австрийской аннексии Черногории, взамен настаивая на сербско-черногорском союзе¹⁰². Только в одном случае Буриан ответил категорическим отказом: речь шла о том, чтобы Сербия получила порт на Адриатике за счет Албании. Это, по словам Буриана, настолько подняло бы престиж Сербии, что Вене «реально пришлось бы спрашивать себя: зачем она участвовала в этой войне?»¹⁰³. Во всех прочих отношениях его надежды на предложение мира «без необходимости отказываться от жизненно важных интересов»¹⁰⁴ были разрушены вследствие сопротивления со стороны немцев.

Что касается Польши, летние военные катастрофы наконец вынудили Буриана под нажимом со стороны Тисы и Штюргка отказаться от австро-польского решения, как и требовали немцы; тем не менее он продолжал настаивать на полном паритете с Германией в Польше¹⁰⁵. Однако, начиная с июля немцы решительно вынуждали австрийцев согласиться на подчиненную роль в Польше, указывая, что Польша, контролируемая Германией, будет представлять собой «своего рода аналог того, что означают “Балканы” для Австро-Венгрии»¹⁰⁶. В свою очередь, Буриан отказывался уравнивать эти регионы и принижал будущую роль Австро-Венгрии на Балканах с тем, чтобы добиться паритета в отношении Польши, которая, как он напоминал Берлину, в «политическом, военном и экономическом» плане является «важнейшим совмест-

¹⁰² Буриан, Меморандум, 15.11.1916, HHStA, PA-I-524; см. также: Буриан, Меморандум, 20.11.1916, REZL, 45/15.

¹⁰³ Буриан, Памятная записка, 15.11.1916, HHStA, PA-I-524.

¹⁰⁴ *Bridge: Österreich (-Ungarn)* (см. прим. 1), s. 353; Бридж ссылается на письмо Буриана Бетман-Гольвегу от 18.10.1916, приведенное в: *André Scherer, Jacques Grunewald* (eds.): *L'Allemagne et les problèmes de la paix pendant la première guerre mondiale. Documents extraits des archives de l'Office allemande des affaires étrangères. Vol. 1: Des origines à la déclaration de la guerre sous-marine à outrance. Août 1914–31 janvier 1917.* Paris 1962, p. 517.

¹⁰⁵ *Shanafelt: Secret Enemy* (см. прим. 21), p. 89.

¹⁰⁶ Буриан — Гогенлоэ, 4.07.1916, HHStA, PA-I-501; см. также: REZL, 45/17.

ным приобретением» Двойственного союза¹⁰⁷. Помимо этого, по его мнению, контроль над Курляндией и Литвой давал Германии больше, чем получала Австро-Венгрия от Сербии, Черногории и Албании вместе взятых¹⁰⁸. Короче говоря, Буриан пытался вывести Балканы за рамки торга с немцами, точно так же, как Берлин никогда не подпускал Вену к балтийским делам. Ключевое различие, разумеется, заключалось в том, что Германия помогла обеспечить победу на Балканах, которой Австро-Венгрия не могла добиться в одиночку; тем не менее, Буриан продолжал настаивать на паритете в Польше с тем, чтобы оправдать жертвы, понесенные там Австро-Венгрией, и в то же время требовал для монархии эксклюзивного контроля над как можно большей частью Балкан. В конце концов в августе было принято решение установить в Польше конституционную монархию под совместным контролем центральных держав, окончательно утвержденное в Плессе в октябре. Соответственно, 5 ноября 1916 г. было провозглашено образование польского «кондоминиума», но вопрос о том, кому он реально подчинялся, оставался открытым. В любом случае, несмотря на прежние заявления Буриана о том, что «завоевание Польши не являлось целью войны»¹⁰⁹, он по-прежнему надеялся тем или иным образом включить эту территорию в сферу влияния монархии. Более того, если огонь австро-венгерского экспансионизма временно померк после военных неудач лета 1916 г., то он ни в коем случае не погас — как будет показано в последнем разделе данной статьи.

ЭТАП III: ГОЛОД И РАЗВАЛ (ЯНВАРЬ 1917 — ОКТЯБРЬ 1918)

Финальный этап развития военных целей Австро-Венгрии свидетельствовал о необратимом упадке ее мощи, неизбежно снижавшем способность к решению поставленных ею задач. Хотя после смерти императора Франца-Иосифа монархия воевала еще почти два года, деятельность нового руководства была связана не столько с непосредственным достижением наступательных целей, сколько с пред-

¹⁰⁷ Ibid.

¹⁰⁸ Ibid.

¹⁰⁹ *Komjathy (ed.): Protokolle* (см. прим. 44), s. 290.

отвращением голода, революции и распада страны. Тем не менее поразительно, как упорно и новый император Карл I, и его министр иностранных дел граф Оттокар Чернин фон унд цу Худениц цеплялись за убеждение в том, что почетный мир не должен быть связан с отказом Австро-Венгрии от завоеванных территорий и экономического господства, при том что несмотря на явное снижение значения Дуалистической монархии, Берлину по-прежнему приходилось хотя бы на словах поддерживать венские мечты.

МИР КАК ПРИКРЫТИЕ ДЛЯ ЗАВОЕВАНИЙ

На этом последнем этапе войны, когда самой злободневной проблемой, стоявшей перед монархией, стал голод, Карл и Чернин начали ощущать упорное сопротивление со стороны истеблишмента, не желавшего соглашаться на заключение мира на каких бы то ни было условиях. Несмотря на то, что Карлу к середине 1917 г. удалось избавиться от самых неприятных противников в лице Буриана, Конрада, а затем и Тисы, их сменили другие дипломаты и военные, защищавшие интересы монархии, как они их понимали, от молодого императора и его ловкого министра иностранных дел.

Однако следует отметить, что даже Карл не был готов к миру на любых условиях. Хотя он был согласен пойти на компромиссы ради сохранения более важных приобретений монархии — например, на то, чтобы Сербия уцелела как государство, если при этом будет получена гарантия целостности монархии, что являлось для него «главной целью войны»¹¹⁰, — тем не менее он одобрил заключенное Чернином и Бетман-Гольвегом в марте 1917 г. соглашение, определявшее максимальные и минимальные военные цели центральных держав. Согласно программе-минимум, их армии выводились из России, Черногории, Сербии, Албании и Румынии лишь в случае восстановления довоенного статус-кво и на востоке, и на западе. Программа-максимум предусматривала экспансию Германии «на востоке» и расширение монархии за счет Румынии,¹¹¹ хотя реальный масштаб этих аннексий зависел от финальной дипломатической позиции, определявшейся «успехами и до-

¹¹⁰ Komjáthy (ed.): Protokolle (см. прим. 44), 12.01.1917, s. 451.

¹¹¹ Чернин — Бетман-Гольвегу, Соглашение от 27.03.1917, HHStA, PA-I-524; см. также: NARA, T-120-1498-D627 063-627 714.

стижениями» каждой из союзниц (иными словами, львиная доля должна была достаться Германии)¹¹².

Для видимости Чернин желал говорить лишь о мире; он даже одобрил план Вудро Вильсона о разоружении, международном арбитраже и Лиге Наций. Однако в реальности он все также стремился к экспансии на Балканах, хотя и держал другие стороны в неведении относительно своих намерений¹¹³. От Бетман-Гольвега он требовал не менее чем полного «паритета с Германией в экономических и территориальных вопросах», причем никакие территории на Балканах или в России (т. е. в Польше) не подлежали возвращению до того, как монархии вернут ее оккупированные территории¹¹⁴. Демонстративно солидаризируясь с такими партиями мира, как группа Мейнля, он стремился доказать, что Австро-Венгрия не «ведет завоевательную войну»¹¹⁵, однако втайне он желал «решить» ряд балканских вопросов «сообразно желаниям Австро-Венгрии»¹¹⁶, рассчитывая, что Антанта скорее закроет на это глаза, чем допустит провал мирных переговоров. Например, в Черногории он стремился создать «что-то вроде *fait accompli*»¹¹⁷ путем откровенной аннексии всего Ловчена, а также участка побережья, достаточного для того, чтобы обеспечить связь с Албанией¹¹⁸. Подобные планы соответствовали прежним австро-венгерским военным целям и Чернин ради их достижения был готов скрывать свои истинные намерения. Немцы, напротив, не проявляли подобной щепетильности: германское верховное командование начало игнорировать австро-венгерские желания и стремилось контролировать не только обширные территории на востоке и на западе, но и саму Дуалистическую монархию.

ПОЛЬША, УКРАИНА И БРЕСТ-ЛИТОВСК

На фоне всех этих разговоров о военных целях заключение мира, которое бы позволило обеспечить поставки продоволь-

¹¹² Ibid.

¹¹³ Арц — в МИД, 6.10.1917, КА, АОК-Fasz-3483, MV-165.044.

¹¹⁴ Чернин, Меморандум, 16.03.1917, ННStA, PA-I-504.

¹¹⁵ Чернин — Отто, 18.08.1917, ННStA, PA-I-1074.

¹¹⁶ Ibid.

¹¹⁷ Чернин — Отто, секретное дополнение, 18.08.1917, ННStA, PA-I-1074.

¹¹⁸ Ibid.

ствия — представлявшие собой «самый животрепещущий вопрос всей войны»¹¹⁹ — начинало вытеснять территориальную экспансию в качестве важнейшей цели монархии. В ситуации, когда угроза голодной смерти и того, что пример русской революции окажется заразительным, усиливала стремление императора к скорейшему заключению мира, Чернин предпринимал беспрецедентные шаги с целью убедить Германию пойти на уступки на западе. Он обещал передать польскому государству, контролируемому из Берлина, все оккупированные Австрией части Польши и даже Галицию, крупнейшие коронные владения монархии, принадлежавшие Австрии с 1815 г. Это предложение, сделанное в надежде на поставки зерна из Румынии (где по-прежнему распоряжались немцы) и Украины, в июле 1917 г. было одобрено ВАК¹²⁰, из чего следует, что ВАК в не меньшей степени, чем Чернин, было готово поступиться рядом австрийских территорий при условии, что согласно окончательному миру монархия сохранит за собой свои приобретения на Балканах, ее население будет накормлено, а ее венгерские земли увеличатся в размерах.

Такую политическую линию Чернин проводил на мирных переговорах в Брест-Литовске, где в попытке добиться поставок зерна от нового украинского правительства в обмен на уступку Холмского округа в Галиции 9 февраля 1918 г. он подписал так называемый «хлебный мир» с Украиной. Однако в итоге из-за царившего в Киеве хаоса монархия так и не получила никакого зерна, в то время как уступка Холма привела поляков в такую ярость, что какое-либо будущее «австро-польское» решение или аналогичный метод косвенного контроля над Польшей оказывались исключены раз и навсегда. Несмотря на попытку Карла дать задний ход, предложив Берлину создать Польшу «настолько довольную и целостную, насколько это возможно»¹²¹, непоправимое свершилось. Даже галицийские поляки порвали с венским правительством, а к осени все разговоры о том, чтобы решить польский вопрос путем той или иной разновидности ассоциации с Австро-Венгрией, даже с согласия Германии, закончились ничем, поскольку разваливалась уже сама Австро-Венгрия.

¹¹⁹ Чернин — Гогенлоэ, 23.04.1917, цит. по: *Shanafelt: Secret Enemy* (см. прим. 21), р. 140.

¹²⁰ Кун — Буриану, Белград, 22.07.1917, HHStA, PA-I-973.

¹²¹ Доклад Унгрона, 6.04.1918, HHStA, PA-I-1039 Liasse 56/30, цит. по: *Höbelt: Austropolnische Lösung* (см. прим. 15), р. 9.

МЕЧТЫ СРЕДИ РАСПАДА

В некоторых отношениях положение летом 1918 г. выглядело обнадеживающим. Австро-Венгрия достигла большинства своих наступательных военных целей: Россия потерпела поражение и была вынуждена заключить мир на условиях, которые даже Чернин считал чрезмерно драконовскими, Украина превратилась в возможного поставщика зерна и буферное государство, а несмотря на отчуждение поляков и внутри страны, и за рубежом, монархия удерживала за собой люблинскую оккупационную зону, благодаря чему сохраняла свое влияние в данном регионе. В Румынии угроза ирредентистского экспансионизма была ликвидирована, в то время как монархия добилась ключевых исправлений границы, аннексировала Железные ворота и получила треть паев в государственной нефтяной монополии — несмотря на то, что Германия обеспечила себе почти полный контроль над инфраструктурой страны. На Балканах, этом «заднем дворе» монархии, Вена успешно отразила ряд немецких и болгарских посягательств в ее оккупационных зонах в Сербии, Черногории и Албании. Наконец, самый ненавистный враг монархии, Италия, после сражения под Капоретто потерпела почти полный крах и несмотря на помощь со стороны союзников уже не была таким опасным врагом, как прежде. Возможно, что самое важное, была восстановлена территориальная целостность монархии: иностранные войска были изгнаны из всех ее земель, а ее собственные армии находились исключительно на вражеской территории.

И все же эту впечатляющую картину в значительной степени, если не совершенно, портил ряд фактов: внутри страны монархия пыталась справиться с хроническим голодом, непрерывными забастовками и вполне реальной угрозой революции в большевистском стиле, а за границей — с политическим и военным подчинением германской воле и с физическим истощением своих вооруженных сил. В этих обстоятельствах амбициозная австро-венгерская программа военных целей, всегда содержащая фантастические элементы, отныне могла быть описана только как пустые мечты. Ничем не помогли и перестановки в верхних эшелонах власти — после состоявшейся в апреле 1918 г. «аферы Сикста», подорвавшей доверие к императору, Чернин подал в отставку и на Бальхаузплац вернулся Буриан. Наоборот, стали слышны голоса, еще более далекие от реальности.

Летом 1918 г. назначенный взамен Конрада начальник генерального штаба Арц фон Штрауссенбург, который на первых порах проявлял гораздо меньше агрессивности и желания лезть в политику, чем его предшественник, неожиданно проникся уверенностью в праве ВАК критиковать мнимое отсутствие твердости у министерства иностранных дел по вопросу о военных целях. Пока ВАК готовилось к наступлению на Пьяве — последнему, как выяснилось, наступлению Австро-Венгрии в этой войне, — Арц 27 мая ввязался в дискуссию о Балканах с Бурианом. Арц требовал от него согласиться на аннексию Албании¹²², на что министр иностранных дел отвечал: поскольку даже Италия отказалась от колониализма на Балканах в пользу принципа национального самоопределения, то Вена никак не может себе позволить скатиться к реакционным «аннексионистским тенденциям»¹²³. Это совершенно не устраивало Арца, который считал, что МИД просто тянет время, пока последний регион, где была возможна экспансия Австро-Венгрии, ускользает у нее из-под контроля. Несмотря на то, что материальное и психологическое истощение монархии грозило привести к ее краху, АОК не отступалось от своих требований об аннексии, как будто страна побеждала в войне на всех фронтах.

Например, в то время как немецкая армия в июле 1918 г. переживала серьезную неудачу — крах ее наступления в Шампани и на Марне, — сам Арц был занят планированием контр-наступления в Албании, назначенного на 24 июля. Более того, 21 июля он отправил Буриану обширный и довольно поразительный меморандум об австро-венгерских военных целях на западных Балканах, к которому прилагалось несколько подробных карт, показывающих, как будут проходить границы в разных случаях от наилучшего до наихудшего. Даже эти минимальные военные цели включали обширные аннексии на территории Сербии и Черногории. Арц настаивал на том, что австро-венгерские «военные цели на Балканах должны предусматривать полное поглощение» и Сербии, и Черногории монархией¹²⁴, так как побе-

¹²² Траутмансдорф — Буриану, 27.05.1918, HHStA, PA-I-1007; см. также: Арц — Буриану, 11.06.1918, АОК-Fasz-3543, MV-318.295, на основе: *Helmut Schwanke: Zur Geschichte der österreichisch-ungarischen Militärverwaltung in Albanien (1916–1918)*. Неопубликованная докторская диссертация. Вена, 1982.

¹²³ Буриан — Траутмансдорфу, 5.06.1918, HHStA, PA-I-1007.

¹²⁴ Арц — Буриану, 21.07.1918, HHStA, PA-I-500.

дитель имеет право определять результаты своей победы, а Австро-Венгрия, несомненно, была «победителем на Балканах». Разумеется, Арц мог бы дополнительно напомнить, что Болгария по-прежнему выдвигала обширные претензии на многие балканские земли, что Антанта по-прежнему удерживала так и оставшийся не прорванным фронт от Валоны до Салоник и что Германия постепенно подчиняет себе Румынию. По сути, он предупреждал, что укрепление Болгарии было бы «равносильно» «смене гегемона» на Балканах, что в свою очередь означало бы, что монархия «лишится своей гегемонии» в единственном регионе, где она еще способна ее проявлять. Если Вена допустит политическое и экономическое отступление на Балканах, она лишится «пространства для маневра» и будет втянута в новую войну за власть над территориями, необходимыми ей для экономической экспансии¹²⁵. Короче говоря, Арц пришел к пониманию того, что Австро-Венгрия лишь на Балканах могла надеяться извлечь какие-либо территориальные выгоды из этой катастрофической и затратной войны, хотя и следует отметить его поистине поразительную веру в способность монархии уцелеть и участвовать в новых войнах.

Понимая, что МИД и венгры будут сопротивляться полному поглощению западных Балкан, Арц обрисовал минимальные исправления военной границы, необходимые для защиты австро-венгерских интересов от «самого серьезного ущерба» в том случае, если придется создавать независимые Сербию и Черногорию. Так или иначе, все равно это было не слишком щедрое предложение, поскольку Арц сохранял верность самым ранним австро-венгерским военным целям в этом регионе: горе Ловчен, Санджаку, рудникам в Майданпеке, — а также предполагал аннексировать черногорскую и сербскую столицы. На любой присоединенной к монархии территории следовало «на десятилетия» установить военный режим с целью должного «воспитания» населения¹²⁶. Наконец, Арц подчеркивал необходимость поспешить: в конце концов, «неготовность» Австро-Венгрии к мирным переговорам имела очень «пагубные последствия» на северо-востоке и в Польше и такую ошибку нельзя было повторять на Балканах. Пассивность Австро-Венгрии в этом регионе обратили бы себе на поль-

¹²⁵ Ibid.

¹²⁶ Ibid.

зу болгары и немцы, имеющие интересы, противоречащие интересам монархии и наносящие ущерб ее престижу¹²⁷.

В противоположность Арцу, Буриан сохранял достаточно рассудительности, чтобы понимать: эти далеко идущие планы ВАК неосуществимы. 30 июля он сообщал Арцу, что не понимает необходимости «перехода к завоевательной политике»¹²⁸, но сейчас даже он был готов признать, что расплывчатую политику, характерную для МИД с начала 1915 г., всегда можно было конкретизировать в соответствии с военной ситуацией, что вполне могло дать возможность обеспечить максимум приобретений для монархии.

ГЕРМАНИЯ КАК ГАРАНТ ПОСЛЕДНЕЙ ИНСТАНЦИИ

Помимо противостояния с Арцем, Буриану приходилось бороться с попытками немцев лишить Австро-Венгрию голоса в дебатах по северным вопросам. 11 июня 1918 г., в ходе дискуссии с канцлером Георгом фон Гертлингом и его статс-секретарем по иностранным делам Рихардом фон Кюльманом, Буриан вернулся к австро-польскому решению, получив взамен предложение о компенсациях в Румынии, Сербии и Черногории. На это он ответил, что аннексия обширных территорий в двух последних странах «не входит в политическую программу Австро-Венгрии»¹²⁹ и что лично он, в отличие от ВАК и венгров, «решительно настроен против» каких-либо аннексий в Сербии¹³⁰. По сути, любые разговоры о дальнейшей экспансии монархии на славянских территориях вскоре стали несбыточной мечтой, так как еще до того, как кончился месяц, американский госсекретарь Роберт Лансинг огласил выдвинутую Вильсоном цель освободить все славянские народы из-под немецкой и австро-венгерской власти, и Франция с Великобританией поддержали его. Монархия уже сражалась за свое выживание, и, хотя немцы пошли на уступки в отношении Сербии, Черногории и Албании, они настаивали на удержании Валоны наряду с контролем над нефтью, железными дорогами и судоход-

¹²⁷ Ibid.

¹²⁸ Буриан — Арцу, 30.07.1918, HHStA, PA-I-1007.

¹²⁹ Буриан, отчет о переговорах с Гертлингом и Кюльманом, 11.06–12.06.1918, HHStA, PA-I-505; см. также: HHStA, PA-I-536.

¹³⁰ Ibid.

ством¹³¹. Тот факт, что в ответ на эти скупые уступки от монархии требовали продолжать войну в Европе ради достижения таких отдаленных немецких целей, как Крым, Египет и Месопотамия, служит еще одним доказательством постепенного превращения Вены в вассала Берлина.

К сентябрю 1918 г., когда Буриан встретился в Вене со сменившим Кюльмана Паулем фон Хинцем, стало ясно, что военная машина центральных держав разваливается. Оставалось только наметить какие-то минимальные совместные цели, которые еще могли быть реализованы. Но даже при этом проявились различия в подходе: существенно, что если Буриан просил от немцев дать гарантии в отношении того, что он по-прежнему называл «военными целями» монархии¹³², то в записи беседы, сделанной Хинцем, упоминаются только общие «мирные цели»¹³³. Согласно Хинцу, обе стороны договорились о следующем: Германия желала сохранения своей территориальной целостности и свободы судоходства в ответ на отказ от аннексий и предоставление независимости Бельгии, которой она была готова выплатить компенсацию¹³⁴. Помимо этого, Буриан провозгласил свою приверженность довоенному статус-кво, но в то же время перечислил ряд «небольших территориальных пожеланий». Эти условия мира включали Ловчен и «приграничную полосу» в Румынии¹³⁵. Даже на этом позднем этапе игры, когда даже Германия ощущала невозможность эффективного ведения войны и ради заключения немедленного мира была готова согласиться на довоенный статус-кво, Буриан пытался требовать от Хинца взять на себя ответственность за австрийские экспансионистские военные цели. По этой причине переговоры кончились ничем, несмотря на то что оба говорили о необходимости обозначить общие военные цели.

Уклончивая тактика Хинца лишь побудила австрийцев к действию. За день до начавшегося 15 сентября балканского наступления союзников, которое привело к выходу Болгарии из войны, Буриан огласил эмоциональное публичное заявление Карла, при-

¹³¹ *Bridge: Österreich (-Ungarn)* (см. прим. 1), s. 363.

¹³² МИД, заметки о совещании Буриана и Хинца, 5.09.1918, HHStA, PA-I-524k.

¹³³ Хинц, рукописные заметки, 6.09.1918, NARA, T-120/1500.

¹³⁴ Буриан, заметки о частных переговорах с Хинцем, 6.09.1918, HHStA, PA-I-524k; см. также: *David Stevenson: The First World War and International Politics*. Oxford 1988, p. 223.

¹³⁵ Хинц, рукописные заметки, 6.09.1918, NARA, T-120/1500.

зывавшего все воюющие стороны отправить официальные делегации в какое-либо нейтральное государство для обсуждения условий мира без прекращения военных действий. Несмотря на то, что это было сделано за спинами немцев, Карл в конце концов предлагал всего лишь компромисс, а не сепаратный мир; однако из этой инициативы в любом случае ничего не вышло, так как она была воспринята, как и предупреждали немцы, в качестве капитуляции. После этого голос Вены перестал что-то значить в международных кругах.

К концу сентября центральные державы терпели крах уже на всех фронтах от Сирии до Соммы, а после того, как болгары попросили о прекращении огня, Людендорф потребовал немедленного перемирия, несмотря на то что Линия Гинденбурга еще не была прорвана. В Берлине вопрос о военных целях был отложен в долгий ящик: элита пыталась организовать революцию сверху, которая бы принесла ей мир на основе «четырнадцати пунктов» Вильсона. Ситуация в Австро-Венгрии была еще более серьезной. 27 сентября австрийская армия начала отход с Балкан¹³⁶. Заключенное 29 сентября перемирие с Болгарией означало, что попытка удержать Албанию грозила для Австро-Венгрии обходом с фланга при том, что наступающая армия Антанты, вероятно, вытеснила бы ее и из Сербии с Черногорией. К 10 октября программа Буриана сократилась до требования о том, чтобы в рамках любого перемирия Австро-Венгрия могла рассчитывать на такое же обращение, как и Германия¹³⁷. Теперь он был готов согласиться на все: и на выход Сербии к морю, и на воссоздание Черногории, Албании, Сербии и Румынии. Что касается экспансии, то его единственным, последним требованием было небольшое исправление границы с Румынией, которое, как он подчеркивал, не должно было рассматриваться как аннексия¹³⁸.

Из всего этого ничего не вышло. Карл, Чернин и Буриан связали судьбы монархии с Берлином и им оставалось только надеяться, что Германия все же придет им на выручку; однако Германия сама была разгромлена и не имела возможности от имени Австро-Венгрии торговаться об условиях мира с противниками, незаинтересованными в подобном диалоге. 14 октября Буриан в односто-

¹³⁶ Лейханек — Буриану, 27.09.1918, HHStA, PA-I-999.

¹³⁷ Буриан — Траутмансдорфу, 10.10.1918, HHStA, PA-I-966.

¹³⁸ Буриан — Гогенлоэ, 10.10.1918, HHStA, PA-I-966.

роннем порядке направил запрос о перемирии, за которым последовало обещание Карла учредить в Австрии (но не в Венгрии) федерацию. На это Лансинг 18 октября ответил, что «четырнадцать пунктов» отныне не распространяются на Австро-Венгрию. Все надежды на приращение империи были окончательно похоронены на следующий день, когда Буриан дал согласие на просьбу генерала Кевесса добиться прекращения огня на Балканах¹³⁹. Пять дней спустя Буриан подал в отставку, а 26 октября, в разгар сражения при Витторио-Венето, которое закончилось поражением Австро-Венгрии и сепаратным миром в форме перемирия на Итальянском фронте, Карл разорвал союз с Германией. После того, как южные славяне, чехословаки и даже венгры провозгласили независимость, подошло к концу не только трагическое участие Австро-Венгрии в Первой мировой войне, но и ее политическое существование, а вместе с ней ушли в небытие и наступательные цели, служившие яблоком раздора для правительства и армии страны в течение четырех с лишним лет войны.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Военные цели Австро-Венгрии служили одной из причин, по которой ее элита была готова к дальнейшему участию в Первой мировой войне, идя при этом на смертельный, как выяснилось, риск того, что это обойдется в самую высокую цену, которую способно заплатить государство, а именно, его существование. Факты говорят о том, что в Вена непрерывно прорабатывала и преследовала обширные военные цели и на Балканах, и в Польше; именно в этих регионах австро-венгерская элита собиралась решать свои политические, экономические и военные задачи в послевоенном мире.

Помимо этого, из фактов следует, что политическому руководству в Вене и Будапеште удавалось, хотя порой с трудом, сохранять контроль над процессом принятия решений и пресекать поползновения как армии, так и своих союзников. В конечном счете, монархия потерпела поражение, путем достижения наступательных, экспансионистских военных целей пытаясь завоевать, покорить или каким-либо иным способом подчинить своей воле сосед-

¹³⁹ Буриан — Траутмансдорфу, 19.10.1918, HHStA, PA-I-966.

ние государства ради сохранения и даже повышения своего великодержавного статуса. Тем не менее, сама по себе попытка достижения этих целей явно входила в число скрытых причин как большой протяженности войны, так и последующих событий.

Перевод с английского Николая Эдельмана

М. А. Колеров

МАРШАК И БУЛГАКОВ О ФИНСКОЙ УГРОЗЕ ЛЕНИНГРАДУ И КАРЕЛИИ В 1930–1936 ГОДАХ

Советская художественная литература, как известно, была не только частью политического процесса, но и, вольно или невольно (пожалуй, совершенно сознательно и вольно), отражала текущую публицистическую атмосферу, даже не будучи публицистичной. Упоминаемые здесь произведения советской литературы прямо указывают на историческую внешнюю угрозу Северо-Западу предвоенного СССР, географию которого до 1940 года характеризовала крайняя близость внешней и недружественной границы к второй столице страны — Ленинграду, а также традиционные для конца 1910-х и 1920–1930-х гг. политические и территориальные претензии на близлежащие к Ленинграду земли Советской Карелии (Автономной Карельской ССР в 1923–1936 гг.).

Хорошо известны из советской детской и советской драматургической литературы хрестоматийные произведения: стихотворение С. Я. Маршака (1887–1964) «Вот какой рассеянный» (написано в 1930 году) и пьеса М. А. Булгакова (1891–1940) «Иван Васильевич» (написана в 1934–1936 годах), истинную славу которой принёс снятый по ней Л. И. Гайдаем (1923–1993) фильм «Иван Васильевич меняет профессию» (1973).

Оба произведения содержат недвусмысленные и точные указания на острую актуальную внешнюю угрозу Ленинграду и близкой к нему территории Советской Карелии, исходящие со стороны сопредельного государства — тогда и ныне — Финляндии. Од-

нако если в образе, созданном Маршаком, угроза эта осознавалась как следствие географического абсурда, крайней близости советско-финской границы к «колыбели пролетарской революции» и, главное, крупнейшему центру советской военной промышленности и морскому центру СССР — Ленинграду, то образ Булгаков был более конкретен.

Вот как описывал географический абсурд Маршак через оптику чудака, собравшегося ехать на поезде из Ленинграда в Москву — тогда и ныне, и в дореволюционной России, — не более половины суток, ночи в целом, но нечаянно оставшегося на вокзале. Чудак не знает, что сидит в стоящем, отцепленном вагоне и предполагает, что давно, больше полудня едет и едет именно на юг, к Москве, но вопрошает окружающих на его вокзале так, что в принципе мог бы ошибочно поехать и на север.

«Что за станция такая —
Дибуну или Ямская?»

А с платформы говорят:
«Это город Ленинград».

Закричал он: «Что за шутки!
Еду я вторые сутки...»

Абсурд ситуации, хорошо понимаемый современным Маршаку ленинградским читателем, состоял в том, что в противоположную Москве сторону, на север от Ленинграда ехать не то, что «вторые сутки», но даже полдня или ночь попросту некуда. Более того: упомянутая чудачком станция Дибуну — это окраина Ленинграда и в то же время приграничная станция, находящаяся примерно в 10 с небольшим километрах от тогдашней советско-финской границы в направлении на приграничный финский город Териоки. Абсурдность поведения чудака и его уверенность, что он в реальности якобы мог ехать (нормальные для положения столичного города в глубине страны) «вторые сутки» до границы возле станции Дибуну, по непроиснесённому, но очевидно глубоко понимаемому замыслу Маршака — должна была подчеркнуть абсурдность столь близкого, противоестественного положения границы на окраине Ленинграда.

Летом 1917 года, уже в пределах ближайшей памяти официальных почитателей культа Ленина, Ленин тайно отправлялся с тер-

ритории Финляндии, после пребывания в известном шалаше, где он скрывался от властей Временного правительства к месту будущих революционных событий, именно через станцию Дибуны. Агиограф раннего советского времени прямо вводил эту станцию в ряд ключевых географических пунктов на пути к победоносной Октябрьской революции. Он писал об уходе Ленина из укрытия в шалаше: «Было решено отправиться пешком через лес в Дибуны, а оттуда в Петроград...»¹ Об этой роли ст. Дибуны (ныне — исторический район Дибуны, посёлок Песочный Курортного района Петербурга) пишут и современные краеведы:

«В ночь с 8 на 9 августа 1917 г. В. И. Ленин в сопровождении Н. А. Емельянова, Э. А. Рахьи и А. В. Шотмана пришел на эту станцию с сенокосного участка около озера Сестрорецкий Разлив. Ленин укрылся в кустах под откосом железнодорожного полотна в ожидании поезда в сторону Петрограда. Когда поезд подошел, он быстро вошел в вагон и благополучно вместе с Рахьей и Шотманом доехал до станции Удельная, под Петроградом».²

Станция Удельная, шестая по порядку движения от ст. Дибуны (19–23 минуты современного движения электропоездов), к Финляндскому вокзалу (от ст. Дибуны всего 32 минуты), ныне также в черте Петербурга. Нет сомнения, что для любого советского человека 1920–1930-х, просвещённого официальной партийной историей Октябрьской революции, Дибуны не были случайным географическим именем. Даже если рискованно и непартийно, вне связи с Лениным и революцией, всплывали в географическом сознании как пункт, непосредственно, 30 минутами езды связанный с центром Ленинграда. Маршак уверенной рукой, без сомнений, фактически актуализировал через бред рассеянного человека о ст. Дибуны и её роль в революционном лидерстве Ленина и угрожаемое положение Ленинграда.

Эту же абсурдность близость Ленинграда к внешней границе СССР и должна была исправить начатая в конце 1939 года Советским Союзом советско-финская война, которая для СССР

¹ Н. Емельянов. Таинственный шалаш // Ленин / Сост. В. Крайний и М. Беспалов под ред. Д. Лебеда. Изд. 2, испр. и доп. Харьков, 1924. С. 91.

² Виртуальный музей Курортного района [Санкт-Петербурга]: http://virtmuseum.spb.ru/interactive_map/lenin.php

в 1940-м закончилась присоединением Карельского перешейка и более надёжным отодвиганием внешней границы от Ленинграда. В 1941 году, когда Финляндия выступила союзником гитлеровской Германии в войне против СССР и приняла участие в организации геноцидной блокады Ленинграда, её исходные границы по состоянию на 1939 год позволили бы её войскам обстреливать уже не эпизодически и окраины, а постоянно и центр города.

Булгаков же в своей комедии художественно, но уже совершенно без абсурдного отстранения, обнажил традиционные территориальные претензии Финляндии того времени в проекте «Великой Финляндии» на Советскую Карелию вплоть до Белого моря, фактическую войну за которую она вела вплоть до 1923 года и сама автономия которой была создана под давлением Финляндии как этнический компромисс. При этом Булгаков хорошо понимал, что и Финляндия до присоединения к России была шведской провинцией, и что шведское дворянство составляло её правящий класс, и что вождь независимой Финляндии Маннергейм сам был шведом, не вполне уверенно говорившим на финском языке, и что, наконец, в войне 1918 года, получившая независимость от России из рук большевиков Финляндия повела истребительную гражданскую войну против своих красных (поддержанных большевиками) при определяющей помощи немецких экспедиционных сил. В пьесе Булгакова посланник шведского короля на немецком языке излагает традиционные финские претензии русскому царю на Кемскую волость русской Карелии, находящуюся на побережье Белого моря напротив Соловецких островов:

«*П о с о л*. Ди фраге фон Кемска волост... Шведише арме хат зи эроберн... Дер гроссер кениг дес шведишен кенигс рейхе зандте мих... унд... Дас ист зер эрнсте фраге... Кемска волост (...)
Д в я к. Он, батюшка, по-немецки говорит. Да понять-то его немудрено. Они Кемскую волость требуют. Воевали ее, говорят, так подай теперь ее, говорят!»

Весной 1918 года финские войска Маннергейма, строя «Великую Финляндию», уже атаковали Кемь. Но вскоре её взяли противостоявшие финско-германской коалиции английские интервенты в России, организовавшие отделение Кеми и Карелии от России (и значит — отделение всего Кольского полуострова и Мурманска), которое провалилось вместе с поражением интервентов

на Русском Севере. Так Кемь стала символом расчленения России на Севере и одной из географических точек враждебной СССР «Великой Финляндии». В конце 1939 года, наступая на Финляндию, СССР создал в Териоках марионеточное финское правительство, которое вскоре было распущено при заключении мира, но которому Москва успела все же подарить значительную часть Советской Карелии: впрочем, Кемь оставив за собой.

Олег Казак

ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ИНЖЕНЕРИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ:

Michał Jarnecki, Piotr Kołakowski. «Ukraiński Piemont». Ruś Zakarpacka w okresie autonomii 1938–1939. Warszawa: Oficyna Wydawnicza RYTM, 2017. 383 s.

Публикация в 2017 г. монографии «Украинский Пьемонт». Закарпатская Русь в период автономии 1938–1939 гг.» авторства известных специалистов по проблематике внутренней и внешней политики межвоенной Чехословакии М. Ярнецкого и П. Колаковского является важным событием мировой русинистики. Историки ввели в научный оборот значительный объем новых источников, обнаруженных в архивах Чехии, Словакии, Венгрии, Польши, Украины. Авторы поставили перед собой довольно амбициозную цель — определить степень влияния сложных процессов становления национальной идентичности восточнославянского населения юга Карпат на выстраивание внешнеполитического курса государств, имевших свои интересы в данном регионе.

Первая глава монографии представляет собой очерк истории Подкарпатской Руси до 1918 г. Авторы справедливо отмечают, что национальное возрождение русинов началось в середине XIX в. и первоначально имело ярко выраженный русофильский характер (население региона трактовалось как часть единого русского народа). По мнению историков, для нейтрализации прорусских настроений венгерские власти, которые после 1867 г. проводили отчетливую мадьяризаторскую политику в отношении нацио-

нальных меньшинств, не препятствовали распространению украинофильского движения из соседней Галиции (с. 40). Данная точка зрения, равно как и утверждение о «вытеснении русофильства на маргинес» (с. 42), кажется нам не совсем корректной. Об успехах и перспективах украинского национального движения в Подкарпатской Руси его активист В. Гнатюк в 1899 г. писал: «Угорских русинов отличает русофильство (представляющее, по моему мнению, препятствие для национального развития). По этой причине Угорская Русь является, очевидно, единственным краем в Европе, где интеллигенция вплоть до конца XIX в. не смогла возродиться в национальном отношении и понять, кем она, собственно говоря, является»¹. Авторы монографии относят к представителям украинского направления униатских священников, «ориентированных на один из верховинских (гуцульских) диалектов» (Ю. Жатковича, Г. Стрипского, А. Волошина и др.). Однако, как справедливо отмечает российский русинист М. Дронов, неоднократно менявший свои национально-языковые предпочтения Г. Стрипский даже в 1907 г. (в период тесных контактов с украинскими галицийскими кругами) заявлял: «Украинство у нас теперь полностью невозможно, потому что оно так же чуждо, как и московщина». А Ю. Жаткович называл себя «сыном малорусского народа» и никогда не считал себя украинцем². Показательно, что многие наиболее ярые сторонники идеи общерусского единства признавали этнокультурную специфику населения Подкарпатской Руси и считали его язык малорусским диалектом русского языка. Подобные взгляды, в частности, декларировал анонимный автор газеты «Листок» (редактор — Е. Фенцик), который, однако, категорически отрицал возможность политизации языкового вопроса для искусственного отдаления малорусского диалекта от общерусской лингвистической основы: «В Галичине существует поляками протезируемое так называемое украинофильское направление, которое стремится создать отдельный малорусский язык со всеми польскими безобразиями и учредить новую украинскую литературу. Конечно, это деление одного и того же языка может только пагубно отразиться на русской жизни и литерату-

¹ Шевченко К. В. Славянская Атлантида. Карпатская Русь и русины в XIX — первой половине XX в. М., 2011. С. 33.

² Дронов М. Ю. Роль греко-католической церкви в формировании этнонациональной идентичности русинов Словакии (1919–1938): дис. ... канд. ист. наук. М., 2013. С. 55.

ре и может послужить только польским интересам: однако фанатизованные казацкими идеями украиноманы продолжают свое самоубийственное дело: портят, полонизируют свой язык, вставляя в него всякую дрянь, образовавшуюся течением векового польского ига»³. Таким образом, признание малорусским языком (диалекта) жителей Подкарпатской Руси в реалиях конца XIX — начала XX в. отнюдь не было тождественно их причислению к украинцам.

Репрессии против русофильских деятелей и перешедших в православие жителей Подкарпатской Руси накануне Первой мировой войны авторы монографии трактуют как естественную защитную меру венгерских властей против подозреваемых в спонсируемой Россией «ирреденте, предательстве и шпионстве» (с. 42–43). По сути, М. Ярнецкий и П. Колаковский не приводят весомых доказательств своих тезисов и воспроизводят основные постулаты венгерской официальной историографии хортистского периода (работы Ш. Бонкало⁴, Т. Бачинского⁵, Г. Дароша⁶). Российский исследователь И. Крючков, изучивший документы российских дипломатов — сотрудников генерального консульства в Будапеште (фонды Архива внешней политики Российской Империи), опровергает данную точку зрения: «Униатское духовенство, по мнению российских дипломатов, оценивало переход крестьян в православие главным образом с точки зрения собственных фискальных интересов, оно боялось потерять доходы. Поэтому верхушка униатского духовенства решила привлечь к разрешению возникшей проблемы венгерские власти. Она составила меморандум, в котором вся суть проблемы сводилась к усиленной агитации православия в Подкарпатской Руси, проводимой российскими агентами при существенной материальной поддержке из России. Правительство Венгрии, встревоженное возможным ростом среди русинских православных сепаратизма, решило вмешаться в ситуацию. ... В целом российские дипломаты признавали, что деньги из России в область могли поступать от частных лиц. Однако их объем не был значительным, польза от них была мизерной при больших политических потерях России в Венгрии. Поэтому они предлагали принять меры по выявлению

³ Письменность и литературные языки Карпатской Руси / Вст. ст., тексты, коммент. А. Д. Дуличенко. Ужгород, 2008. С. 223.

⁴ *Bonkáló S. A rutének.* Basel — Budapest, 1996 // www.sulinet.hu/oroksegtar/data/magyarorszag_i_nemzetisegek/altalanos/a_rutenek.

⁵ *Bacsinszky T. Orosz-ruszin kapcsolatok a XIX. század közepén.* Ungvár, 1942. 108 o.

⁶ *Darás G. A rutén kérdés tegnap és ma.* Budapest, 1938. 64 o.

лиц, отправлявших из России в Подкарпатскую Русь деньги, и пресечению данных действий впредь. ... К тому же генеральный консул России в Будапеште М. Приклонский обращал внимание на очень важный момент: правительство Венгрии не сомневалось в непричастности официального Санкт-Петербурга к агитации среди русин, подозревая в таких действиях Синод и графа В. Бобринского»⁷. О весьма незначительной финансовой поддержке русофильского движения в Австро-Венгрии со стороны официального Санкт-Петербурга пишет М. Клопова в монографии «Русины, русские, украинцы» (вышла в 2016 г.). Накануне Первой мировой войны представители украинского движения (Н. Василько, К. Левицкий и др.), постоянно подчеркивавшие свою лояльность Габсбургской монархии, сознательно нагнетали антирусскую истерию (в прессе, в выступлениях в Рейхсрате, на встречах с первыми лицами государства). При этом слова украинофилов о якобы огромных субсидиях, выделяемых властями России австрийским русофилам, являлись ложью. М. Клопова, проанализировав солидный массив документов Архива внешней политики Российской Империи и Российского государственного исторического архива, делает вывод: «Официальный Петербург сдержанно относился к идее субсидирования русофильских организаций, не желая осложнений в отношениях с Австро-Венгрией. На поднимающийся неоднократно вопрос о необходимости оказания помощи, в том числе и материальной, представителям русофильского движения в Петербурге, как правило, отвечали отказом»⁸. Таким образом, тезис о широкой финансовой поддержке российских властей симпатизирующих им организаций Австро-Венгрии является ошибочным.

М. Ярнецкий и П. Колаковский весьма кратко описывают процесс кристаллизации русинского (руснацкого) национально-языкового направления, «несмело искавшего собственную идентичность без оглядки на Москву, Галицию или Киев». При этом авторы указывают лишь одного представителя данной ориентации — Л. Чопея, чей учебник грамматики, ориентированный на местные диалекты Подкарпатской Руси и заимствования из венгерского языка, в 1880-е гг. был официально одобрен венгерскими властями

⁷ Крючков И. В. Русины в Подкарпатской Руси в восприятии российских дипломатов — сотрудников генерального консульства в Будапеште в конце XIX — начале XX в. // Славянский альманах. 2015. Вып. 3–4. С. 82–83.

⁸ Клопова М. Э. Русины, русские, украинцы. Национальные движения восточно-славянского населения Галиции в XIX — начале XX века. М., 2016. С. 229.

(с. 41–42). До конца XIX в., однако, говорить об окончательном оформлении русинофильского направления и неприятии его предшественниками общерусской идентичности говорить не приходится. С другой стороны, русофильские деятели не отрицали этнокультурную самобытность населения юга Карпат. Сложность процесса кодификации русинского языка во многом заключалась в убеждении местной элиты в том, что литературный язык не мог быть приближен к живому языку окрестных сел. Подобное отношение к разговорной речи одного из законодателей местных языковых предпочтений М. Лучкая, который в своей грамматике 1830 г. прямо об этом заявлял, во многом оставалось актуальным вплоть до середины XX в. По мнению М. Лучкая, «совсем простой» язык был непригоден для изучения философских и религиозных текстов, а церковнославянский язык в Подкарпатской Руси был понятен не всем. В результате М. Лучкай предлагал пользоваться «языком средним»⁹, который совмещал в себе элементы русского литературного и церковнославянского языков с широким использованием местных диалектов. В фарватере данной традиции проходила публицистическая деятельность большинства подкарпатских интеллигентов XIX в. Некоторые постепенно все более приближали язык своих произведений к нормам русского литературного языка, другие же настаивали на более широком применении местной лексики. Однако в целом русофильские литературные традиции в регионе занимали главенствующее положение. Так, например, автор программной статьи редакции газеты «Новый свет» допускал использование местных диалектов для пояснения непонятных слов русского литературного языка, однако делал немаловажную оговорку: «Слабым детям необходимо молоко, а не грубый, черствый хлеб; — а наш народ в деле грамоты, в большинстве своем, действительно, находится еще в детстве. Но из этого не следует, что его нужно навсегда оставить на этом месте»¹⁰. Как отмечает современный исследователь языковой ситуации в Подкарпатской Руси М. Капраль, авторы из Подкарпатской Руси, которые писали для местного восточнославянского населения, пытались приспособить для этих целей один из «развитых» родственных языков (в разное время это были: церковнославянский, русский и, начиная с 1920-х гг., украинский языки). Вследствие слабой социаль-

⁹ Письменность и литературные языки... С. 109.

¹⁰ Какъ языкомъ намъ писати? // Новый светъ. 1871. 4 февраля. С. 1.

ной мобильности и немногочисленности городского русинского населения региона здесь не был выработан койне, то есть некий единый субстрат из нескольких диалектов, на базе которого можно было бы развить литературный язык. В результате каждый автор, желавший приблизить язык своих текстов к народному, писал на своем диалекте¹¹. Этот факт в 1868 г. отмечал корреспондент русофильской газеты «Свет», отвечая на вопрос, можно ли писать «простонародным языком»: «Нет, всегда нет, ни под каким видом нет: ибо у которого языка более диалектов (говоров), как у русского в Венгрии? Только в одном комитате нередко 3–4 и более местных диалектов. Если бы было позволено на простонародном языке писать, могли бы существовать в языке согласие и непременно нужное для усовершенствования народного просвещения соединение? — Каждый писатель употреблял бы диалект той околицы, которой он сын или который диалект ему более знаком и по той причине любим»¹². Русофильски настроенные публицисты Подкарпатской Руси, тем не менее, не относились пренебрежительно к местным языковым традициям. Так, например, газета «Листок» в 1892 г. объявила конкурс по сбору русинских сказок на народном языке, которые позже были опубликованы¹³. Локальный русинский и общерусский уровни идентичности, таким образом, чаще всего не исключали друг друга.

Во второй главе монографии рассматриваются различные варианты государственной принадлежности Подкарпатской Руси, которые предлагали деятели региона и лидеры русинской диаспоры США в 1917–1918 гг. Авторы справедливо отмечают, что первоначально довольно популярный вариант вхождения региона в состав России был отброшен и местными политиками, и американскими русинами после Октябрьской революции. М. Ярнецкий и П. Колаковский, однако, допускают ряд неточностей в изложении событий. В работе утверждается, что 23 июля 1918 г. Американская народная рада угро-русинов на собрании в Хоумстеде приняла меморандум о возможных вариантах государственной принадлежности Подкарпатской Руси. На самом деле, указанная дата — день

¹¹ Капраль М. Издания Иоанна Кутки в истории русинского литературного языка // *Studia Russica*. XVII. 1999. С. 287.

¹² Злоцкий Ф. А. Корреспонденции // *Свет*. 1868. 27 января. С. 1.

¹³ Францев В. А. Обзор важнейших изучений Угорской Руси (Из отчета о заграничной командировке) // *Вчені Росії про Закарпаття* / Редкол.: О. С. Мазурок, І. О. Мандрик. Ужгород, 2009. С. 54.

образования Рады, а упомянутый меморандум был принят 1 октября 1918 г. Вопреки утверждению авторов, вариант автономии Подкарпатской Руси в составе Чехословакии в меморандуме указан не был¹⁴. В монографии отсутствует информация о представителях русинской диаспоры США (прежде всего, греко-католических священников), которые выступали за сохранение своей исторической родины в составе Венгрии. 10 ноября 1918 г. представители клира греко-католической церкви Святого Ильи в Хоумстеде обратились с открытым письмом в редакцию «Американского русского вестника». Авторы письма напоминали, что в меморандуме «Американской народной рады угро-русинов» присоединение Подкарпатской Руси к Чехословакии не было указано в качестве одного из вариантов будущей судьбы региона. Следовательно, лидеры Рады не имели никаких правовых и моральных полномочий от имени русинского народа выступать за включение края в состав чехословацкого государства. По мнению авторов открытого письма, выбор в пользу «чехословацкой» альтернативы грозил для русинов скорой потерей их самобытной культуры: «Из-за родства языков словаки очень быстро словакизируют рутенов; после утраты языка народом будут утрачены вера и обряды. В Америке, где рутены комитатов Унг и Берег словакизируются, мы можем наблюдать много таких печальных примеров». Авторы послания явно идеализировали многовековой период вхождения Подкарпатской Руси в состав Венгрии: «Еще много представителей рутенского народа, которые из поколения в поколение сохраняли и сохраняют национальные устои, традиции, язык и веру, т. к. Венгрия не ставила перед собой цель искоренить рутенский язык. Эти люди требуют, чтобы следующее поколение могло жить дальше в дружбе с венграми, имея при этом самую широкую автономию»¹⁵. Данный документ интересен тем, что его авторы фактически предвосхитили аргументы венгерской ревизионистской пропаганды межвоенного периода.

Подкарпатская Русь стала частью Чехословакии во многом благодаря виртуозной дипломатической деятельности будущего первого президента Т. Масарика, умевшего оказаться в нужном месте в нужное время. При этом предоставлять региону обещанную ав-

¹⁴ Панов А. Масарик і Закарпаття. Ужгород, 2010. С. 100.

¹⁵ Magyar Nemzeti Levéltár Országos Levéltára (далее — MNL OL). F. K 64. 1924. 10 t. 307 cs.

тономию Прага не спешила, мотивируя свое решение культурной и экономической отсталостью края и нехваткой квалифицированных кадров. На основании обширного корпуса документов чешских архивов М. Ярнецкий и П. Колаковский реконструировали острую политическую борьбу, которая развернулась в первые годы существования Чехословакии между сторонниками предоставления автономии Подкарпатской Руси во главе с первым губернатором Г. Жатковичем и адептами пражского централизма (например, вице-губернатором П. Эренфельдом, руководителем Гражданского управления Я. Брейхой и др.). Я. Брейха и его приближенные в 1919–1920 гг. отправляли в адрес президента и премьер-министра Чехословакии множество доносов на Г. Жатковича. Он обвинялся в том, что «окружил себя украинцами, среди которых искал себе политическую опору», «отстранял от работы чешских чиновников» (с. 60). Близкие Я. Брейхе чиновники негативно оценивали и деятельность симпатика украинофильского движения, советника Т. Масарика в Подкарпатской Руси Я. Нечаса. В письмах и отчетах из Подкарпатской Руси, поступавших в канцелярию президента, содержались обвинения Я. Нечаса в «украинизме», «окружении себя украинцами, у которых он разжигал излишние надежды» (с. 62). В одном из писем даже утверждалось, что Я. Нечас имел план «создания иллюзии автономии Подкарпатской Руси, чтобы позже передать этот край украинцам» (с. 62).

М. Ярнецкий и П. Колаковский считают, что «американский идеалист» Г. Жаткович, не имевший четкой национальной ориентации, в период своего пребывания на посту губернатора Подкарпатской Руси сблизился с украинофилами, в которых «искал опору, будущие кадры в незнакомом крае» (с. 63). При этом авторы не уделили должного внимания эволюции взглядов данного деятеля относительно этнической природы населения Подкарпатской Руси. Так, в выступлении перед подписанием декларации Средневропейского союза угнетенных народов (Филадельфия, 23 октября 1918 г.) Г. Жаткович подчеркнул, что угорские русины не являлись украинцами, несмотря на языковую близость между этими двумя народами. Украинцы и русины, по мнению политика, имели абсолютно разные условия исторического развития¹⁶. В 1930-е гг.

¹⁶ Spravoizdanije Predsitateľa Amerikanskej Narodnoj Rady Uhro-Rusinov, pervyj narodnyj kongress. Poderžan pod nadzorom i rukovodstvom našej narodno-politijskoj organizáci. Homestead, 1919. S. 18–19.

Г. Жаткович, проживавший в США после своей отставки с поста губернатора края (март 1921 г.), признавал единство русинов с русским народом¹⁷.

Третья глава повествует об общественно-политической и социально-экономической ситуации в Подкарпатской Руси до мюнхенской трагедии. Авторы концентрируют внимание на борьбе русофилов и украинофилов в различных сферах государственной и общественной жизни. Авторы справедливо отмечают, что различные политические силы поддерживали противоборствующие лагеря Подкарпатской Руси: левые — украинофилов, национальные демократы К. Крамаржа — русофилов. Министерство образования, в начале 1920-х гг. контролируемое социал-демократами, оказывало поддержку украинофильским учителям (в том числе выходцам из соседней Галиции). Симпатии Праги по отношению к украинофилам имели и внешнеполитическое объяснение — как эвентуальный фактор дестабилизации положения в соседней Польше, для которой украинский вопрос являлся весьма болезненным. Показательно, что чехословацкое Министерство иностранных дел во главе с Э. Бенешем заняло наиболее благоприятную позицию по отношению к деятелям украинофильского лагеря и в ходе межведомственного обмена мнениями защищало их от обвинений в нелояльности со стороны представителей Министерства внутренних дел. Сотрудники МВД постоянно получали донесения о том, что активисты украинского движения называли чешских чиновников, работавших в Подкарпатской Руси, «чужеземцами», видели регион «частью Великой Украины» (с. 83–84). На рубеже 1920-х — 1930-х гг. благоприятное отношение Праги к украинофилам начинает сменяться вполне оправданным беспокойством. Весьма точной и обоснованной является следующая ремарка авторов: «Чешские администраторы с недоверием, а позже со злостью отмечали, что местное сообщество не намеривается отыгрывать роль пассивного инструмента политики Праги, но имеет собственные амбиции и цели. ... Чехи видели в динамизме и активности украинского движения угрозу интеграции Республики» (с. 85).

С начала 1930-х власти Чехословакии проводили более взвешенную национальную политику. В 1937 г. был проведен своеобразный плебисцит среди родителей учеников школ края относительно грамматики, которая должна была преподаваться в учеб-

¹⁷ Пон И. Энциклопедия Подкарпатской Руси. Ужгород, 2001. С. 172.

ных заведениях. Родители могли выбрать между грамматикой И. Панькевича, основанной на украинском литературном языке, и грамматикой Е. Сабова, близкой к русскому языку. Авторы утверждают, что результаты плебисцита (более 73% родителей отдали свой голос за грамматику Е. Сабова) нельзя назвать триумфом русофильского направления. Их доказательства сводятся к следующему тезису: многие малограмотные жители края, традиционно считавшие себя русинами («руськими»), полагали, что грамматика Е. Сабова базировалась на родном для них («руськом») говоре, а не на русском литературном языке (с. 88). Делая данное более чем спорное умозаключение, авторы не видят иной стороны аспекта: абсолютное большинство населения Подкарпатской Руси в конце 1930-х гг. не приняло украинскую национально-языковую идентичность. И это несмотря на то, что украинские работники просвещения при самой активной поддержке центральных властей успели занять прочные позиции в школьной системе края. Украинофилы откровенно саботировали результаты школьного референдума. Неспособность властей обеспечить выполнение решений плебисцита свидетельствовала о том, что Прага постепенно утрачивала рычаги контроля над общественно-политической ситуацией в Подкарпатской Руси¹⁸.

В четвертой главе монографии Подкарпатская Русь рассматривается как объект внешней политики межвоенного периода. Любопытной видится информация, полученная авторами в ходе работы в архивах Чехии, о готовности Праги в начале 1920-х гг. передать край Советской России (либо Советской Украине) / СССР в обмен на поддержку со стороны советской дипломатии в различных вопросах международной повестки дня. Так, в апреле 1922 г. руководитель экспозитуры чехословацкого пресс-агентства в Женеве Й. Полибек в неофициальном разговоре с членом комиссии меньшинств Лиги Наций Д. Ростингом отмечал, что Прага не спешит предоставлять обещанную автономию Подкарпатской Руси в связи с «намерением отдать этот край России». Глава внешнеполитического ведомства Э. Бенеш при посредничестве В. Гирша объяснял представителю той же комиссии Э. Колбану, что власти Чехословакии не могут выполнить данные русинам обещания, так как «этого не потерпела бы Россия, для которой Подкарпатская Русь могла бы стать площадкой для контроля над венгерской рав-

¹⁸ Шевченко К. В. Славянская Атлантида ... С. 267–268.

ниной». Эту информацию подтвердил сбежавший в 1929 г. на Запад советский дипломат Г. Беседовский. По его сведениям, глава чехословацкого МИД еще в начале 1920-х гг. во время разговора с представителем Советской Украины Н. Левицким выражал готовность отдать Подкарпатскую Русь России (с. 105).

Подробно освещается вовлеченность польской дипломатии во внутренние дела Подкарпатской Руси. М. Ярнецкий и П. Колаковский довольно точно описывают природу данного явления: «Украинцы с завистью смотрели на намного лучшее, с их точки зрения, отношение чехословацкой администрации к населению Подкарпатской Руси, развитие национальных институций. Поляки хотели ослабить позиции украинцев по другую сторону Карпат». С этой целью на рубеже 1934–1935 гг. консульство в Ужгороде выделило немалые субсидии на деятельность главы Русской национально-автономной партии и одного из лидеров всего русофильского направления С. Фенцика (с. 107–108). В работе также анализируется ревизионистская деятельность Будапешта, направленная на дестабилизацию ситуации в Подкарпатской Руси. Активную помощь в данной работе оказывали представители венгерского меньшинства Подкарпатской Руси во главе с Э. Корлатом, а также некоторые русофильские деятели (И. Куртяк, А. Бродий).

Значительное внимание в работе уделено так называемой «акции Ротермира» (с. 112–113). Летом 1927 г. английский медиамагнат лорд Ротермир через свою газету «Daily Mail» выступил с требованием присоединения к Венгрии южных районов Словакии и Подкарпатской Руси. «Акция Ротермира» быстро была поддержана венгерскими ревизионистскими организациями. Авторы, однако, проигнорировали немаловажный сюжет: во время активной фазы «акции Ротермира» венгерская дипломатия вела работу с русинской диаспорой в США, агитируя ее в античехословацком духе¹⁹. Русинская диаспора в Северной Америке сыграла важную роль в деле вхождения Подкарпатской Руси в состав Чехословакии после Первой мировой войны. Но уже с начала 1920-х гг. в среде русинских эмигрантов в Северной Америке стали звучать критические отзывы о политике Чехословакии в Подкарпат-

¹⁹ Казак О. Г. «Русинская акция» в США (1928 г.) в документах органов внешних отношений // Россия и славянские народы в XIX–XXI вв.: Материалы международной научной конференции, г. Новозыбков, 18 мая 2018 г. / Под ред. В. В. Мищенко, Т. А. Мищенко, С. П. Куркиной. Брянск, 2018. С. 70–78.

ской Руси. Памятуя о роли американских русинов в определении судьбы своей исторической родины, дипломаты Венгрии и Чехословакии весь межвоенный период с переменным успехом добивались расположения лидеров диаспоры.

В пятой главе подробно излагаются и анализируются драматичные события лета–осени 1938 г. В условиях нарастающего судетского кризиса свои требования (в более жесткой, чем ранее, формулировке) предъявили и политические лидеры русинов. Подчеркивается особая роль в данных событиях созданного в США по инициативе известного русофильского деятеля А. Геровского «Карпаторусского союза». Данная организация отправила в мае 1938 г. делегацию в Чехословакию для изучения ситуации в Подкарпатской Руси и возможности получения краем автономии. Представители американских русинов убедились в крайне тяжелом социально-экономическом положении региона, всевластии чешских чиновников, нежелании Праги предоставить обещанную автономию Подкарпатской Руси. Во многом благодаря усилиям А. Геровского удалось добиться тактического (и крайне непрочного) сближения русофильских и украинофильских лидеров, выступавших с общим требованием предоставления обещанной Прагой автономии. В монографии приведены фрагменты воспоминаний министра земледелия Чехословакии Л. Фейерабенда, присутствовавшего на итоговых переговорах в Праге относительно формирования автономного правительства русофила А. Бродия. Данный источник довольно точно передает атмосферу тех дней: «Никогда в своей политической карьере я не участвовал в таком лишенном достоинства спектакле. Для подкарпатских политиков главный вопрос состоял в том, кто получит портфели. Второстепенными были такие важнейшие вопросы, как положение Республики и самой Подкарпатской Руси» (с. 132).

В эти же дни в Комарно начались чешско-словацко-венгерские переговоры, на которых рассматривались и проблемы Подкарпатской Руси. Авторы ошибочно заявляют, что Будапешт требовал территории с преобладающим венгерским населением по данным переписи 1920 г. (с. 131). На самом деле венгерские требования «на этническом принципе» состояли из 14,150 км² территории с населением 1 090 000 человек по данным переписи 1910 г., то есть в период пика мадьяризации, когда переписчик спрашивал у респондента, владеет ли он венгерским языком или нет. При ответе «да» респондент записывался в графу «венгр». Евреи вооб-

ще не фигурировали ни в какой форме²⁰. Глава чехословацкой делегации Й. Тисо отверг требования венгерской стороны, переговоры ничем не завершились.

В шестой главе описывается краткосрочный (чуть более двух недель) период функционирования автономного правительства русофила А. Бродия. В исторической литературе данный деятель обоснованно рассматривается как агент влияния Будапешта в Подкарпатской Руси. Авторы монографии, признавая данный тезис, сообщают интересную информацию о попытках А. Бродия избавиться от своего негативного имиджа в период пребывания на посту премьер-министра Подкарпатской Руси. По его инициативе была создана специальная комиссия, состоявшая из этнографов, лингвистов, историков и географов разных национально-языковых ориентаций (И. Панькевича, П. Сова, Г. Геровского, И. Кондратовича, Н. Бескида). Заявленная цель данной комиссии — «нейтрализация венгерских территориальных претензий» (с. 143). Любопытно также, что отстранению и аресту А. Бродия по обвинению в связях с венгерскими спецслужбами способствовали доносы не только украинофилов Подкарпатской Руси, но и украинских активистов из Галиции. 17 октября 1938 г. Ф. Ревай в разговоре с министром иностранных дел Ф. Хвалковским говорил о связях премьера автономного кабинета с иностранной разведкой. Через неделю кабинет Ф. Хвалковского посетил знакомый ему деятель Украинского национально-демократического объединения А. Витожинский. Он просил отстранить А. Бродия от власти в связи с агентурными связями последнего (с. 145). После отстранения А. Бродия министром фактически по прямому указанию Берлина стал лидер украинофильского движения А. Волошин.

По итогам Венского арбитража (2 ноября 1938 г.) Венгрии были переданы южные регионы Подкарпатской Руси с крупнейшими экономическими и культурными центрами края (Ужгорода, Берегово, Мукачево). Автономный кабинет А. Волошина переехал в небольшой город Хуст.

В седьмой главе анализируются различные аспекты деятельности правительства Подкарпатской Руси на начальном этапе своего существования: форсированная украинизация, «зачистка»

²⁰ Пушкаш А. И. Внешняя политика Венгрии. Февраль 1937 — сентябрь 1939 г. М., 2003. С. 243–244.

общественно-политического ландшафта от русофильских организаций, создание парамилитарной организации «Карпатская Сичь», значительную часть актива которой составили «искатели приключений» украинских националистических взглядов соседней Галиции. Изучив значительный массив источников, М. Ярнецкий и П. Колаковский делают важный принципиальный вывод: «У А. Волошина не было слишком большого доверия к галицийскому контингенту и активистам Организации украинских националистов, которые приехали в Подкарпатскую Русь к осени 1938 г. Он хотел иметь контроль над организацией, однако не понимал, что вскоре она выйдет из-под его управления и радикализируется. ... Галичане были лидерами “Карпатской Сичи” и задавали тон работе этой организации. Чешскую администрацию они рассматривали упрощенно, видели в ней циников и врагов, как и в Польше. Премьера автономии считали слишком осторожным и некомпетентным, подрывали его авторитет» (с. 165, 172).

В восьмой главе Подкарпатская Русь послемиюнхенского периода рассматривается как объект интересов различных государства (прежде всего, Венгрии, Польши и Германии). Германское руководство, не имевшее осенью 1938 г. четкой позиции по вопросу Подкарпатской Руси, предпочитало из тактических соображений разыгрывать «украинскую карту» для окончательной дестабилизации ситуации в урезанной Чехословакии. Руководство автономного образования (особенно Ю. Ревай) возлагало необоснованные надежды на покровительство Берлина. Особую ценность представляет введенный авторами в научный оборот документ, довольно точно передающий настроения окружения А. Волошина и широких слоев общественности региона, — сообщение специального посланника Германии в Чехословакии О. Долежалка в Берлин: «Руководство Карпатской Украины, прежде всего премьер А. Волошин, настроено более пронемецки, чем словаки. Даже простейшему гуцулу понятно, что государство может выстоять только при сотрудничестве с немцами. От немцев зависит, будет ли оно самостоятельной силой или этот край будет передан венграм. Карпато-украинцы в своем большинстве обозначают себя по национальности русинами, рутенами, руснаками. По мере возможности избегают называть себя украинцами. Среди населения украинцами называют себя только представители интеллигенции, которые бежали сюда после Первой мировой войны с Восточной Галиции. Обычно они получали работу в администрации.

... Эмигранты входят в каждый из органов власти Карпатской Украины. Местная общественность инстинктивно осознает, что Карпатская Украина интересует их только в той степени, в которой может быть использована для реализации великоукраинской идеи. Многие боятся провоцирования ими войны с Польшей» (с. 198–199).

Девятая глава посвящена выборам в автономный сейм Подкарпатской Руси (Карпатской Украины), которые состоялись 12 февраля 1939 г. Единственной легальной политической силой к тому моменту являлось Украинское национальное объединение, являвшееся, по меткому замечанию М. Ярнецкого и П. Колаковского, «попыткой объединения народа, в котором украинская ориентация не была единственной» (с. 207). На фактически безальтернативных выборах более 90% населения, согласно официально обнародованным результатам, отдали свой голос за Украинское национальное объединение. Авторы, признавая в целом недемократичный характер выборов, утверждают, что в ходе данного политического акта «многие карпаторусины проявили патриотизм», отмечают «чувство собственного достоинства, разбужденную сознательность и активность» жителей региона (с. 213). Не все исследователи согласны с такой трактовкой событий. К. Шевченко в одной из своих последних публикаций утверждает, что реалии были куда прозаичнее. Столь высокий процент голосов, которые были поданы за партию А. Волошина, объяснялся в первую очередь запугиваниями и фальсификациями, а отнюдь не «национальным пробуждением украинства». К. Шевченко в качестве доказательства своих мыслей приводит фрагмент воспоминаний свидетеля выборов, одного из лидеров коммунистического движения Подкарпатской Руси (кстати, убежденного сторонника украинофильской национально-языковой ориентации) О. Борканюка. Он утверждал, что выборы проходили в условиях открытого террора со стороны сичевиков, однако «даже несмотря на террор, значительная часть населения явно голосовала против правительства А. Волошина. Были десятки сёл, где украинские фашисты не получили и 20% голосов». По словам О. Борканюка, правительство А. Волошина «просто сфальсифицировало общие результаты выборов и только таким образом показало 94% голосов»²¹.

²¹ Шевченко К. В. Карпатское эхо Мюнхена-1938 как катализатор этнокультурной инженерии: от Подкарпатской Руси к Карпатской Украине // СССР и Чехо-

Лейтмотивом десятой главы монографии является ёмкая фраза М. Ярнецкого и П. Колаковского «В отношениях между Прагой и Хустом искрило». Авторы приводят информацию, обнаруженную в архивных фондах (прежде всего, в Государственном архиве Закарпатской области), которая свидетельствует о чрезвычайно напряженных отношениях между «старой» и «новой» элитой (чешскими и украинскими чиновниками). Так, в д. Билки комендант местной жандармерии (чех) приказал замазать грязью украинские надписи, провоцировал сичевиков и украинскую администрацию. Секретарь А. Волошина И. Рогач приказывал сичевикам выбивать окна в домах чиновников-чехов и срывать чешские надписи, флаги и знамена. В результате дошло до битв между сичевиками и жандармерией. В д. Колочава сичевики сорвали чешский флаг и водрузили на его место украинский флаг. В Рахове сичевики в одну ночь сорвали все чешские надписи, что вызвало спор с гражданской администрацией. Ее руководитель, доктор Фришчин, получил приглашение на встречу с комендантом «Карпатской Сичи», в ходе которой его избили и сломали ребро (с. 221).

Анализируя украинизаторские начинания кабинета А. Волошина, М. Ярнецкий и П. Колаковский отмечают, что доминирование радикальных украинофилов в регионе в целом имело свои исторические предпосылки. Авторы подчеркивали «динамизм» украинского национального движения, «большее политическое сознание и лучшее образование» его членов по сравнению с русофилами. На наш взгляд, политическое сознание и зрелость какого-либо движения проявляются в экстремальных условиях, а не в период фактического вакуума власти (как во время послемиунхенской агонии чехословацкой государственности). Так, в период венгерской оккупации Подкарпатской Руси украинские националисты и близко не проявляли активности, свойственной им в месяцы существования автономного правительства А. Волошина. Самая резонансная акция радикальных украинофилов была осуществлена 15 марта 1941 г., во вторую годовщину провозглашения независимости Карпатской Украины. В этот день И. Романец со своими соратниками сорвали с Хустского замка венгерский флаг и на его место водрузили украинский флаг. На Красном Поле (месте сражения сичевиков в марте 1939 г.) был установлен дубовый крест

словакия в XX веке: ключевые события и вызовы эпохи / редкол.: Ю. А. Борисёнок [и др.]. Минск, 2018. С. 130.

с надписью «Борцам за вольную Украину»²². После этого последовала череда арестов: за второй квартал 1942 г. было арестовано около 200 украинофилов, за третий квартал — еще 130 человек. Наказания участникам украинского подполья не были суровыми (большинство было приговорено к лишению свободы на срок от нескольких месяцев до нескольких лет)²³. Абсолютное большинство осужденных являлось учащимися гимназий, студентами богословских семинарий²⁴. Многие молодые участники подпольных проукраинских структур действовали скорее в силу своего юношеского нонконформизма, нежели по осознанным идеологическим и политическим мотивам. Так, участник тех событий И. Физер вспоминал: «Мы попали в тюрьму за Украину, которую мы в беспамятстве любили, но которую мы не знали»²⁵. Показательно, что в ходе судебного заседания лишь 12 обвиняемых назвали себя украинцами, остальные декларировали русинскую национальность в надежде на более мягкий приговор²⁶. Вскоре после судебных процессов июля 1942 г. почти все осужденные были освобождены по ходатайству министра обороны Хорватского государства С. Кватерника перед начальником генерального штаба Венгрии Ф. Сомбатхей²⁷. Восстановить подпольную сеть украинским националистам не удалось. Осенью 1942 г. инструктор Организации украинских националистов (бандеровская фракция) Р. Берговский осуществил ознакомительную поездку по Подкарпатской Руси с целью установления возможности создания в регионе националистической организации по образцу Галиции. По мнению инструктора, это было маловероятным по причине «запуганности народа»²⁸.

²² Піташ В. Український чин Закарпаття. Українське націоналістичне підпілля на Закарпатті у роки Другої світової війни та опісля її офіційного закінчення: <http://slovoprosvity.org/2011/02/09>.

²³ Пушкаш А. И. Цивилизация или варварство: Закарпатье в 1918–1945 гг. М., 2006. С. 358–359.

²⁴ Маркусь В. «Конверса справа» з погляду учасника та з сучасної політологічної перспективи // За українське Закарпаття / Упор. В. Маркусь, В. Худаніч. Ужгород, 1994. С. 23.

²⁵ Фізер І. Мое політичне визрівання в юнацькому підпіллі: http://zakarpattya.net.ua/Blogs/98_628-Kovner-Pamiat-antyukrainskohoterogu.-II.

²⁶ Маркусь В. Указ. соч. С. 29.

²⁷ Поп І. Указ. соч. С. 209.

²⁸ Маркусь В. Указ. соч. С. 30.

В одиннадцатой и двенадцатой главах монографии качественно анализируются планы польской военной разведки относительно Подкарпатской Руси, а также польская диверсионная акция «Лом» (октябрь — ноябрь 1938 г.), целью которой являлась дестабилизация обстановки в крае. Польша рассчитывала, что Венгрия воспользуется ситуацией и присоединит Подкарпатскую Русь, воплотив таким образом в реальность давние мечты Варшавы об общей польско-венгерской границе. Однако Берлин, от которого зависело решение данного вопроса, опасался сближения Польши и Венгрии на антигерманской основе и в тот момент не дал согласия на осуществление данного сценария. Авторы приводят множество доказательств самых тесных связей между правительством А. Волошина и различными официальными и неофициальными институциями Германии (консульством Германии в Хусте, Абвером и др.). Обучение сичевиков, по достоверным данным польской военной разведки, осуществляли германские инструкторы (с. 266). При этом М. Ярнецкий и П. Колаковский практически упускают из виду тот факт, что некоторые просоветские и коммунистические деятели по заданию Коммунистической партии Чехословакии (действовала нелегально) и Коминтерна заняли ответственные посты в аппарате А. Волошина. Так, С. Вайс был внедрен в руководство «Карпатской Сичи» и оказывал значительное влияние на настроения ее членов²⁹. Поэт А. Патрус являлся одновременно сторонником украинской национально-языковой ориентации и левых идей. Устроившись на работу в редакцию волошинского официоза «Новая свобода», А. Патрус передавал информацию о работе автономного правительства руководству Коммунистической партии Чехословакии³⁰. В условиях установления венгерской власти в регионе и запрета украинских националистических организаций периода А. Волошина многие их члены переходили на просоветские позиции. Об этом государственному секретарю Венгрии по делам национальных меньшинств Т. Патаки сообщал в письме, датированном 12 ноября 1939 г., один из лидеров украинофильского движения в Подкарпатской Руси Ю. Браццайко. На его взгляд, в регионе с марта 1939 г. активная культурная работа не велась, вследствие чего интеллигенция проукраин-

²⁹ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 495. Оп. 281. Д. 5. Л. 32.

³⁰ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 281. Д. 80. Л. 17.

ских настроений стала считать, что их запросы могут быть удовлетворены в рамках Советской Украины³¹. Недостаточное внимание авторов к советскому фактору, обусловленное игнорированием ими документов российских архивов, является одной из слабых сторон работы.

В заключительной тринадцатой главе монографии описываются драматичные события середины марта 1939 г. Берлин, умело разыграв «украинскую карту» для дестабилизации политической ситуации в Чехословакии, в конце концов отдал Подкарпатскую Русь более важному для себя потенциальному союзнику — Венгрии. Попытки А. Волошина в спешке провозгласить независимость Карпатской Украины и обратиться за поддержкой к германскому руководству были обречены на провал. Авторы, опираясь на архивные документы, приводят примеры различных моделей взаимоотношений между сичевиками и офицерами чехословацкой армии. Имелись отдельные случаи их совместного сопротивления быстро наступавшим венгерским войскам, но чаще всего сичевики нападали на эвакуировавшиеся чехословацкие части, разоружали их, провоцировали перестрелки. Авторы утверждают, что помощь вступавшей в регион венгерской армии оказывали добровольцы из числа местной венгерской общины, а также «чернорубашечники» С. Фенцика (с. 322). Впрочем, отношения между молодежным окружением одиозного русофильского политика, открыто позиционировавшего себя сторонником фашизма, и венгерскими военными и гражданскими властями не были безоблачными. С. Фенцик в своих статьях в газете «Карпаторусский голос» подчеркивал особую роль «гвардии чернорубашечников» в деле присоединения Подкарпатской Руси к Венгрии: «Венгры решили вместе с нашими чернорубашечниками бороться до последней капли крови за освобождение Карпатской Руси³²; Венгерские солдаты с вернейшими сынами карпаторусского народа, первыми карпаторусскими легионерами-гвардейцами — членами Русской Народной Гвардии Чернорубашечников — своей кровью освобождали русские Карпаты от чешско-украинских угнетателей³³». Жупан Ужанской жупы (административно-территориальная единица, созданная на землях Подкарпатской Руси, отошед-

³¹ Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-8091. Оп. 46. Д. 38. Л. 8.

³² *Фенцик* С. Карпаторуссы! // Карпаторусский голос. 1939. 15 марта. С. 1.

³³ Манифест С. Фенцика // Карпаторусский голос. 1939. 24 марта. С. 1–2.

ших к Венгрии по результатам Венского арбитража) Ю. Дюрич в своем письме министру внутренних дел Венгрии сообщал совсем иную информацию относительно роли «чернорубашечников»: «15 марта, когда венгерские сыновья проливали кровь в Карпатах, штаб чернорубашечников забавлялся в увеселительных заведениях Ужгорода, и это шокировало венгерских жителей города. По конфиденциальной информации, члены гвардии в последующие дни занимались тем, что там, где население с радостью устанавливало венгерский флаг и с восторгом встречало венгерские войска, убеждали, что это “русская” территория по своей природе, заменяли венгерские флаги русскими триколорами. Это можно было наблюдать во многих местах»³⁴. Столь негативная оценка Ю. Дюрича предопределила нежелание венгерских властей легализовать молодежную русофильскую организацию.

Монография М. Ярнецкого и П. Колаковского, несмотря на отмеченные в рецензии отдельные неточности и небеспорные утверждения, является глубоким и профессионально выполненным исследованием истории Подкарпатской Руси межвоенного периода. Хочется надеяться, что выход в свет данной книги придаст импульс дальнейшему изучению спорных и неоднозначных процессов становления национального самосознания коренного восточнославянского населения южных склонов Карпат.

³⁴ Государственный архив Закарпатской области. Ф. 47. Оп. 1. Д. 67. Л. 8.

Наталия Николаева

ЗА ПРЕДЕЛАМИ СИЛ.
НЕИЗВЕСТНОЕ О СУРСКОМ РУБЕЖЕ.
КАК ВОЗВОДИЛАСЬ ЛИНИЯ ОБОРОНЫ
В СОВЕТСКОЙ ЧУВАШИИ
В 1941–1942 гг.

До сих пор стройка в Чувашской АССР в 1941–1942 годах Сурского рубежа и Казанского обвода¹ остаётся самой масштабной в истории республики по числу участников (третья часть трудоспособного населения), срокам (45 дней) и размаху (протяжённость рубежей составила 380 км). Рубежи на Волге в случае взятия Москвы должны были задержать гитлеровские войска на подступах к Казани.

Народный подвиг в тылу совершался руками рядовых тружеников, хотя внешние обстоятельства складывались против них, а зачастую условия были нечеловеческими: морозы в отдельные дни доходили до — 50 градусов, люди мёрзли в наскоро собранных шалашах и бараках, нередко голодали, у них обострялись болезни, и врачи делали всё для предотвращения эпидемий (например, гриппа и тифа), катастрофически не хватало тёплой одежды и инструментов для работы. К этому добавлялись организационные неурядицы, в некоторых местах доходящие до откровенного беспорядка и саботажа со стороны руководителей. С последними

¹ Начало авторского исследования темы см.: *Наталия Николаева*. Сурский рубеж, Казанский обвод и план обороны Чебоксар в Чувашии в 1942 году: карты // История. Научное обозрение OSTKRAFT. № 5. М., 2018.

расправлялись по «закону военного времени» в тылу — отправляли в лагеря на 5–10 лет «с конфискацией амбара».

Были и технические вопросы по строительству фортификационных сооружений, так как в тылу инженеров практически не осталось. Рекогносцировочные данные приходили с задержкой, что сдерживало строительство. В результате самые смелые и наиболее подкованные руководители, «не дожидаясь чертежей, ощущая, своими силами, кое-как» находили решение вопроса, опираясь на «альбом по фортсооружениям». В худших случаях приходилось закапывать уже вырытые траншеи и копать в других местах, меняя места дислокации.

Не случайно строителей оборонительных рубежей называли бойцами. Свидетельства этих неурядиц делают ещё более выпуклым и героическим подвиг народа, который совершался вопреки всему и для Победы. О них — подробнее на основе материалов Государственного архива современной истории Чувашии.²

На место строительства созывали практически всех доступных для мобилизации трудоспособных жителей Чувашии. Напомним, ежедневно рубежи возводили до 110 тыс. человек, всего на стройку было направлено 171 450 человек — по сути, это третья часть трудоспособного населения республики (на 1 октября 1941 года числилось 511 608 жителей в возрасте от 17 до 54 лет).

И этот масштаб до сих пор потрясает — ни одно строительство на территории в Чувашии больше не собирало такое количество народа. Для сравнения можно привести две послевоенные всесоюзные стройки — «Химпром» (строительство начато в 1960 году, в 1964 году заработал первый цех) и Чебоксарскую ГЭС (строительство начато в 1967 году, первый гидроагрегат запущен в 1980 году). По данным из открытых источников, на «Химпроме» в пик его строительства в цехах одновременно в сутки работали до 14 тыс. человек, при строительстве Чебоксарской ГЭС — до 11 тыс. человек.

За 12 лет строительства ГЭС было переработано около 70 млн кубометров земли, то есть по простым арифметическим подсчётам —

² Государственный архив современной истории Чувашской Республики. Ф. 1. Оп. 23. Д. 13. О строительстве оборонительных сооружений; Там же. Д. 14. О строительстве оборонительных сооружений. Докладные записки по вопросам обеспечения рабочей и гужевой силой строительства оборонительных работ НКО СССР. См. также: Д. А. Захаров, Е. В. Касимов. Под грифом «секретно». Неизвестные и малоизвестные страницы истории Чувашии времён Великой Отечественной войны. Чебоксары, 2016.

более 5,8 млн кубометров в год. Тогда уже использование тяжёлой техники (тракторов, бульдозеров, экскаваторов) стало рядовым явлением. В то время как при строительстве Сурского рубежа за 45 дней было **вручную** вынута **4,9 млн кубометров** земли, при этом стоял лютой мороз, и землю приходилось сначала отогреть (жгли костры).

С учётом масштабов, сроков и задач первый и главный вопрос, который приходилось решать местным руководителям после приказа Сталина об организации строительства, — обеспеченность рабочей силой. Известно, что от работы на рубежах освобождались инвалиды первой и второй групп, больные, беременные, кормящие женщины, трактористы и комбайнеры, железнодорожники, занятые на предприятиях и учреждениях, штатные работники колхозов, а также женщины с детьми до 8 лет при отсутствии тех, кто мог бы за ними присматривать.

Люди шли на стройку пешком и добирались на телегах с лошадьми. Десятки тысяч трудящихся и обозы продовольствия направлялись на рубеж, из наиболее отдалённых районов приходилось проделывать стокилометровый путь. На работу было направлено 171 450 рабочих, 13 660 человек конных. Работа «велась без единого выходного дня за все время строительства», темп для каждого бойца — 10 дней работы, два дня отдыха. Отдалённость рубежа, слабая его населённость затрудняли размещение людей и осложняли доставку продовольствия и фуража.

В качестве начальников прорабских участков направлялись первые секретари РК ВКП (б) и председатели исполкомов райсоветов депутатов трудящихся. Им поручалось «обеспечить нормальную работу мобилизованных своего района»: разместить в окружающих селениях, бараках, построить землянки. Колхозы должны были организовать поставку продуктов и фуража, врачебные участки — снабдить необходимыми медикаментами. Но эти поручения не всегда выполнялись.

Людей отправляли на строительство в огромной спешке, без соответствующих разъяснений. В первое время наблюдались организационные неурядицы, не все руководители и председатели колхозов осознавали важность данной работы, как следствие — эти настроения сказывались и на рабочих. Наглядно это показывает проверка в Ибресинском районе, где 14–16 ноября вместо требуемых 6500 человек работали в разы меньше.

«Срыв выполнения... объясняется, прежде всего, неповоротливостью самих руководителей района, не сумевших по-настоя-

щему организовать массы на выполнение проводимых мероприятий, отсутствием контроля выполнения данных поручений и решений райкома ВКПБ и исполкома райсовета. И всякая ссылка на какие-то особенности Ибресинского района явно не состоятельна», — докладывает секретарю чувашского обкома ВКП (б) **Ивану Чарыкову** народный комиссар юстиции Чувашской АССР **Краснов**, подчёркивая, что «ссылка на нехватку рук — суцая болтовня, явление вредное при выполнении столь серьезных оборонных заданий».

В Янтиковском районе первое время «вместо увеличения рабочей силы» была «утечка».

«Начальник прорабского участка т. [...] не сосредоточил своего внимания на этой важнейшей работе, куда он направлен. Он до настоящего времени считает основной работой секретарствование в райкоме, а не работу на трассе. В связи с этим часто отсиживается в Янтиково. Так, 3 ноября 1941 он был дома под видом разбора шифровки, присланной в РК ВКП (б), 4 ноября занимался подготовкой к бюро райкома. Сегодня 5 ноября т. Сорокин намеревается проводить бюро РК ВКП (б). В интересах дела нужно т. [...] держать на прорабском участке, а не в райкоме», — делает вывод контролёр уполномоченного КПК при ЦК ВПК (б) по Чувашской АССР **Иванов**.

Задокументированы случаи, когда председатели колхозов или исполкомов сами самовольно покидали место стройки, а за ними следовала и часть землекопов. В результате работа была дезорганизована. В таких случаях руководителей привлекали к ответственности, включая уголовную.

К этому добавлялись перебои с доставкой продуктов питания, наблюдавшиеся в первые дни стройки, в результате рабочие могли на несколько суток остаться без еды.

«Многие председатели колхозы Красноармейского района посылали людей без точного адреса. Например, меняя несколько раз место работы, некоторые колхозники по три дня находились в пути и приезжали с пустыми мешками», — пишет упомянутый выше **Иванов**.

Были случаи доставки червивой продукции или кормовых продуктов (то есть предназначенного для откорма домашнего скота). К примеру, в одном из сельсоветов колхозники три дня жили без продуктов, «питаюсь кое-чем, а председатель колхоза на неоднократные требования отделяется молчанием». Из-за того, что

на место стройки продукты доставлялись и из отдаленных районов, плюс периодически менялись места стройки, то первое время многие обозы по несколько дней находились в пути. В результате колхозное продовольствие приходилось использовать уже в пути:

«Колхоз им. Сталина на стройку направил восемь овец с колхозной фермы и те колхозники, которые везли овец, в пути одну овцу израсходовали (растранжирили)», — докладывает представитель отдела кадров обкома ВКП (б) в Комсомольском районе **Терентьевич**.

Но были и случаи из ряда вон выходящие.

«Имеется один характерный случай. В Б. Таябинском же колхозе для доставки продукции было поручено единоличнику, но последний продал колхозный хлеб (пуд муки) за 180 руб. на дороге же. В колхозе «Пахарь» первым удрал из Алатыря бригадир колхоза [...], а за ним вернулись 60 человек. В Яманчурском колхозе [...] возики продали мешок фуража, как только выехали на 4 км из деревни и пьянствовали. Такие факты здесь не единичны. За последнее время в районе этим начали заниматься серьёзно. Отдельные люди привлечены к уголовной ответственности. Например, при мне судили гражданина деревни [...], осудили на 5 лет тюремного заключения», — отмечается в докладной записке инструкторским отделом обкома ВКПБ **Молостова**, направленной секретарю обкома ВКПБ **Петру Пивоварову**.

Условия военного времени требовали максимальной собранности, отдачи и трудовой дисциплины от всех, большинство трудилось на пределе сил, очень многие перевыполняли нормы. Но, как и в любом масштабном деле, тем более совершенно новом и при жёстких сроках, в первое время были «перегибы», слабая координация при сборе трудовой силы, недопонимание со стороны отдельных руководителей и колхозников. Архивные данные содержат как многочисленные примеры героизма, так и случаи дезертирства, находились симулянты и саботажники.

«Есть из среды колхозников отдельные симулянты, пытавшиеся уклониться от работы путём сбора разных справок о болезни. Так [...] из дер. Тенева принесла в штаб Янтиковского участка 17 различных справок, гр-ка [...] из дер. Иваново принесла 9 справок. После освидетельствования этих женщин участковым врачом они оказались вполне здоровыми и способными к труду. В отношении отдельных лиц, разлагающих дисциплину, оформлены специальные дела и переданы в судебно-следственные орга-

ны, но до настоящего времени на всём шестом участке не проведено ни одного судебного процесса», — пишет 10 ноября 1941 года уполномоченному КПК при ЦК ВКП (б) по Чувашской АССР **В. А. Серову** «об отдельных недостатках в работе 6-го участка ВПС» контролер уполномоченного КПК при ЦК ВКП (б) по чувашской АССР **Иванов**.

В докладной от 17 ноября 1941 года на имя секретаря обкома ВКП (б) **Ивана Чарыкова** от уполномоченного по Советскому району **Степанова** говорится, что «с целью уклониться от работы начались массовые посещения больниц за справками», «в некоторых справках не ставят даже диагноз болезни, давали освобождение на долгий срок». Были «факты отклонения от мобилизации по подделанным справкам».

Инструктор военного отдела обкома ВКПБ **Чурбанов** в своей справке «о невыходе Ибресинского района на оборонное строительство» сообщает, что «немалое количество» было отпущено со строительства по «разным причинам». Например, начальник участка выдал одной из женщин справку о том, что она «действительно отработала своей срок на строительстве оборонного задания и разрешён выезд без возвращения». В Шемуршинском районе секретарь исполкома райсовета отказался отправлять жену на стройку, заявив, что без неё «найдутся люди в районе». Освобождались также «по отсутствию одежды и обуви».

Были факты и откровенного саботажа. В качестве примера в одной из докладной приводится колхозник из Вурнарского района, который «через 10 дней сбежал со стройки, а на стройке дезорганизовал работу и занимался контрреволюционной агитацией». «Он заявлял: «Нас привели сюда на смерть, надо бросить работу и уходить домой, а не отпустят домой, так лучше покончить жизнь самоубийством, чем здесь гибнуть медленной смертью», — говорится в справке заведующего отдела кадров обкома ВКПБ **В. Терентьева**.

Вскоре подобные негативные настроения были практически исключены: развернулась активная политическая пропаганда, писались стенгазеты, организовывались концерты, с особо упрямыми проводили показательные беседы, а в особо тяжких случаях организовывали судебные процессы. Хотя первое время «судебно-следственные» органы подвергались критике за слабую работу и непринятие мер.

«Слабо работают (вернее, не видать их среди народа) судебно-следственные работники. Имеются ряд случаев самовольного

ухода, а к ним не приняты меры. Прокуратура Чувашской АССР должна дать указание районным прокурорам по этому вопросу, а то они не решаются вмешиваться в эти дела», — просит 5 ноября 1941 года уполномоченного КПК при ЦК ВКП (б) по Чувашской АССР В. А. Серова контролер уполномоченного КПК при ЦК ВКП (б) по чувашской АССР **Иванов**, говоря о ситуации на шестом ВПС.

О «неповоротливости судебных органов» в Красночетайском районе пишет и член ВПК (б) Аникин, приводя вопиющий случай: «Привлекаются к ответственности не те люди, которые должны привлекаться к ответственности. Так, например, на 18 ноября слушается первое дело в отношении [...], которая имеет грудного ребёнка в возрасте одного года двух месяцев, причём меры пресечения были избраны с содержанием её под стражей. Посадили её, но у нее распухли груди от молока и были вынуждены её освободить... Сама она ушла с работы к больному ребёнку. В то же время в районе имеются сотни дезертиров, уклоняющихся от работы. На мой вопрос к райпрокурору [...], почему не привлекает их к ответственности, ответил: «У меня не было другого материала»...»

Вскоре судебно-следственная система активизировалась. В докладной записке на имя секретаря чувашского обкома ВКП (б) **Ивана Чарыкова** и председателя совнаркома Чувашской АССР **Сомову** народный комиссар юстиции Чувашской АССР **Краснов** сообщает, что «имеются случаи уклонения отдельных граждан (правда, их немного) от выполнения этой работы», и что «судебно-следственные органы района провели ряд показательных процессов над саботажниками». Наказание было разным — от предупреждения и партийного взыскания до лишения свободы.

К примеру, в докладной на имя **Ивана Чарыкова** о мобилизации рабочей силы на спецстроительстве по **Янтиковскому району**, составленной завсектором судебно-прокурорских органов обкома ВКПБ **Шестипаловым** 17 ноября 1941 года, сообщается, что органами суда и прокуратуры привлекли к уголовной ответственности «за уклонение от повинностей» (за отказ работать или ехать на работу) 15 человек, из них трое осуждены: два человека приговорены к 10 годам лишения свободы, а один — к пяти годам. В числе попавших под уголовное преследование — председатель одного из колхозов: «за преступное отношение к важнейшим мероприятиям» в виде обеспечения продовольствием строителей

оборонных рубежей (не закончен обмолот, хлебопоставка идёт «преступно плохо» и, несмотря на поручение исполкома, всех лошадей поставил на отдых). Сохранилось упоминание о том, что в Вурнарском районе были осуждены 30 человек, в Шумерлинском районе — 20 человек, в Козловском районе в прокуратуру поступило 58 актов по факту уклонения от работы на строительстве.

Вскоре эти явления практически сошли на нет. В тылу был создан свой фронт. Бойцы осознавали важность линии обороны, которую строили в Чувашии. Люди долбили каменную землю, работая на пределе человеческих возможностей, срывая в кровь мозоли, изнашивая перчатки и рукавицы, стапывая обувь. Многие перевыполняли нормы в два, три, а то и более, чем в четыре раза. Ни одна техника не способна такое.

Также было развёрнуто социалистическое соревнование «за досрочное и качественное окончание строительства оборонительных сооружений, ... за высокое качество работ, организован обмен опытом работы и распространение его среди рабочих». Учреждено было переходящее Красное Знамя Совнаркома и обкома ВКП (б), которое вручалось передовому коллективу. Была введена система поощрения передовых участков, бригад, звеньев и отдельных рабочих.

В одном из документов отмечается, что часть строителей была размещена в землянках, а часть — в колхозных домах ближайших деревень. Люди также жили в шалашах, палатках.

«В колхозных домах размещено по 10–15 человек. Землянки стандартных размеров 6х7 заселены по 25–45–60 человек. В землянках есть нары, застланные соломой, подстилками из одежды. Естественное освещение — два маленьких окна, искусственное освещение — керосиновая лампа. Для сушки обуви особого помещения не имеется, и обувь сушится вокруг печки. Землянки убираются плохо», — сообщается в одном из документов.

Питание было однообразным и скудным. Бывало, что из-за периодических перебоев с доставкой продовольствия рабочие по нескольку суток не ели. Были факты доставки гнилых продуктов.

В одной из своих книг доктор исторических наук **Василий Дмитриев** вспоминает, в каких условиях шло строительство Сурского рубежа:

«Выполняя поступившее распоряжение, все студенты и преподаватели института 9 ноября выехали в Октябрьский рай-

он на строительство оборонительной линии, прокладываемой по правому берегу Волги от пункта выше Мариинского Посада до Ульяновска и далее на юг. Совершив 27-километровый поход пешком, мы разместились в деревне Истереккасы Большетимерчинского сельсовета Октябрьского района...

Мы рыли в течение двух месяцев глубокий противотанковый ров (здесь же устраивались дзоты, блиндажи, траншеи и т. д.). Зима была лютой: морозы доходили до 40 градусов. Несмотря на морозы, мы работали изо всех сил. Более выносливыми и работоспособными были юноши и девушки из села...

Каждому выдавали 800 г. хлеба. На завтрак и ужин мы получали суп, часто мясной, из общего котла. Обедали в поле же. Здесь в больших котлах варили картофель. Все студенты, даже городские девушки, никогда не носившие лаптей, стали ходить в них. Лапти оказались самой лучшей обувью на земляных работах при жестком морозе.

Все здесь — и студенты, и колхозники — постоянно следили за событиями на фронте. Очень радовались первой крупной победе Советской Армии — разгрому немецко-фашистских войск под Москвой»³.

Спросом на лапти воспользовались спекулянты. В докладной записке от заведующего инструкторским отделом обкома ВКП (б) **Молодцова** от 1 декабря 1941 года отмечается, что «в результате отсутствия контроля отдельные колхозники занимаются спекуляцией», например, колхозница [...] занимается только перепродажей лаптей, она уже от этого ремёсла сумела выручить более 100 рублей».

В архиве хранится немало свидетельств личных трагедий. Вот фрагмент письма 17-летней девушки из Канашского района: «Мама, вышлите мне белье, хлеба и картошки. Вы меня больше не увидите, как и я вас не увижу. Люди говорят, что и раньше во время рытья окопов люди умирали. Видно, и мне не придется вернуться домой».

Воспоминания ряда бойцов приводятся в книге **Альберта Ерлыгина** «Сурский и Казанский оборонные рубежи»⁴. Так, участ-

³ В. Д. *Димитриев*. В годы Великой Отечественной войны и послевоенной службы в армии. Воспоминания. Чебоксары. 2010. С. 10–11.

⁴ А. В. *Ерлыгин*. Сурский и Казанский оборонные рубежи. Документальное историческое повествование. Чебоксары. 2015. С. 32, 42–45.

ник строительства шестого ВПС Казанского рубежа **Н. Г. Морозов**, который был мобилизован на стройку в 16 лет, вспоминает, что «питались в основном картошкой и хлебом», «все копальщики были в лаптях, они удобны и легки»: «Тракторов не видел. Мёрзлую землю копали вручную, ломками, лопатами, кирками. Научились откалывать большие куски земли. Нормы выработки надо выполнять. Работали не менее 12 часов ежедневно. Много больших».

Здесь же приводятся воспоминания художника **Н. Яковлева**, которого вместе с другими строителями разместили в одной из деревенских изб: «Утром на рассвете уходило копать, в темноте возвращаемся. Негде греть воду, не только кипятить, вот и пьём ледяную воду. От этого все кашляют. Я заболел бронхитом. Портянки сушим, подстилая под себя». Он также приводит ежедневные нормы питания «для рабочих и служащих городов»:

«Хлеб — 800 г.,
крупы — 35 г.,
мясо — 40 г.,
жиры — 10 г.,
картофель и овощи — 600 г.».

Труженица тыла **К. В. Плотникова** вспоминает, что «при сильных морозах землю сначала оттаивали кострами, а затем её кусками откалывали с помощью клиньев»: «Понимали, что это нужно, чтобы отстоять Родину от немецких захватчиков. Брались за лом и долбили замёрзшую за ночь землю, приложив все усилия».

Так же в книге опубликованы воспоминания ещё одного 16-летнего бойца **В. К. Симсова**, который отмечает, что «части колхозников приходилось жить в палатках или шалашах, наскоро собранных из хвойных лапок, соломы, хвороста (отапливаемые землянки были построены позже): «Люди старались изо всех сил. В развернувшемся социалистическом соревновании застрельщиками были комсомолец авиационного завода, не отставала от них и бригада № 4 колхоза «Комбинат». Они приняли решение отчислить однодневный заработок на строительство бронепоезда «Комсомол Чувашии». Их примеру последовали и другие бригады».

С учётом стоявших морозов, однообразного и скудного питания, недостаточности тёплой одежды, люди заболевали. Данных о медико-санитарной организации работы крайне мало. Из отчёта

о работе второго ВПС следует, что на каждом прорабском участке амбулаторный приём ведёт один врач. Посещаемость амбулаторий на каждом участке достигает 60 человек в день.

«Заболеваемость колеблется от 0,13–3,5%, по всем участкам 0,9–1,3%. Наиболее часто встречаются простудные заболевания: грипп, бронхиты, ангины, конъюнктивиты, ревматизм. Много трахомы второй стадии. Лихорадящих больных врачи берут под наблюдение, и если в течение трёх дней температура не падает, направляется в районную больницу для уточнения диагноза. Например, на втором прорабском участке больной два дня лежал с температурой 39. Врач направила больного в шумерлинскую больницу. Через два дня выяснилось, что у него грипп», — говорится в документе.

Медицинская помощь на месте строительства не оказывалась, врачи на место стройки также не выезжали. Люди обморачивали конечности, падали в рвы, были случаи обвала при разработке грунта.

На строительстве были организованы дезотряды, для предотвращения завшивленности топили бани. Для помывки использовались бани ближайших деревень, ежедневно по всему второму ВПС топились по 30 бань. Врачами участков был составлен график посещения бань рабочими «не реже двух раз в месяц, но этот график не выдерживается». В справке о медико-санитарном обслуживании по 12-му армейскому управлению оборонстроя НКО СССР сообщается, что рабочие «размещаются по квартирам без санитарной обработки, отсутствуют элементарные правила санитарных условий»:

«Рабочие в бане моются редко, вследствие чего среди них имеется завшивленность, а из этого и распространение инфекционных заболеваний».

Сохранилось «объяснение» по Порецкому району, где говорится, что 23 ноября 1941 года рабочим Анастасовского сельсовета была «дана увольнительная (вымыться в бане) ввиду того, что в землянках обнаружены случаи завшивленности и заболевание тифом».

Из отчёта второго ВПС следует, что каждый день на участках освобождались «к врачу до 60 человек, из которых оказывается 10–15 больных». У некоторых здоровье было подорвано, были и умершие. В объяснительной записке по организации рабочей силы по Порецкому району поясняется, что дополнительно мож-

но мобилизовать «около 5 300 человек, из них работали: 24 ноября 5 002 чел. И 25 ноября 5 164 человека»:

«Возможных 5 300 человек полностью не работают ввиду того, что много естественной убыли по болезни, в особенности среди женщин».

Данных о том, сколько человек погибло по болезни, пока найти не удалось.

Напомним, на территории Чувашии было организовано шесть военно-полевых сооружений (ВПС). По Сурскому строительному рубежу — с центрами в Ядрине, Шумерле, Порецком, Алатыре. Два ВПС были на Казанском направлении: в селах Октябрьское и Янтиково

Для строительства оборонительных сооружений необходимы были военные инженеры — в Чувашии такие специалисты если и были, то единицы. Имеющиеся технические специалисты ушли на фронт. В первое время это всё это сильно сказалось на организации работ, вплоть до простого понимания того, как ставить задачи рабочим и как именно рыть окопы и траншеи. Из-за сжатых сроков рекогносцировочные данные порой «опаздывали» за стройкой, создавая угрозу срыва работ и доводя положение до «чрезвычайного».

В архивах приводятся, пожалуй, наиболее вопиющие случаи, которые происходили из-за недостатка знаний и опыта по рекогносцировке.

«Рабочие не расставлены, как это следовало бы; работают они скопом, подчас мешая друг другу. Одна и та же работа выполняется несколько раз только потому, что рабочим не было показано, с какого конца нужно начинать рыть ров, как разравнивать землю. Такое положение привело к тому, что выброшенная земля не была своевременно разровнена, она смерзлась и теперь её снова приходится разбивать, тогда как её можно и нужно было сразу раскидать на известную толщину. На 6-м участке бригады не разбиты на звенья, отдельным рабочим не отводится участок работы, исходя из установленных норм. Все это приводит к обезличке в работе, кто роет землю, а кто и так расхаживается», — пишет в докладной в самом начале строительства, 10 ноября 1941 года, контролёр уполномоченного КПК при ЦК ВКП (б) по Чувашской АССР Иванов о работе шестого участка ВПС (военно-полевого строительства).

Он также констатирует, что рекогносцировка не закончена. А на отдельных участках (Красноармейском, Шахизановском)

противотанковые рвы и эскарпы сооружаются, «мало учитывая рельеф местности»:

«Например, на крутых склонах кое-где проводится излишняя земляная работа. Отступя на 3–4 метра выше или ниже установленной линии, во многих местах можно было сократить земляную работу без всего ущерба для дела. Это дало бы возможность значительно ускорить завершение земляных работ».

На втором ВПС у одного из рекогносцировщиков были выявлены «такие дефекты, которые сводят» на нет уже сделанную работу.

«К примеру, на четвёртом строительном участке (Советский район) произведена вырубка и очистка кустарника на площади 39 га, оказавшаяся впоследствии ненужной работой. На этом же участке произведены работы по устройству эскарпов протяжением в 2962 погонных метра, оказавшиеся также ненужными ввиду естественных препятствий... В Ядринском районе на третьем участке точки номер 1 и 3 сделаны неправильно ввиду неверных нулевых линий, между тем, эти точки закончены работой на 95%... Точки номер 3, 7, 8, 9 сняты, невзирая на то, что работа по ним выполнена в значительном размере», — констатирует в докладной записке начальник первого ВПС **М. Терентьев**, отправленной 29 декабря 1941 года.

Начальник четвёртого ВПС **Ерёмин** в докладной записке от 28 декабря 1941 года отмечает, что «привязка огневых точек на местности по местным ориентирам доходила до смешного»:

«Это тогда, когда точки привязывали к несуществующему мосту или стогам сена, которые через некоторое время увозились колхозами (5-й участок). Со стороны ВПС 4 подмечались ненормальности в работе рекогносцировщиков, но это мало что помогло, а если и помогло, то с очень большой медлительностью...

Полная безответственность со стороны группы рекогносцировщиков тормозило и продолжает тормозить строительство. Управление ВПС 4 до настоящего времени не имеет общей схемы рубежа, подписанный старшим руководителем рекогносцировочных группы, и полной ясности в объёме работ по окончании каждого батальона в отдельности. Частое изменение схем и их несвоевременное представление участкам отражается на невозможности создания хотя бы шестидневного плана работы участкам и графика производственных работ. Как пример можно привести участок № 5, где схема только по переднему краю обороны заменялась до семи раз».

В одном из отчётов о работе второго ВПС откровенно говорится, «командиры саперных рот показывают полнейшую неграмотность». Так, одна из рот третьего саперного батальона «срубила срубы огневых фланговых точек, левых, а по формуляру рекогносцировки требуется дать правофланговую точку»:

«Командир роты не растерялся и нашёл «выход» — перевернул сруб вверх дном и установил её в котлован, но так как огневая точка не симметрична, то оказалось, что второй номер пулеметно-расчёта на правой стороне поместиться не может.

Командир роты третьего сапёрного батальона нашёл на трассе какой-то вбитый кол (причём только один кол) и решил, что здесь должна быть огневая точка. Выбрал котлован, но впоследствии только догадался, что ему надо куда-то иметь направление амбразуры и оказалось, что котлован вырыт не на том месте (кольшек был вбит топографом для вспомогательных работ)».

Но эти трудности также закаляли. В Чувашии учились военно-инженерному делу на практике и проявляли инициативу, чтобы ускорить оборонительные работы, хотя и не всегда их одобряли. Наиболее ярким свидетельством этому является отчёт о работе второго ВПС за время работы с 1 ноября по 19 декабря 1941 года.

«Основной технической документацией служит альбом по фортсооружениям. Но в альбоме нет совершенно разработок, как каменный тьюфяк, шпору, заложенный на цементном растворе, заменить на деревянное. Это немало сдерживало работу по сооружениям. Получили чертежи с разработкой деревянного тьюфяка и шпоры от 12-го армейского управления Главоборонстроя. Мы получили после 10-го декабря, хотя ВПС, не дожидаясь чертежей, ошупью, своими силами, кое-как нашёл решение этого вопроса.

Можно привести как пример недостатки консультации по фортсооружениям. По условиям местности есть смысл делать врезные точки в берега и эскарпы, которые хорошо можно замаскировать, но на них нет ни чертежей, ни разработок. ВПС, используя основные элементы огневых типовых точек из альбома, разработал тип этих сооружений и послал его на утверждение в 12-е армейское управление в производственный отдел. Начальник производственного отдела 12-го управления тов. Геращенко дал 8 декабря заключение: «Ввиду существенных недостатков врезной точки, к производству допущена быть не может», чертежи на врезные точки нами будут даны.

Я вызвал тов. Герашенко к телефону по этому вопросу, какие именно имеет проект дефекты, чтобы их устранить. Герашенко сообщил, что можете и по нашему проекту проводить работу в отдельных случаях. У кого найдётся смелости после этой бумажки дерзнуть возводить сооружение, к производству недопущенного?».».

В разработке фортсооружений, помимо населения, участвовали рекогносцировочная группа Генштаба по оборонным сооружениям, сапёрные и гужетранспортный батальоны, топографический отряд, управления оборонных работ, стройбат, отдельный батальон войск НКВД и ряд других подразделений.

Затем в Чувашию прибыли рекогносцировочная группа и 12 армейское управление оборонных работ НКО. Они форсировали и корректировали проведение работ. Также проводилось на местах обучение бойцов.

Несмотря на нечеловеческие условия, директива Госкомитета Обороны по возведению Сурского оборонительного рубежа и Казанского обвода в пределах Чувашии была выполнена в установленные сроки. Строительство на Сурском рубеже закончено за 45 дней, 20 января 1942 года, Казанском — 25 января 1942 года, причем ряд полевых строителей (Алатырь, Порецкое, Шумерля, Янтиково) закончили досрочно.

По данным Госархива современной истории Чувашии, за период строительства выполнен огромный объем работы на протяжении 380 км: вынута 4 897 000 кубометров земли, построено 1 600 огневых точек (дзоты и площадки), 1500 землянок и 80 км окопов с ходами сообщений. Производительность труда на земляных работах составляла 1,42 кубометра на человека в день. На строительство было затрачено 5 329 000 человеко-дней.

А. В. Мартынов

ДМИТРИЙ ЖУКОВ, ИВАН КОВТУН.
ЦВЕТЫ НЕНАВИСТИ. РУССКОЯЗЫЧНАЯ
АНТИСЕМИТСКАЯ ПРОПАГАНДА
НА ОККУПИРОВАННЫХ ТЕРРИТОРИЯХ.
М., 2018

Немецкий историк Вольфрам Ветте не без иронии писал, что «германский вермахт, конечно, проиграл II Мировую войну, зато добился победы после 1945 года, а именно в борьбе за представление о себе в глазах общественности — немецкой и международной»¹.

В принципе, эти слова можно отнести и к отечественной коллаборации, представители которой сформировали устойчивый миф, согласно которому они лишь использовали нацистскую Германию как временного союзника в борьбе за освобождения России от большевизма. Согласно этому мифу, коллаборанты не совершали преступлений, а, напротив, сами стали жертвой гитлеровцев. В частности, редактор власовской газеты «Воля народа» Александр Казанцев (Като) называл стремление вермахта использовать части Вооруженных сил Комитета освобождения народов России (ВС КОНР) «ударом в спину и Освободительной армии, и движению в целом». Ведь «политически это было убийством... выступая против советских частей, они (власовцы. — А. М.) должны были выступить, как защитники Берлина... Со стороны немцев

¹ *Ветте В.* Гитлеровский вермахт. Этапы дискуссии вокруг одной немецкой легенды // Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа. М., 2005. С. 541.

это было открытой провокацией, — дискредитировать части Движения как прямых пособников Гитлера»².

Естественно, согласно коллаборационистской мифологии, власовцы и иные пособники нацистов не были ответственны и за Шоа — гибель европейского еврейства. Московские историки Дмитрий Жуков и Иван Ковтун разоблачают этот миф.

Анализируя место антисемитской пропаганды в политике Третьего рейха, они подчеркивают, что ее радикальные формы, «безусловно, являлись наиболее характерной чертой идеологии и практики национал-социалистической Германии» (с. 7). Ученые отмечают «расово-террористический характер войны с Советским Союзом» (с. 35). Также ими представлена структура германской пропаганды и место в ней коллаборантов.

В исследовании анализируются различные формы и методы антисемитской пропаганды («технологии лжи»). Авторы знакомят читателя с основными ее видами: листовками и воззваниями, плакатами, радио- и кинопропагандой, газетами, журналами, брошюрами. Общее число периодических изданий превышало 500 наименований, а их тиражи колебались от 1 500–5 000 (районные газеты) до 150 000–250 000 (газеты таких крупных центров, как Смоленск или Орел). Наибольший тираж имели издания, адресованные чинам коллаборационистских формирований (500 000–682 000) (с. 157).

Одновременно историками рассмотрены основные темы антисемитской риторики. К ним, в числе прочего, относятся утверждения о «еврейских корнях» революции в России (с. 182), «еврейском засилье» в СССР (с. 190). Также писалось о связи еврейства с «мировой плутократией» (с. 257) и «виновности» в развязывании II Мировой войны (с. 279).

Отдельно ученые пишут, какую роль в ней играли русские эмигранты и коллаборанты на оккупированных нацистами территориях.

Касаясь эмигрантов, Жуков и Ковтун поднимают малоизученную проблему участия русских изгнанников в становлении нациз-

² Казанцев А. Третья сила. Россия между нацизмом и коммунизмом. Франкфурт-на-Майне, 1974. С. 306. Интересно, что Казанцев, обвиняя немцев, использует язык национал-социалистической пропаганды. «Удар в спину» (Dolchstoßlegende) — мифология, согласно которой, поражение Германии в годы I Мировой войны было обусловлено предательскими действиями части населения (евреи, социал-демократы).

ма. В частности, еще до прихода гитлеровцев к власти в Германии функционировало общество «Возрождение» (Aufbau), созданное главным финансистом НСДАП, погибшим в ходе «пивного путча», Максом Эрвином фон Шойбнер-Рихтером. Целью Aufbau было сближение консервативных сил русского зарубежья и нацизма. В нем, в числе прочих, работали будущий глава министерства оккупированных территорий Альфред Розенберг, генерал Эрих Людендорф и будущий руководитель управления делами русской эмиграции в Германии генерал Василий Бискупский (с. 15)³.

Анализируя власовское движение, исследователи справедливо пишут, что «вопреки распространенному мнению», его пропаганда «была пронизана антисемитизмом. При этом речь идет не о какой-то “уступке” нацистам (как об этом писали после войны сами власовцы и их апологеты), а в большинстве случаев совершенно осознанной — хотя и зачастую конъюнктурной — идеологической позиции лидеров» (с. 350).

Действительно, даже первые 33 номера власовских газет «Заря» и «Доброволец», которые, по мнению некоторых мемуаристов и исследователей, вышли фактически без всякой цензуры, тем не менее, содержали достаточно риторики, направленной против евреев.⁴ Имели место рассуждения о «еврейском засилье», «воинствующем жидовстве», «проклятье иудеобольшевикам», борьбе против «всеподчиняющего, всех гнетущего господства сынов Израиля»⁵. В «Добровольце» прямо объяснялось, что «наш враг — жидовство — пытавшееся отнять у нас наши лучшие чувства — товарищество, взаимоуважение и взаимопомощь и насадить в наших душах взаимное ненавистничество, чтобы нас поработить, грабить нас и жить всласть нашими трудами»⁶.

Касаясь оппортунизма лидеров движения, Жуков и Ковтун приводят свидетельство начальника 583-го тылового района генерал-лейтенанта Оскара ван Гинкеля — Власов посетил под-

³ Подробнее о взаимоотношениях Русского зарубежья и нацизма см.: *Kellogg M. The Russian roots of Nazism. White emigres and the making of Nazional Socialism 1917–1945. Cambridge, 2005.*

⁴ *Кутаев М. Русское освободительное движение // Мартынов А. (ред.). История отечественной коллаборации: Материалы и исследования. М., 2017. С. 95; Steenberg S. Vlasov. New York, 1970. P. 101.*

⁵ Заря. 1943. 10 марта; Заря. 1943. 25 мая; Доброволец. 1943. 14 марта (респуб. Заря. 1943. 17 марта).

⁶ Доброволец. № 1. Январь 1943.

ведомственную ему территорию в ходе поездки в группу армий «Север»: «Все, что исходило от него в разговорах, выступлениях и высказываниях на чей-то счет, сводилось к одному... в помешательстве русского духа виноваты евреи» (с. 354). В дополнение к книге можно сказать, что после войны власовцы всячески старались скрыть свое участие в Холокосте. Иногда ради этого ими сочинялись фальшивые источники.

Так, в частности, полковник ВС КОНР Владимир Поздняков в своей книге о Власове приводил свидетельство экономиста профессора Александра Билимовича⁷, в котором генерал признавался мемуаристу:

«Недостает мне евреев... Скажу откровенно, я не разделяю антисемитских увлечений. Это немецкая, а не русская позиция. Мы всегда были терпимы ко всем народностям, и в этом наша особенность. Не стоит отрезаться от этого... Разве прилично делать выступления против евреев после проведенного гитлеровцами их физического уничтожения и при предательском отношении к ним советской власти во время войны»⁸.

По мнению внучки профессора, американского слависта Ольги Матич, Билимович подобное «не мог написать».⁹ Во-первых, она отрицала возможность самого факта его встречи с лидером ВС КОНР. В 1944–1945 гг. ученый «был занят отъездом из Любляны — об этом у меня есть письма маме»¹⁰. Во-вторых, в отличие от приведенных Поздняковым «воспоминаний», «к нему не могли приходиться в редакцию (он в редакции никогда не работал, а всегда был профессором) офицеры (с ними он вообще не имел дела)»¹¹. Наконец, текст написан словами и выражениями, «которые дед не использовал»: «вождь», «людьми его настроения ки-

⁷ В книге Позднякова: Билимович.

⁸ Поздняков В. В. Андрей Андреевич Власов. Сиракузы (США), <Буэнос-Айрес>, 1973. С. 203.

⁹ Письмо Ольги Матич автору от 12 ноября 2016. Личный архив Мартынова (ЛАМ).

¹⁰ Татьяне Александровне Павловой (урожд. Билимович).

¹¹ Ср.: «Ко мне приходили в редакцию старые офицеры Белой армии... приходили и представители русских рабочих, и русские мужички и просили сообщить им более подробные сведения о генерале Власове» (*Поздняков В. В. Андрей Андреевич Власов. С. 202*).

шела интеллигенция», «мужички» (в последнем случае «он всегда говорил крестьяне»)¹².

Возвращаясь к книге, необходимо сказать, что, историки, как представляется, абсолютизируют факт антисемитизма во власовском движении. Следует отметить, что, ни в одном из программных документов, как, например, «Смоленское воззвание» (1942), «Открытое письмо генерала Власова» (1943), «Пражский манифест» (1944), не содержится заявлений, направленных против евреев. Вероятно, это привело к разочарованию в нем немцев. Так, доктор Эберхард Тауберт (рейхсминистерство пропаганды), написавший в свое время сценарий к фильму «Вечный жид», отмечал: «Власовское движение не национал-социалистично... Важно и то, что оно не борется с еврейством и вообще не признает еврейского вопроса»¹³.

Из других мифов, созданных коллаборантами, можно отметить утверждение, будто они не знали о существовании концлагерей. Важно учесть, что часть предателей рекрутировалась в РОА не из числа лиц, прошедших лагеря военнопленных, а напрямую из концлагерей, в частности, из Бухенвальда, «где под осень 1943 года... появились вербовщики во власовскую армию. Их представители ходили по баракам и рассказывали пленным, кого они представляют и за что борется их армия. Большая ставка делалась на плохое питание и неважные условия содержания пленных»¹⁴.

Когда-то французский философ Ролан Барт писал, что «миф — это похищенное и возвращенное слово... Просто... при возвращении его поставили не совсем на свое место»¹⁵. Важно только иметь в виду, что в итоге, вне зависимости от того, содержит миф положительную или отрицательную коннотацию, он остается ложью.

¹² Письмо Ольги Матич автору от 11 ноября 2016. ЛАМ.

¹³ Двинов Б. Власовское движение в свете документов. (С приложением секретных документов). Нью-Йорк, 1950. С. 121.

¹⁴ Асташкин И. Исповедь везучего человека // Архив Дома Русского зарубежья имени Александра Солженицына (АДРЗ). Р-388. Л. 67 об. См. также: Дубицкий Б. П. Скитания по мукам // АДРЗ. Р-362. Л. 16. См. также: Мартынов А. По обе стороны правды. Власовское движение и отечественная коллаборация. М., 2014. С. 59–60.

¹⁵ Барт Р. Мифологии. М., 1996. С.251.

Владимир Шаронов

СТАРЫЙ ФОТОСНИМОК МОГИЛЫ Л. П. КАРСАВИНА МНОГИЕ ДЕСЯТИЛЕТИЯ СКРЫВАЛ ТОЧНУЮ ДАТУ ЕГО СМЕРТИ

Если вспоминать обстоятельства жизни Льва Платоновича Карсавина под углом собственно религиозным, то в его земном пути и творчестве начинают проявляться черты, указывающие на то, что Провидение определило этому историку, мыслителю и поэту назначение совершенно особенное и отличающее от многих фигур русской религиозной философии. Об этом свидетельствует не только его жизнь, его смерть, но история посмертного обнаружения могилы, разорвавшая дурную бесконечность безымянных лагерных погостов. Но оказалось, что история смерти Льва Карсавина была не дописана до конца.

Чаще всего имя Карсавина упоминается в общем ряду изгнанников 1922 года, но, строго говоря, его личная эмиграция началась задолго до этой даты, когда вначале он, молодой ученый, посмел нарушить своей диссертацией методы и границы, считавшиеся классическими в исторической науке. Только в наше время эту дерзость оценят как подходы, опередившие те, что создали мировой авторитет Люсьену Февру и Марку Блоку. Мечтавший о налаженной жизни академического профессора семьянин Карсавин вдруг осознанно и одновременно безрассудно возмутит столичное академическое и церковное сообщество историей своей страстной любви, которую не только не станет скрывать, но станет вызывающе демонстрировать. О ней он с вызовом возвестит

в небольшой книжке «Noctes Petropolitanae», вместившей главные идеи его метафизики. Ее текст — это сплав редкой эрудиции, умозрительных спекуляций, мистических откровений и интимных подробностей отношений с возлюбленной стал заявкой Карсавина на статус оригинального и значительного мыслителя. Талантливому философу и медиевисту в нем признают, но так никогда и не сочтут своим, чем позже, в эмиграции, фактически вытолкнут из парижского круга тех, кто составил собой профессорский корпус Свято-Сергиевского института. Он вынужден будет уехать в маленький, глубоко провинциальный Каунас, когда этот город еще трудно было именовать европейской столицей. Высланный из страны лично Лениным, он, православный религиозный мыслитель, осмелится стать гражданином новой империи, в которой в тот момент уже четверть века тотально и безжалостно утверждалась атеистическая идеология большевизма, и было невозможно сосчитать, сколько людей с взглядами подобными карсавинским уже были давно расстреляны и продолжали методично уничтожаться. И много еще было такого, что Лев Платонович соединил своей жизнью, что соединяться не должно и что-то, казалось бы, и соединиться никогда не может. Именно это позволило его единственному ученику и философскому последователю Анатолию Анатольевичу Ванееву, утверждать, что жизнь и философия его учителя есть

«действительное двуединство произведения и конкретной биографии автора, его интеллектуально-творческой жизни, с одной стороны, и его реальной судьбы — с другой. В них христианская идея находит себя в конкретном и, наоборот, живое конкретное внутренне напряжено настолько, что разрешается в идею. В этом — вообще ключ к религиозно-философскому творчеству Л. П. Карсавина»¹.

Но Льву Карсавину суждена была не только полная парадоксов жизнь, но и отмеченная чертами высшего избранничества христианская кончина с последующей победой над неотвратимостью забвения места последнего упокоения. Несколько елей, тайно высаженных на могиле Владасом Шимкунасом — заключенным и опекуном больного Карсавина — выжили и поднялись стеной

¹ Ванеев А. А. Очерк жизни и идей Л. П. Карсавина // Ванеев А. А. Два года в Абе-зи. В память о Л. П. Карсавине. Приложения. Брюссель, 1990. С. 335.

в тундре. И когда после ликвидации лагеря на его месте возник оленеводческий совхоз, эти деревья не дали стадам уничтожить не только колышек с деревянной табличкой, но и сам могильный холмик. А сделанные Владасом Никодимовичем, как его именовали русские друзья, фотографии, из конспиративных целей отпечатанные зеркально, помогли установить место, которого так недо- ставало духовному строю Русской Голгофы, где многие «испыта- ли поругания и побои, терпя недостатки, скорби и озлобления» (Евр. 11 : 36, 37).

Снимок могильного холмика с елочками и табличкой «II-II» впервые попал мне в руки в середине 1980-х, когда вдова Анато- лия Анатольевича Ванеева Елена Ивановна передала его мне вме- сте с другими документами и фотографиями. В полной уверенно- сти в безуспешности поисков могилы? я все же уступил друзьям, настаивавшим на исполнении усилий и воли Ванеева и Шимкуна- са, стал собирать сведения о приметах, разыскивать бывших абезь- цев. Небу было угодно, чтобы могила Карсавина в 1989 году была установлена². Поэтому, когда через тридцать лет, в очередной раз, приехал в Вильнюс для работы в архивах, в фонде Владаса Шиму- канаса мне встретился еще один отпечаток давно знакомого фото, каких-либо открытий от него я совсем не ожидал. Я и в руки его взял скорее под влиянием воспоминаний о давних событиях. А за- думавшись, рассматривая, машинально перевернул, как только что переворачивал важные фотографии, и... На обороте снимка ниже номера единицы хранения фонда «F 151-3» знакомым почерком Шимкунаса по-литовски было написано:

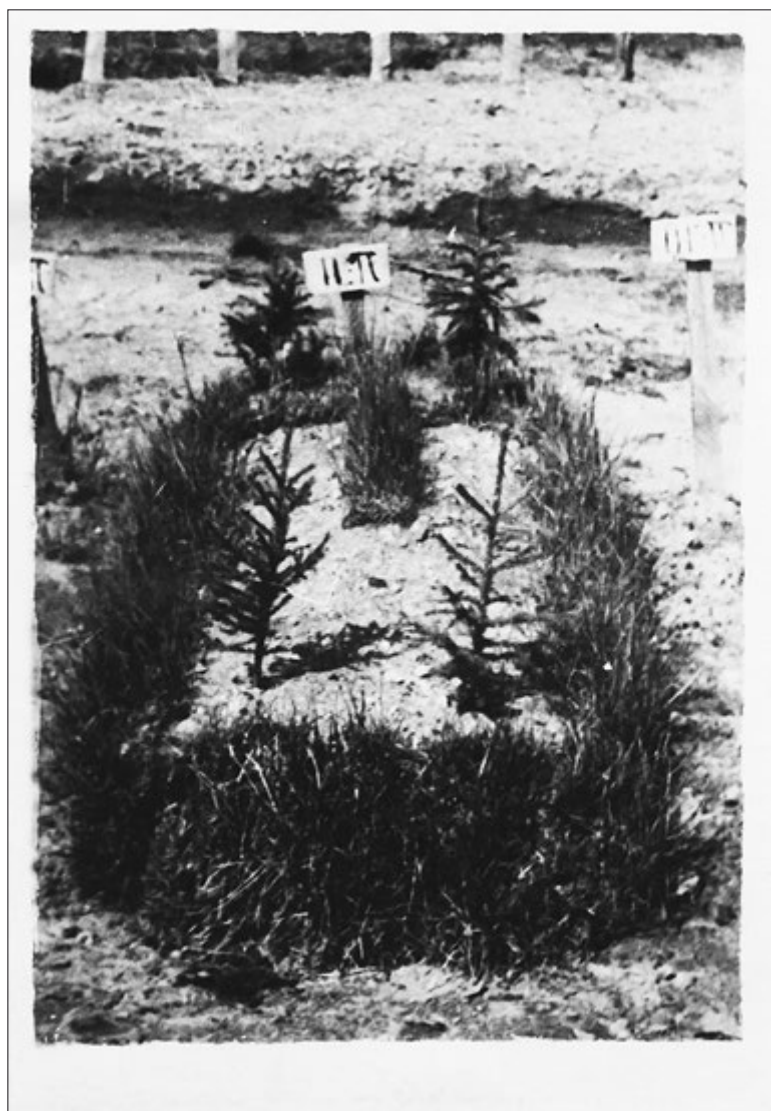
«Профессор Лев Платонович Карсавин, могила Абезь, Ко- ми АССР, Кожвинский район, 1955 лето (смерть 1952 м. июль 17 дня)»³.

Так почти случайно этот снимок открыл фактическую дату дня смерти большого русского мыслителя!

С этой записью многое встало на свое место. Во-первых, ста- ло понятно появление другой даты, указанной Э. Ф. Зоммером —

² См. подробнее: Шаронов В. И. «Он всегда был русским ...» // Русская мысль. Париж. № 3828. 18 мая 1990.

³ Vilniaus universiteto bibliotekos rankraščių skyrius (Отдел рукописей Библиотеки Вильнюсского университета). F. 151-3/

F 151-35

Profesorians Lens
Platonovians Lensarins
Kapas Abernye,
Komi ASSR, Ibtikas-
nij rajon, 1955 netois
(Mire 1952 m. liapas
17 dieng)

12.7.1952⁴. Разночтение объясняется либо сходством написания цифр 2 и 7, либо небрежностью записи или плохим почерком писавшего. Конечно, не стоит забывать о возможных помятостях и потертостях бумаги в условиях длительного хранения при постоянных лагерных обысках.

К тому же на 20 июля 1952 года выпадало воскресенье, а в воспоминаниях Ванеева это обстоятельство совсем не отражено, хотя Анатолий Анатольевич скрупулезно отмечал все сколь-нибудь значительные детали дня смерти Карсавина, включая ярко светившее над Абезью солнце, подробности поведения обитателей палаты.⁵ В выходной день обхода врачей в Абезьском лагере не проводилось, а Ванеев сообщает, что до прихода Шимкунаса, известившего о полчаса назад случившейся смерти Льва Платоновича, он «приготовился подремать до врачебного обхода»⁶. И Ванеев же пишет, что «захоронение было произведено на третий день»⁷. Конечно, самым важным в определении степени достоверности записи на обороте вильнюсской фотографии является указание Анатолия Ванеева на то, что именно Владас Шимкунас, исполнял в Санитарном отделении лагеря обязанности патологоанатома (это подтверждают и многие документы Вильнюсских архивов), и что Шимкунас лично произвел вскрытие тела Карсавина⁸.

Разумеется, нуждается в комментарии наличие официального Акта о смерти заключенного Л. П. Карсавина, в котором указана дата и время его смерти — 20 июля 1952 года 7 часов 30 минут. Он подписан начальником Инфекционной лагерной больницы В. И. Мельниковой, лечащим врачом М. Г. Сологубом и дежурным надзирателем Церелунгой⁹. Можно уверенно утверждать, что совокупность множественных свидетельств и признаков твердо указывает, что данный документ представляет собой образец обычной лагерной «туфты». Очевидно, что Акт был составлен позже при самом непосредственном участии самого хитроумного Вла-

⁴ Sommer E. F. Von leben und Sterben eines russischen Metaphysikers. Ein verspätetes Nachruf auf Leo Karsavin † 12.7.1952 // *Orientalia Christiana Periodica*. Roma. 1958. XXIV. P. 129.

⁵ Ванеев А. А. Два года в Абези // Ванеев А. А. Два года в Абези. С. 182.

⁶ Там же. С. 181.

⁷ Там же. С. 187.

⁸ Там же. С. 185.

⁹ L. Karsavino baudžiamojbyla (Дело Льва Карсавина) // *Lietuvos upatingasis archyvas* (Особый архив Литвы). F. 158. P. 270

даса Шимкунаса: «ошибочной» датой смерти он скрывал затянувшиеся сроки захоронения, чтобы с гарантией поместить в тело Карсавина флакон с эпитафией, написанной Анатолием Ванеевым. Подписанты же, привыкшие оформлять подобные документы стопками и во множестве, с особой тщательностью к сверке дат не относились: «Днем раньше, днем позже... Какая, в сущности разница для атеиста — не врача, а коновала», как назвал его сам Карсавин¹⁰? Куда большее значение для подписывавших официальные документы об усопших имела точность в указании статей и назначенных сроков.

Таким образом, еще одним исполненным смысла знаком памяти о русском религиозном мыслителе Льве Платоновиче Карсавине стало то, что заупокойную молитву о нем мы можем произносить 17 июля — в тот же день, когда Русская Православная Церковь вспоминает о гибели царских страстотерпцев Николая Александровича, Александры Федоровны, Татьяны, Марии, Анастасии, Алексея Романовых и оставшихся им верными до последнего вздоха рабов Божьих, православных христиан Евгения Боткина, Ивана Харитонов, Анна Демидова и Алексея Трупп, католика по вероисповеданию.

¹⁰ Ванев А. А. Два года в Абези. С. 52.

Л. Кацис

ЗАМЕТКИ ЧИТАТЕЛЯ ИСТОРИКО-
ФИЛОСОФСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.
Х. БОРИС ПАСТЕРНАК И «ДОКТОР
ЖИВАГО» МЕЖДУ Л. ФЛЕЙШМАНОМ
(2009–2013) И П. МАНКОЗУ (2013–2019)

P. Mancosu. The Hunt for the Seventh Transcript // Across Borders: 20th Century Russian Literature and Russian Jewish Cultural Contacts. Essays in Honor for Vladimir Khazan. Ed. By L. Fleishman and F. Poljakov. Stanford Slavic Studies. Vol. 48. Peter Lang. Berlin, 2018. Pp. 585–622.

P. Mancosu. Zhivago's Secret Journey: from typescript to book. Hoover Institution Press / Stanford University. Stanford Ca, 2016. 276 p.

Страна желает первородства.
И, может, в этом добрый знак —
Ахматова не продаётся,
не продаётся Пастернак.

Андрей Вознесенский

Юбилейный сборник В. И. Хазана подарил нам одну столь же важную, сколь и странную публикацию, посвященную проблемам выхода в свет на деньги ЦРУ романа Б. Пастернака «Доктор Живаго». Причем не просто очередную публикацию на эту тему, а одно из продолжений уже трех монографий сверхновой звезды мирового пастернаковедения, профессора истории рационализма в математике и логике с XVII века до наших дней из Университета в Беркли, работающего с русскоязычным помощником, кото-

рый однажды уже оказался соавтором. Кроме трех, опубликованных пятью изданиями, книг:

1) *Paolo Mancosu. Inside the Zhivago Storm: The Editorial Adventures of Pasternak's Masterpiece*. Milan: Feltrinelli, 2013. 402 p; появление материалов ЦРУ в 2014 г. привело к необходимости итальянского перевода, более чем на 120 страниц превышающего английский оригинал: *Paolo Mancosu. Zivago nella Tempesta. Le avventure editoriali del capolavoro di Pasternak*, Feltrinelli, Milano [Italian translation of Mancosu 2013 with a new introduction for the Italian edition]. На следующий год — *Paolo Mancosu. Zhivago's Secret Journey: From Typescript to Book*, Stanford: Hoover Institution Press, 2016. 276 p.;

2) *Paolo Mancosu. Smugglers, Rebels, Pirates: Itineraries in the Publishing History of Doctor Zhivago*. Stanford: Hoover Institution Press, 2015 г. 70 pp.; (*Paolo Mancosu*) Контрабандисты, бунтари, пираты. Перипетии истории издания «Доктора Живаго». М.: Азбуковник. 2017. 130 с.; и, наконец, новейшей книги, вышедшей в марте 2019 г.:

3) *Paolo Mancosu. Moscow has Ears Everywhere: New Investigations on Pasternak and Ivinskaya*. Hoover Institution Press, 2019. 396 p., посвященной проблемам, изложенным в: *Paolo Mancosu, Pavel Borokhov. Sergoi d'Angelos Correspondence with Boris Pasternak and Olga Ivinskaya // Новое о Пастернаках: Материалы Пастернаковской конференции 2015 года в Стэнфорде / Под ред. Лазаря Флейшмана. М., Азбуковник. 2017. С. 218–310; Paolo Mancosu. "We Need to Help the Russians Save Face": The "Ivinskaiia Case" in the West // Russian Literature. Amsterdam. Volumes 100–102. (15 August — 15 November 2018). Pasternak / Edited by Anna Sergeeva-Kliatis. P. 127–220, и наконец, названная по имени новейшей книги статья: *Paolo Mancosu. "Moscow has ears everywhere!": From Pasternak's death to Olga's and Irina's arrests // Wiener Slavistisches Jahrbuch / Vienna Slavic Yearbook. 6. P. 35–121. А разбираемая публикация является дополнительной, но, похоже, далеко не последней, главой книги Манкозу 2016 года.**

Сам Манкозу считает, что понять его публикацию в сборнике в честь В. И. Хазана без предыдущих книг нельзя, поэтому мы будем действовать в полном соответствии с этой мыслью автора, обращаясь к его остальным книгам по мере надобности.

Итак, и большая часть новейшей монографии 2019 г. нам знакома, а удивительная удачливость Манкозу в архивных поис-

ках и его предельная доверительная убедительность в контактах с родственниками участников событий и последними оставшимися могикианами просто потрясает... Но будем помнить и о ней. Ведь тремя своими книгами Манкозу перекрыл объем книг Л. Флейшмана на эту тему¹, не говоря уже о беспрецедентном количестве пастернаковских документов, которые он вводит и вводит в обращение.

Теперь скажем несколько слов по истории вопроса. Все началось в 2008–2009 гг., когда вышли в свет, предваренные докладами в Стэнфорде и Москве непереуведенные с русского языка книги Ивана Толстого: «Отмытый роман Пастернака. «Доктор Живаго» между КГБ и ЦРУ» (М., Время. 2009) и ««Доктор Живаго». Новые факты и находки в Нобелевском архиве» (Praga: Human Rights Publishers, 2010). Сразу же последовали ответы Лазаря Флейшмана 2009 и 2013 гг. Конспект последней книги для Манкозу сделал его помощник.

Итак, перелом очевиден: с 2013 г. мы видим только объемнейшие монографии Манкозу, пересыщенные сенсационными документами, из которых на русском мы имеем лишь небольшой каталог.

Но в 2014 г. вышли в свет те самые файлы ЦРУ, которые полностью изменили ситуацию: *PETER FINN and PETRA COUVEE. The Zhivago Affair. The Kremlin, The CIA, And The Battle Over a Forbidden Book.* Penguin Books. 2014. 352 p. Русский вариант последовал незамедлительно: *Финн П., Кювее П. Дело Живаго. Кремль, ЦРУ и битва за запрещенную книгу.* М., Центрполиграф. 2015. 348 с. Здесь оба автора работали или работают в России, давно занимаются Пастернаком и знакомы с русским языком. При этом голландские ученые не продолжают свои исследования, хотя их книга и переиздается, а Паоло Манкозу работает все активнее и активнее. Более того, один из соавторов еще в 1999 г. опубликовал по-голландски свою первую статью о роли голландской BVD и ЦРУ во всей этой истории. 12 лет ушло на то, чтобы добиться у ЦРУ искомым файлов.

Такая вот экспликация.

¹ Флейшман Л. Встреча русской эмиграции с «Доктором Живаго». *Stanford Slavic Studies.* Vol.38. Stanford. 2009. 473 с.; Флейшман Л. Борис Пастернак и Нобелевская премия. М.: Азбуковник. 2013. 639 с. Книга включает дополнительные по сравнению со Стэнфордской книгой статьи шведских славистов Б. Янгфельдта и М. Юнггрена в соавторстве с Л. Флейшманом.

Поводом для данной заметки послужили публикации новых текстов Пастернака, однако, на сей раз не из частного архива семьи Фельтринелли или Катковых, а просто из РГАЛИ (Манкозу 2018. С. 585–622). При этом важность и принципиальность одного из них способна существенно изменить всю картину.

Собственно говоря, речь идет о записке Б. Л. Пастернака В. (Б.) Сосинскому (Манкозу 2018. С. 612–613). Пройдем ее по порядку.

Прежде всего, Паоло Манкозу сообщает, что документ, датированный в РГАЛИ 15 сентября 1957, на документе даты не имеет. (Манкозу 2018. С. 600).

Попробуем понять, что это может значить. Нет на записке и обращения, хотя сохранилась она именно у Сосинского: «Было бы хорошо выпустить две отдельные книги. Одну, содержащую стихи, написанные после «Второго рождения», и другую, содержащую роман «Доктор Живаго». Ни той, ни другой здесь не издадут. Первой, потому что это стихи о Христе. Второй, потому что это повесть о народе. В предисловии к каждой из книг должно быть сказано, что рукописи были получены таинственными и окольными путями помимо моей воли и изданы без моего ведома. Но даже и в этом случае появление их повлечет для меня неприятности, лишения и даже может быть взыскания. Только тогда они будут не так бесчеловечны, как в том случае, если мне вменяют в вину передачу рукописи и не будут угрожать моей жизни и благополучию близких. Однако и эти опасности не могут удержать меня от желания увидеть стихи и роман напечатанными в том виде, как они написаны» (Манкозу 2018. С. 612).

Однако Манкозу аккуратно указывает, что «... these notes (presumably addressed to Sosinsky», и предполагает, что «... it seems obvious that the document reflects what Pasternak had intended to convey to Sossinsky (or the Chernushkins²) as to what was at stake in the publication of “Doctor Zhivago”» (Манкозу 2018. С. 601).

На первый взгляд, это типичное для Пастернака полу-самоубийственное письмо, типа тех, что он писал в последний месяц перед выходом в свет романа многим и многим людям. Однако нам представляется, что это не совсем так.

Прежде всего, надо помнить, кто такой Б. Сосинский применительно к советской действительности. Лазарь Флейшман пишет

² Похоже, это следы знания русского языка. Речь идет о Черновых.

о нем, как о человеке, который работал в советской миссии в ООН (Флейшман 2009. С. 396; Флейшман 2013. С. 426), который собирал и привозил уже в августе 1958 г. подборки бюро газетных вырезок о романе в Переделкино автору! (Флейшман 2009. С. 75; Флейшман 2013. С. 71).

Окажись эти сведения рядом на с.75, да еще с указанием на мемуары Сосинского о том, что он вывез в сентябре 1957 г. еще и машинопись романа, как ситуация начнет приобретать не совсем понятную двойственность. Более того, в деле передач рукописей Струве и Слониму принимал участие еще один переводчик ООН, как пишет опять же в 1958 г. уже Б. Филиппов: «"Биографический очерк" я получил от переводчика Объединенных Наций, большого книголюбца и собирателя редких книг и рукописей — Геренрота. А он получил из Парижа, по всей вероятности, от переводчика рукописи на французский» (Флейшман 2009. С. 396; Флейшман 2013. С. 426). Только здесь мы узнаем, что и Сосинский работал переводчиком в ООН, а не просто сотрудником. Вернулся он в СССР в знаковом 1960 г.

Не будем забывать, что с участием М. Слонима, В. Андреева и Б. Сосинского было образовано парижское литературное объединение «Кочевье».

Сюда остается добавить сведения Википедии о Вадиме Андрееве: «Приняв советское гражданство в 1948 году, в Советский Союз не переселился, хотя неоднократно бывал там, начиная с 1957 года. В 1949 году уехал в США, жил в Нью-Йорке, получил работу в ООН. Работал в ЮНЕСКО как советский представитель в издательском отделе, в 1959–1961 — в издательском отделе Европейского отделения ООН (Женева)».

Создается ощущение, что советская миссия в ООН и ЮНЕСКО вела какую-то свою игру³. Однако этот вопрос потребует подроб-

³ Когда эта работа находилась в печати, вышла в свет книга, даже ссылка на которую требует специального объяснения: Молотников В. Р. Борис Пастернак или торжество халтуры. М., ИКС-ИСТОРИИ. 2019, многие части этой книги имелись в интернете. Здесь высказывается несколько другая версия борьбы жестких и мягких наследников Сталина вокруг Пастернака. Книга эта написана в безобразно грубом тоне, демонстрирует полное неумение ее автора просто читать стихи и прозу. Однако она содержит ряд документов, которые публикуются ее автором впервые, включая стенограммы писательских и начальственных собраний, которые позволяют увидеть разницу в ситуации до и после Венгерских событий, напрямую повлиявших на судьбу романа и поэта. Ряд фактических поправок также должен быть учтен в комментариях к письмам и биохронике Па-

ного изучения роли и места А. А. Громыко во всех его передвижениях от ООН в 1946–1948 гг. через Лондон с июня 1952 (после описанной им встречи с Пастернаком до отъезда) по апрель 1953 года (здесь интересны связи с сестрами Б. Л. Пастернака и попытка организации под эгидой советского посольства выставки Л. О. Пастернака) и далее уже в Москве с марта 1953 года до февраля 1957 г. первым замминистра иностранных дел, продолжая министерским постом в самое острое живаговское время⁴. Сын Громыко не раз говорил в фильмах об отце про активное участие главы советского МИДа в «деле Живаго», писала о его сочувствии поэту и дочь министра⁵.

стернака. Автором книги учтены и публикации Паоло Манкозу. И здесь человеческая брезгливость не должна препятствовать академической щепетильности.

⁴ Интересные сведения сообщают П. Финн и П. Кюве (Дело Живаго. Кремль, ЦРУ и битва за запрещенную книгу. М., 2015. С. 172, 297): «... в июле 1950 года Международная конференция преподавателей английского языка написала советскому послу в Великобритании, что собирается пригласить Пастернака в Оксфорд». Приводим ссылку: International Conference of Professors of English. The National Archives, London, 1950, FO 954/881. Эти сведения приводятся в рамках перечисления довольно тесных контактов Пастернака с англичанами от 1945 до 1950 гг. После этого голландские исследователи приводят без параллельных комментариев сведения об аресте и допросах О. Ивинской в 1949 г. Нам представляется, что в обычном случае идеи приглашений, подобных тому, что послали в посольство английские учителя целым конгрессом могли бы быть примером восхищения русским поэтом, но в данном случае живым классиком считали Пастернака только самые близкие к И. Берлину и С. Боуре люди, напрямую связанными с М16 и выдвигавшими (открыто или не совсем) Пастернака на Нобелевскую премию во второй половине 1940-х гг. См.: *Катцис Л.* Борис Пастернак и «шекспировские силы» на «культурном фронте» холодной войны. К предыстории «нобелевского» скандала // Вопросы литературы. Ноябрь-декабрь 2014. С. 56–96. Ср.: *Katsis L.* Boris Pasternak and the “Shakespearean Forces” on the “Cultural Front” of the Cold War // *Russian Studies in Literature*. Vol.51. Issue 4. 2015. Поэтому данное приглашение, направленное в Совпосольство, мы рассматриваем как способ давления «шекспировских сил» на Советские власти после ареста Ивинской. А сам ее арест в СССР как форму контроля Пастернака.

⁵ А. А. Громыко внимательно следил за процессами, происходившими в литературной среде и нередко имел по отдельным вопросам, разделявшим общественное мнение, свою точку зрения. Один из примеров — его отношение к Б. Л. Пастернаку. Он тепло отзывался о поэте, считал, что его поэтический дар, огромная эрудиция, широкий круг интересов представляли крупное явление в советской литературе. Э. А. Громыко приводит слова отца о том, что, если бы Пастернак не сделал ничего другого в русской литературе, кроме своих переводов с английского Шекспира, Шелли, с немецкого Гете и Шиллера, с французского Верлена, «то и тогда его заслуги были бы огромными» (с. 185). «Доктора Живаго» Громыко считал не лучшим произведением писателя. Он полагал, что «возможно, главный герой книги не заслуживал похвал» (с. 185). Однако,

Прежде чем сделать следующие выводы, цитируем новообретенный документ РГАЛИ далее: «Сила этого желания (увидеть роман изданным. — Л. К.) велика по-особому и, впервые в жизни, приоткрывает мне природу моих стремлений и их порядок. Начиная с последней войны, в выборе средств и побуждений, которыми я располагаю, все большее, все разрастающееся место занимает некое сверхличное начало, безошибочности которого я благодарно подчиняюсь. Участие этого начала в моих последних работах я обязан их успешности. Особенность этой силы я по противоположности резко и ярко ощутил за работой над переводом Гетевского Фауста. На судьбе этой работы отразилось то, что, пропустив Гетевский текст через себя, я подчинил его некоторой русской закономерности, высшей закономерности русского творческого слова в данное время, которая не допускает сухости, непостоянности и закостенения и оживила духом безусловности все условное в этом произведении и сделала вторую часть трагедии естественной и понятной». (Манкозу 2018. С. 613).

Эти слова о «Фаусте», переводившемся с 1948 по 1953 г., вышедшего в свет в декабре 1953 г. абсолютно четко проецировались Пастернаком на конкретные события его жизни: трагедия Гёте «вся была в жизни... она переведена кровью сердца... одновременно с работой и рядом с ней были и тюрьма, и прочее, и все эти ужасы, и вина, и верность», писал он Ольге Фрейденберг.

Сюда же попадает поразительная фраза из письма А. И. Цветаевой от 26 июня 1953 г.: «Вдруг пошла корректура Фауста, и я стал многое переделывать по непосредственному нынешнему своему побуждению, больше одной десятой всего текста. (...) Между тем, последнее время жило именно требованиями нескончаемых многократных переделок, растягивавших выпуск книги на целые годы» (Пастернак ПСС11. Т. 10. С. 732), и почти через месяц О. М. Фрейденберг писали слова о том, что «Фауст» должен был быть: «Фаустом в моем собственном нынешнем суждении»

по его мнению, «совершенно неоправданной была попытка изолировать этого большого художника слова от коллектива советских писателей» (с. 185–186). Автор пишет, что ее отец был уверен, что Хрущев и не читал «Доктора Живаго» (с. 186). Публично своего отношения к борьбе мнений в литературной среде А. А. Громько не высказывал. По всей вероятности, потому, что проблемы литературы в круг обязанностей главы МИДа не входили. См.: Борисов Ю. [Рец.] // Новая и новейшая история. 2011: naukarus.com/e-a-gromyko-piradova-a-a-gromyko-i-vek-peremen-m-2010.

(Пастернак ПСС11. Т. 10. С. 733). Очень близкие слова находим и в письме от 14–16 сентября 1953 г. Д. Н. и В. П. Журавлевым. Там же и поразительные слова о первых «тетрадах» «Доктора Живаго», которые писались вне той «тяги», которую дало Пастернаку переписывание «Фауста», скажем честно и прямо, после смерти Сталина, в отличие от романа: «Как жаль, что уже написаны три тетради. Они, может быть, будут задерживать и разочаровывать читателя, отбивая охоту браться за четвертую порцию, которая оказывается главной, по тому, как она пишется, какие пласты в ней подняты, что затронуто, что в ней происходит» (Пастернак ПСС11. Т. 10. С. 746).

Понятно, что эти авторские курсивы означают состояние Пастернака именно в момент писания письма и соответствующих глав. Смысл этого «пишется» проясняется в письме к О. М. Фрейденберг 30 декабря 1953 г.: «Ничего нового для меня существенным образом не изменилось, кроме одного, в нашей жизни самого главного. Прекратилось всedневное и повальное исчезновение имен и личностей, смягчилась судьба выживших, некоторые возвращаются» (Пастернак ПСС11. Т. 10. С. 769), и сразу же 31 декабря 1953 г.: «Я уже и в первом письме хотел как-нибудь довести до твоего сознания, не вдаваясь в частности и доказательства, что мне очень хорошо. Я уже и раньше, в самое страшное время, утвердил за собою род независимости, за которую в любую минуту мог страшно поплатиться. Теперь я могу ею пользоваться с гораздо меньшим риском. Тому много причин, много реальных и много воображаемых. Но внешне ничего не изменилось» (Пастернак ПСС11. Т. 10. С. 770).

Здесь осталось сказать, что после 5 марта 1953 г. и смерти Сталина, уже 27 марта появился указ о т. н. ворошиловский амнистии, но между этими датами 14 марта 1953 г. появилась знаменитая статья А. А. Фадеева «Гуманизм Сталина», которую Пастернак в письме к лидеру советских писателей восторженно, если не экзотически, приветствовал (Пастернак ПСС11. Т. 10. С. 722–723). Затем, 26 июня 1953 г. был арестован Берия. Это дата письма А. И. Цветаевой с объяснением переделки «Фауста» в «по непосредственному нынешнему своему побуждению» и расстрел маршала 23 декабря 1953 г. перед самым письмом Ольге Фрейденберг, где поэт говорит о прекращении репрессий и о том, что полностью удовлетворен синхронными (скажем от себя) переделками «Фауста», которые отстали от времени из-за сроков чисто типо-

графских. Не будем сопоставлять эти явно фаустианские ситуации поэта с эпилогом романа и деятельностью Евграфа Живаго!

Мы не будем здесь подробно анализировать письмо Фадееву о сталинском гуманизме вкупе со словами Пастернака из его стихов «Культ личности забрызган грязью...» памяти самоубийцы Фадеева 1956 г. и слов поэта, что этим поступком Фадеев себя реабилитировал. Но все это очень личный и конкретный контекст для Пастернака откровенно фаустианский.

П. Манкозу никакого литературного комментария к анализируемому тексту не дал. Теперь окончание: «Всего больше этой силы, которую я назвал бы общим состоянием национальной мысли, всюду загоняемой внутрь (и это после XX съезда! — Л. К.) в бессловесность и всюду стремящейся вырваться наружу, в романе. Мне кажется, это одно из тех произведений, которое должно являться, когда чаша терпения переполнена и вопиют камни, и личность автора безразлична и только случайный повод для их написания. Как же скрыть такое произведение?» (Манкозу 2018. С. 613).

Для 1957 г. помимо «Культы личности...» есть еще и контекст «Души» того же Пастернака, связанной с возвращением из ссылки семьи П. Маркиша, чьи стихи на смерть Михоэлса Пастернак отказался вспомнить в конце 1955 г.⁶

Если бы нашей целью был только комментарий к феноменально важному документу духовной жизни Пастернака переломного времени между до и после смерти Сталина, до и после космополитической кампании, до и после ареста и казни хленов Еврейского антифашистского комитета и их реабилитации⁷, здесь можно было бы закончить заметку читателя статьи Манкозу, просто констатируя необходимость подробного комментария документов подобного уровня и важности, которые, опять же, заинтересовали только Манкозу.

Однако есть некоторые обстоятельства, опять же находящиеся в письмах поэта, которые заставляют попытаться понять несколько вещей одновременно:

⁶ См. подробно: *Кацис Л.* Перец Маркиш, Авром Суцкевер и Борис Пастернак (к предыстории и истории перевода стихов Переца Маркиша «Михоэлсу — неугасимый источник») // *Идиш: язык и культура в Советском Союзе.* М.: РГГУ. 2009. С. 174–201.

⁷ Заметим, что специалист по «Доктору Живаго» и Пастернаку в Южной Америке, Паоло Манкозу никогда не упоминает большой идишский контекст этой истории хотя бы в Аргентине.

1) Какое отношение имеет наш документ к истории поисков седьмой рукописи «Доктора Живаго», не имеющей, как считает Манкозу, отношения к публикации романа по-русски на Западе?

2) Какое отношение имеет этот текст к истории взаимоотношений Пастернака с советскими властями, препятствовавшими еще публикации итальянского издания?

Насколько можно понять еще из книги 2013 г., Манкозу резко разделяет две эти истории, посвящая им две отдельных главы книги, он не считает нужным следовать за документами ЦК КПСС и КГБ, опубликованными в 2001, хотя и учитывает их в общей схеме. Наконец, исследователь объясняет единство двух глав своей книги наличием в двух историях двух ключевых игроков, Фельтринелли и Пастернака, дополненных Ж. де Пруайяр, а интеллектуальную дискуссию в среде русской эмиграции по поводу «Живаго» предлагает исследовать во след книге Л. Флейшмана на эту тему. При этом тему истории публикации русского текста на Западе Манкозу считал в 2013 г. «относительно не исследованной». И это писалось после книг Ивана Толстого, который упомянут в списке литературы, подвергнут критике на ряде страниц, и книги Флейшмана, который предположения о роли ЦОПЭ во всей истории, задетой Иваном Толстым, довел до эпических размеров, опять же поспорив с И. Н. Толстым.

Мы же позволим себе вернуться к проблеме итальянского и русского изданий «Доктора Живаго» как абсолютно единого процесса, не веря в случайность и поведения Фельтринелли⁸, и французских студентов, ставших сразу доверенными лицами Пастернака.

⁸ Если читать о Фельтринелли не в пастернаковедческой литературе, то можно узнать, что «в Милане, используя возможности момента, Фельтринелли открыл издательство, затем создал сеть книжных магазинов. В 1956 году Библиотека (марксистской литературы Фельтринелли. — Л. К.) была реорганизована, ее место руководителя вместо Франко Ферри занял Дель Бо. Хотя оба они являлись членами ИКП, Ферри был человек аппаратный, которого прислали из Рима по просьбе Фельтринелли в 1953 году. Его отъезд оказался одним из многих признаков того, что связи между Фельтринелли и партией ослабевают. После событий в Венгрии и публикации «Доктора Живаго» их контакты почти полностью прекратились». Кроме того, вся история собирания Фельтринелли социалистической литературы связана с контактами с крупнейшими советологами, не говоря уже о Амстердамском социалистическом архиве, во время войны находившегося частично в Оксфорде. См. напр.: *Кластерман Ян*. Деликатные отношения: Библиотека Фельтринелли и Международный институт социальной истории в 1950-е годы // Предваряя революцию: Материалы научной конференции «Третьи Рязановские чтения» 19 февраля 2016 г. М., 2017. С. 155

И источниками здесь послужат вновь письма Пастернака, а не безымянная и недатированная записка из архива В. Сосинского.

«Параллельными местами» к заметке из архива В. Сосинского является ряд кусков, по большей части открытой, переписки Пастернака. Прежде всего, это кусок из письма Н. Табидзе от 21 августа 1957 г. с цитатой из письма Пастернака Д. А. Поликарпову, отправленное поэтом перед разговором с идеологом: «Люди нравственно разборчивые никогда не бывают довольны собой, о многом сожалеют, во многом раскаиваются. Единственный повод, по которому мне не в чем раскаиваться в жизни, это роман. Я написал то, что думаю, и по сей день остаюсь при этих мыслях. Уверяю Вас, я бы его скрыл, если бы он был написан слабее. Но он оказался сильнее моих мечтаний, сила же дается свыше и таким образом, дальнейшая его судьба не в моей воле. Вмешиваться в нее я не буду. Если правду, которую я знаю, надо искупить страданием, это не ново, и я готов принять любое». Поликарпов сказал, что сожалеет, что прочел такое письмо и просил О. В. разорвать его на его глазах» (Пастернак ПСС 11. С. 250)⁹.

23 августа 1957 г. в письме С. Чиковани читаем: «У меня тут были осложнения с ЦК и Союзом, во время которых я воочию увидел степень своего значения и измерил свою силу. Это были очень радостные дни, хотя совершенно очевидно, какие смертельные угрозы и неприятности неизбежно скрывают для меня самые ближайшие мои годы. Но только так жить и интересно и я не понимаю, как можно воображать себя художником и отделяться дозволенным, а не рисковать крупно, радостно и бессмертно» (Пастернак ПСС 11. Т. 10. С. 254).

Эти слова комментируются сверхзначимым курсивом Пастернака в ранее цитированном письме к Нине Табидзе: «За эти несколько дней, как бывало в таких случаях и раньше, я испытал счастливое и поднимающее чувство спокойствия и внутренней правоты и ловил кругом взгляды, полные ужаса и обожания. Я так-

и многие другие. Статья по-итальянски публиковалась в *Анналах* фонда Фельтринелли (Т. 50 в 2016 г).

⁹ Стоит учесть некоторые аргументы из книги В. Р. Молотникова, хотя анализ его оценок хронологии многих событий этих дней, их отражения в письмах разным людям, в очень важных и введенных им в оборот протоколов писательских заседаний и т. д., сейчас увел бы нас слишком далеко. Впрочем, и он в своем антипастернаковском раже (придется сказать именно так) сам пропускает важные документы, неточно цитирует материалы, часто примитивизирует контекст, и т. д.

же при этом испытании натолкнулся на вещи, о которых раньше не имел понятия, на свидетельства и доказательства того, что на долю мне выпало счастье жить большой значительной жизнью, в *главном существе даже неизвестной мне*» (Пастернак ПСС11. Т. 10. С. 251).

30 августа в письме тому же адресату после выхода в свет польского перевода глав «Живаго» читаем: «Я надеюсь, что все это будет не так (дома колебаний этой атмосферы, то ухудшающейся, то улучшающейся, не знают). Все это, вместе со мною — игра высших, мне недоступных сил, слишком громадных, слишком широких, чтобы тут можно было бы что-нибудь предвидеть. Год тому назад я никак не мог думать, что все повернется так круто» (Пастернак ПСС11. Т. 10. С. 257).

Однако еще более интересная параллель к первому абзацу записки из архива содержится в письме Д. А. Поликарпову от 30 августа 1957 г., которое, как указывают комментаторы ПСС, не было отправлено и осталось в бумагах О. В. Ивинской: «Мне больно, что в отношении меня Вы продолжаете идти по пути, который мне кажется ложным. Мне думается, гораздо больше добра принесло бы, если бы меня поместили в «Правде» и выпустили в указанные сроки переводы «Фауста» и «Марии Стюарт», а также собрание моих стихотворений и роман с выпуском неприемлемостей. Легализовать меня было бы, мне кажется, разумнее, чем множить признаки моей незаконности» (Пастернак ПСС11. Т. 10. С. 259).

Таким образом, записка, какими бы путями она ни попала в архив В. Сосинского и кому бы она в итоге ни была предназначена, являла собой полную параллель тому, что Пастернак писал в переписке, явно доступной спецслужбам СССР. А учитывая личную встречу с Д. Поликарповым, этот или очень близкий текст, как мы видим из письма Н. Табидзе, мог бы быть просто произнесен лично по подготовленному дома тексту, либо мог существовать еще какой-то вариант письма, оставшегося неотправленным.

В любом случае, из суммы приведенных цитат видно, что в записке из собрания Сосинского мы имеем кумулятивный документ с измененной коммуникативной перспективой, однако полностью параллельный тому, что Пастернак писал по почте в СССР своим советским адресатам.

Однако между январем–февралем 1957 г., когда Пастернак послал свою известную телеграмму с просьбой остановить изда-

ние романа Фельтринелли, и вплоть до написания писем Чикова-ни, Табидзе и записки В. Сосинского в июне-августе 1957 г., име-ло место важное событие, которое отразилось в записке А. Пу-зикову, директору Гослитиздата 16 апреля 1957 г.: «Как только будет возможно, устройте, пожалуйста, перевод крупной суммы на сберкнижку из ожидающейся книги стихов (однотомника), или по Фаусту, или, как думает О. В., но как мне представляется не-осуществимым, по роману (но ведь и он, и все вокруг него одна фантазмагория)» (Пастернак ПСС11. Т. 10. С. 222). Чуть ранее 7 февраля Пастернак сообщал этому же адресату, что «не только не жаждет появления «Живаго» в том измененном виде, который исказит или скроет существо» его мысли, но и не верит «в осуще-ствимость этого издания и рад всякому препятствию» (Пастернак ПСС11. Т. 10. С. 204).

Недавно был введен в оборот важный документ, письмо Гос-литиздата с подписью того же Пузикова Пастернаку от 6 декабря 1957 г. № 89: «Ввиду нарушения Вами пункта I-го издательского договора за № 8879, заключенного 21 января 1957 года на роман “Доктор Живаго”, издательство считает этот договор расторгну-тым»¹⁰. Но ведь это имело место через три недели после выхода романа по-итальянски.

Понятно, что это послано было из-за выхода в свет романа у Фельтринелли, широко объявленного и разрекламированного. В этом случае, с точки зрения советских властей, Пастернак оказы-вается предателем.

Но для нас сейчас важно, то, что записка В. Сосинского полно-стью соответствует этому сюжету и смыслово, и хронологически.

Что же касается датировок, то в письме В. Л. Андрееву от 8 сен-тября, которое в ПСС приводится не полностью с сообщени-ем о том, что его местонахождение не известно, то Манкозу при-водит его полный текст. Из него следует, что Сосинский придет к поэту близко к моменту посылки письма. Судя по воспомина-ниям Сосинского, приведенным Л. Флейшманом, эта встреча имела место как раз 15 сентября 1957 г. Отсюда и дата, проставленная архивистами РГАЛИ¹¹. Но П. Манкозу об этом почему-то не пи-

¹⁰ Молотников В. Р. Борис Пастернак или торжество халтуры. М., ИКС-ХИСТО-РИ. 2019. С. 544.

¹¹ Флейшман Л. Встреча русской эмиграции с «Доктором Живаго». Stanford Slavic Studies. Vol. 38. Stanford, 2009. С. 75.

шет, просто печатая письмо без даты, но ссылаясь на датировку архива. Между тем, вернее было бы написать «По сведениям Б. Сосинского — не позднее 15 сентября 1957 года».

Разумеется, мы воздерживаемся от нравственных оценок участников очень жесткой политической борьбы, в которой «Доктор Живаго» или его автор, что трагичнее, оказался, как говорят физики, лишь рабочим, да еще и сжимаемым, телом большой политической машины. До оценки полной сознательности участия во всем этом Пастернака мы пока не дошли, однако именно он уверял в этом своих корреспондентов и в открытой, что важнее, и в закрытой переписке.

Что же касается смысла составления записки, оказавшейся у Б. Сосинского вместе с рукописью романа «Доктор Живаго», которая по мнению Манкозу, «не пригодилась» ни для какого издания, то эту «операцию» Б. Пастернак задумал, как представляется из нашего контекста, с целью способствовать в самый последний раз попытке подвигнуть советское начальство, по нашему мнению, связанное с миссией в ООН и МИДом, на издание «Живаго» на родине. Именно с этой целью, как видится, он и разбрасывал свои рассказы об отношениях с Поликарповым, о своей готовности идти до конца, невзирая даже на смертельную опасность, зная точно о выходе романа и все-таки надеясь смягчить неизбежный удар.

Точно также он поступал раньше, когда не раз и не два передавал роман за границу или давал широко читать в СССР. О прямых указаниях размножить «Доктора Живаго» мы уже и не говорим.

В письмах поэта слишком много недоговоренностей о том, с кем и где ему приходилось беседовать на вершине Советской власти в это напряженное время. Трудно себе представить, чтобы наши доблестные органы ничего не заметили в гигантской операции ЦРУ, и все свелось к личной активности Поликарпова или Суркова. Отсюда и последующее обвинение Генпрокурором Руденко в госизмене, отсюда и отказ от премии.

Разумеется, все это потребует не только заметок читателя дополнительной главы сенсационного многотомника американского логика. Однако картина становится все более ясной. И ключевой здесь 2014 год — новая точка отсчета, отменяющая все прежние концепции. Файлы ЦРУ — это не догадки литературоведов.

Очередная публикация Паоло Манкозу, которую он выполнил при параллельной подготовке уже третьей своей монографии

по истории «Доктора Живаго» в плотную очередь с продолжающимся циклом монографий по истории логики¹², посвящена уже седьмой рукописи или машинописи романа, ушедшей на Запад. Между тем, в книге есть и упоминания о восьмой машинописи, известной ЦРУ, и предположение о том, что история переброски этих источников и их копий разными спецслужбами сама по себе представляет заманчивую задачу.

Мы же сейчас хотели бы вернуться от машинописей окончательной редакции «Доктора Живаго» к первому его варианту. Уже там были задеты имена тех ключевых фигур, которые и ранее этого времени, и много позже его сыграли ключевую роль и в истории публикации романа, и в последующей судьбе Пастернака. Одновременно это позволит понять заключительные документы книги Паоло Манкозу 2016 г.

Мы имеем в виду главу «Other attempts: Nabokov, Souvarine, and Frank», где в меморандуме для «Галлимара» говорится с четкой определенностью: «**НАВОКОВ** (не писатель, а музыкант, ныне в ЮНЕСКО), который восхищен романом Пастернака (он читал его по-русски, используя текст, который находится в Англии) ...», и он же готов покрыть расходы по всей операции издания романа по-русски во Франции.

Как известно, сделано это было ЦРУ, а организации, подвластные Набокову, участвовали уже в следующих этапах процесса.

Для того, чтобы объяснить наш интерес к этой фигуре, процитируем еще одно письмо Пастернака сестрам от 14 августа 1956 г.: «По изготовлении этих копий (привезенных Берлиным. — Л. К.) надо будет дать прочесть роман нашим виднейшим русским, Каткову, Оболенскому, Коновалову, и обязательно Bowt'e» (Пастернак ПСС11. Т.9. С. 160). Именно экземпляр Каткова, как доказывает Манкозу в своей монографии 2016 года, лежит в основе первого русского «пиратского» издания.

Этот замечательный в своем роде список друзей поэта стоит сравнить с его чуть более ранним аналогом из письма шекспироведу А. А. Смирнову от 1 июля 1947 г.: «Свои переводы я переделывал много раз и, по-моему, достаточно. В разных уголках мира они поразительным образом постигнуты и оценены без моего объяснительного содействия и, что удивительнее, хранителями тех же

¹² Назовем последние: *Infini, logique, géométrie* (Vrin, Paris, 2015), *Abstraction and Infinity* (Oxford University Press, 2017).

святынь, да еще, кстати сказать, на месте их рождения (мнения Ренна, Боуры, Коновалова, Набокова и др.)» (Пастернак ПСС11. Т. 9. С. 75).

Наша статья, в частности, об этом письме и предыстории Нобелевского скандала, была посвящена массовой ошибке — речь здесь идет не о писателе, почти презиравшем Пастернака и поэта тоже, а об известном нам Николае Набокове. Этого письма, опубликованного в питерской «Русской Литературе» в 1999 г., не оказалось в ПСС. Но оказалось там одно очень важное письмо сестрам следующего 1948 года от 12 декабря, где, говоря о присылке еще первой редакции 1 тома «Доктора Живаго», Пастернак писал: «... можно дать почитать узкому кругу интересующихся, начиная с Боуры, Шиманского и других. ... Экземпляр прямо от машинистки, я не просматривал, верно, есть ошибки, о которых легко догадаться. Покажите вашим Катковым, Набоковым и пр.» (Пастернак ПСС11. Т.9. С. 555–557). К интересующей нас фамилии комментарий: «Речь идет о про. Г. М. Каткове; Пастернак не знал, что В. В. Набоков жил в это время в США». (Пастернак ПСС11. Т. 9. С. 557).

Не будем делать вид, что мы не понимаем в чем дело. Достаточно посмотреть на английскую цитату из этого же письма у Манкозу, а затем в указатель имен его книги 2016 года, чтобы стало понятно — Николая Набокова в нем на с.6 нет! Как нет этой страницы и в прекрасно структурированном указателе на проф. Каткова и его жену, а ведь это типичные «Katkovs», т. е. Катковы.

Итак, кампания одна и оксфордская, независимо от того, что и Николай Набоков жил тогда, как сообщает английская Википедия, тоже не в Оксфорде и даже не в Англии вообще! «After the years in Paris 1923–1932, in 1933 he moved to the U. S. as a lecturer in music for the Barnes Foundation. He taught music at Wells College in New York from 1936 to 41, then moved to St. John's College in Maryland. In 1945, he worked for the U. S. Strategic Bombing Survey in Germany, upon the suggestion of W. H. Auden, and stayed to work as a civilian cultural advisor in occupied Germany. Back in the US, he taught at the Peabody Conservatory from the fall of 1944 until the spring of 1945, then, in 1950–51, served as music director at the American Academy in Rome. In 1949 Nabokov attended a New York press conference of the visiting Soviet composer Dmitri Shostakovich and publicly humiliated Shostakovich by showing he was not a free agent and had to represent the positions of Stalin's government.

In 1951, he became Secretary General of the newly formed Congress for Cultural Freedom (CCF), backed by the CIA, and remained in the job for more than fifteen years, organizing music and cultural festivals».

Однако Пастернак о нем знал даже до посылки 1 варианта своего романа. Учитывая плотные связи Боуры, Берлина и Набокова с американскими спецслужбами «горячей» и «холодной» войн с начала 1940-х гг., а также личных встреч даже до первого варианта «Живаго», с Берлиным, сомнений в том, кто и когда (или не позже чем!) сообщил Пастернаку о Набокове, нет. До войны — это было бессмысленно. Тогда важнее были чисто английские связи, а вот года с 1943 все стало существенно иначе.

Таким образом, многие линии рассуждений нового классика пастернаковедения Паоло Манкозу находят свое завершение и осмысление, если просто дополнить отдельные упоминания странного имени Набоков в отдельных письмах до полной парадигмы этого имени в письмах и документах Пастернака и вокруг него. Это точно рациональнее и логичнее, чем пропускать те или иные имена в указателях, создавая ненужные эллиптические конструкции в научном тексте. Ведь «надо оставлять пробелы в судьбе, а не среди бумаг», как писал наш герой.

В любом случае, замечательный документ, опубликованный неожиданно удачливым американским математиком по очевидному РГАЛИ, привел нас и к пониманию системы сказанного и умолчанного в письмах Пастернака времен «Живаго», и к пониманию роли Николая Набокова во всей истории романа, начиная не с 1956–1957 гг., а просто с 1948 г. И лишним бонусом, уже нам, оказалось место нашей недавней работе во всей этой старо-новой истории.

А тут и новая беда для официального пастернаковедения. Не только публикация исключительно добрых дневников К. А. Федина, ближайшего друга и соседа по даче, превращенного молвой в главного злодея, но и собственные письма Пастернака, давно известные и новые, однако непонятные вне контекста 2008–2019 гг. Так, теперь мы имеем записи из дневника Федина об обстоятельствах встречи-невстречи Б. Пастернака с А. Сурковым и неожиданной встречи Пастернака со знакомым нам Поликарповым:

«Неожиданный приезд Суркова: он узнал, что я вчера хотел говорить с ним по телефону. Я сказал ему о записке П-ка, после кото-

рой должна, по-моему, отпасть на сегодня встреча с ним. И вдруг Сурков сообщает, что П-к ездил вчера в ЦК, говорил с Поликарповым и обещал «отозвать» рукопись романа из Италии.

Поистине — вот тебе фунт. Одна из «неожиданностей» Бориса, так ему свойственных. Значит, если теперь итальянцы все-таки роман напечатают, то П-к будет, так сказать, только «полувиноват».

А я почему-то призван его ... спасти! При всей видимости его прямодушия, он петлит кривыми тропами. Но беда-то сейчас не в его характере, а в том. Что ведь защитить его роман нельзя! ...».¹³

Эта запись лучший комментарий к письму Нине Табидзе от 21 августа 1957 г.

А 12 декабря 1957 года через месяц после выхода романа ситуацию описывает уже Пастернак в письме к Федину: «... у меня очень сложная зима, и эти осложнения только еще начались. ... Я целыми полосами иногда совсем не принадлежу себе, и никто этого не знает, потому что на этих темах (общественных? государственных? политических?) лежит долг или запрет молчания...»¹⁴

Теперь понятно не только то, почему Пастернак не хотел выхода роман с исправлениями и сокращениями в 1956–1957 гг., но и то, почему, переведя по просьбе в том числе и Федина, речь Бертольта Брехта для вручения Сталинской премии мира, категорически отказался ехать в Кремль для ее прочтения с трибуны даже по просьбе Федина и самого Брехта.¹⁵

Теперь из переписки с Фельтринелли и французскими славистами, да и из постоянных контактах с людьми типа Н. Набокова или его коллег, пусть и косвенных, ясно, что поэт не хотел «засветиться» в Кремле на первых полосах газет. Этому мешала «операция Живаго».

Так что и здесь мы уходим далеко вглубь от 1957 года.

P. S.

Редкий случай имеет место сегодня не столько в истории «Доктора Живаго» и пастернаковедении вообще. Еще выходят рабо-

¹³ Переписка К. А. Федина и Б. А. Пастернака / Вст. ст., подг. текста и комм. Н. В. Корниенко // Константин Федин и его современники: из литературного наследия XX века. Кн. 2. М.: ИМЛИ РАН. 2018. С. 203–204. Запись от 20 августа 1957 г.

¹⁴ Там же. С. 205.

¹⁵ Там же. С. 196–197.

ты о «горячих книгах холодной войны», а на аукционах началась тотальная распродажа артефактов, которым посвящена эта заметка. Прежде всего, это экземпляр «Доктора Живаго» самого Г. Каткова, т. е. главный, если верить Манкозу, документ всей истории русского издания. Но куда более интересно, что продается и машинопись 1 тома 1 редакции, принадлежащей семье С. Спаского: www.bonhams.com/auctions/24156/lot/15/?category=list (12 марта 2019). Это означает, что экземпляр с рукописной обложкой, который был выставлен в Гувере и принадлежавший сестрам Б. Л. Пастернака, может в ближайшее время стать предметом совершенно необходимой публикации. Почти 200 страниц текста Пастернака, честное слово, куда важнее, чем любые отдельные слова и запятыя, о которых спорят и спорят исследователи. Ведь все, писавшие о первой редакции, отмечали ее принципиальные отличия от позднейшего текста.

Был недавно продан и рукописный вариант стихов из романа 1948 г.: www.bonhams.com/auctions/24156/lot/14/ (9 марта 2017)¹⁶. Не такое важное значение имеет (но все же имеет) и рукописная тетрадка начала 4 главы 1 части второй редакции, надписанная О. В. Ивинской: www.bonhams.com/auctions/23644/lot/25 (11 апреля 2016).

Мы не уверены, что отследили все, но тенденция просматривается явно. Тотальная распродажа, с одной стороны, и очень продуманная стратегия сосредоточения пастернаковских и, особенно около-живаговских материалов в Гуверовском архиве, который выпускает не только книги Манкозу, но и, например, переводы на английский язык семейной переписки Пастернаков, и т. д., свидетельствует о каком-то важном переломе в отношении ко всей этой истории, при котором мы явно присутствуем.

¹⁶ Он отличается от окончательного варианта, например, «Гамлета». См.: *Катков Л. Диалог: Юрий Живаго — Михаил Гордон и русско-еврейское неокантианство 1914–1915 гг.* // *Judaica Rossica*. Вып. 3. М., РГГУ. 2003. С. 201–204.

Марат Шибутов

ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ МИГРАЦИЯ ИЗ КАЗАХСТАНА (2007–2018)¹

По данным Министерства образования и науки Республики Казахстан (МОН)² за 2013/2014 учебный год и по данным посольств, картина образовательной миграции из Казахстана, очевидно, была такова:

- Всего чуть более 45 000 человек.
- Россия — 26 600, из них 19 100 на дневном отделении, а 1700 — в рамках международных договоров.
- КНР — 9 670, из них 628 — по различным грантам.
- Великобритания — около 4 000.
- США — около 1 000.
- Чехия — около 1 000.
- Малайзия — около 1 500 (по данным миграционной службы Малайзии — 611).
- ОАЭ — 715.
- Турция — 783.
- Польша — 300.

¹ Статья подготовлена в рамках научного проекта «Образовательная миграция из Казахстана: тенденции, факторы, социально-политические последствия», реализуемого в КазНУ имени аль-Фараби по заказу Министерства образования и науки Республики Казахстан.

² https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/45-tyisyach-kazahstanskikh-studentov-obuchayutsya-rubejom-259529/

- В рамках программы «Болашак» обучается более 2 тысяч человек, по международным договорам Министерства образования и науки — 1211.

На мой взгляд, для мониторинга образовательной миграции необходимо опираться не только на данные посольств и МОН, но и на статистику стран, которые принимают студентов, так как их данные точнее.

Ниже приведены данные основных стран, куда едут учиться казахстанцы — это Россия, Китай и Киргизия, и еще нескольких стран, куда едут, но в небольшом количестве. Как видно, их статистика намного точнее, чем казахстанская.

КАЗАХСТАНСКИЕ СТУДЕНТЫ В РОССИИ

Российская статистика по количеству иностранных студентов достаточно отрывочна и неполна, но, тем не менее, ряд сведений из нее можно почерпнуть³⁴⁵.

Как видно, казахстанских студентов в России намного больше, чем по данным МОН — 46 862 вместо 26 600 человек. Разница 20 000 человек, что много.

Более того, динамика очень мощная — по сравнению с 2008 годом произошло за 7 лет увеличение в 3,5 раза. И это большой вызов для всей образовательной системы Казахстана. Потому что, возможно, к 2020 году количество казахстанских студентов в российских вузах превысит 100–120 тысяч человек.

Кроме того, в 2010/2011 учебном году в учреждениях среднего профессионального образования в России училось 2279 казахстанцев, а это тоже резерв для вузов.

При этом надо понимать, что учатся казахстанцы преимущественно за собственные деньги, а не по государственным грантам.

Преимуществами российских вузов по сравнению с казахстанскими — высокий образовательный уровень, более легкая система экзаменов, ниже оплата обучения, предоставление общежития,

³ Образование в Российской Федерации: 2014: статистический сборник. М.: Высшая школа экономики, 2014. 464 с.

⁴ Образование в Российской Федерации: 2010: статистический сборник. М.: Высшая школа экономики, 2010. 492 с.

⁵ Образование в Российской Федерации: 2012: статистический сборник. М.: Высшая школа экономики, 2012. 444 с.

Число обучающихся на начало года казахстанских студентов в России

Тип приема	Год	Всего		Госуда и муниципальные организации		Частные организации	
		Численность студентов — всего	Из них обучающихся за счет средств физических и (или) юридических лиц по договорам об оказании платных образовательных услуг	Численность студентов — всего	Из них обучающихся за счет средств физических и (или) юридических лиц по договорам об оказании платных образовательных услуг	Численность студентов — всего	Из них обучающихся за счет средств физических и (или) юридических лиц по договорам об оказании платных образовательных услуг
Всего		20 270	14 164				
На условиях общего приема	2007/2008	18 970	13 365				
По международным договорам		1 300	799				
Всего		20 191	13 827				
На условиях общего приема	2008/2009	18 378	12 572				
По международным договорам		1 813	1 255				
Всего		46 862	30 500	33 380	17 048	13 482	13 452
На условиях общего приема	2013/2014	44 896	30 286	31 441	16 850	13 455	13 436
По международным договорам		1 966	214	1 939	198	27	16
Всего	2014/2015	70 747					
Всего	2015/2016	73 455					

Тип приема	Год	Прием		Выпуск	
		Всего	С полным возмещением стоимости обучения	Всего	С полным возмещением стоимости обучения
Всего	2007	5 700	4 211	2 674	1 732
На условиях общего приема		5 327	3 945	2 609	1 688
По международным договорам		373	266	65	44
Всего	2008	5 435	3 535	2 224	1 425
На условиях общего приема		4 974	3 236	2 102	1 345
По международным договорам		461	299	122	80
Всего	2009	5 548	3 215	2 138	1 296
На условиях общего приема		5 232	3 059	1 975	1 199
По международным договорам		316	156	163	97
Всего	2010	6 424	3 547	2 615	1 706
На условиях общего приема		6 028	3 400	2 480	1 655
По международным договорам		396	147	135	51

русскоязычное образование. Также серьезным фактором является наличие научной и общей интеллектуальной среды — как правило, едут в вузы, расположенные в городах-миллионниках, где намного интересней для молодежи, чем в областных центрах Казахстана, не говоря уже про маленькие города.

Надо также понимать, что образовательная миграция в Россию идет вкупе с общей миграцией — студенты получают образование, находят работу и затем перевозят родителей.

КАЗАХСТАНСКИЕ СТУДЕНТЫ В КИТАЕ

Образование в Китае для казахстанцев стало вторым по приоритету. С 2008 года Казахстан вошел в топ-10 стран по количеству студентов в Китае и с каждым годом наращивает их количество⁶. По всей видимости, скоро оно уже перевалит за 15 тысяч человек.

⁶ <https://www.iie.org/en/Research-and-Insights/Project-Atlas/Explore-Data/China>

Если сравнить данные китайцев с данными МОН РК — не учтено около 2000 студентов — казахстанские данные 9 670 человек, китайские 11 764 человек.

Количество казахстанских студентов в Китае

Год	Количество студентов	Доля от общего количества
2008	5 666	2,5
2009	6 497	2,7
2010	7 874	3
2011	9 522	2,9
2012	11 165	3,1
2013	11 764	3,1
2014	13 198	3,3
2015	13 996	3,2

Китайские вузы дают не только образование, причем мирового уровня, но и многочисленные гранты для казахстанских студентов. Да и без них многие вузы достаточно дешевы даже по меркам Казахстана.

Единственное, что сдерживает рост количества студентов — это знание китайского языка. Из-за этого гранты не осваиваются в полной мере. Но прогнозируется, что для казахстанцев Китай будет предоставлять гранты на обучение еще и на английском языке. Это приведет, по всей видимости, к росту количества студентов до 20–25 тысяч.

КАЗАХСТАНСКИЕ СТУДЕНТЫ В КИРГИЗИИ

Статистика по иностранным студентам в Киргизии есть только до 2013/2014 учебного года⁷, дальше ее нет, потому что такой сборник выходит один раз в 5 лет.

Тем не менее, есть данные с 2007 по 2013 годы. Как видно, сначала количество студентов падало, достигнув минимума в 2010 году, а потом снова пошел рост.

⁷ Образование и наука в Кыргызской Республике, 2009–2013. Статистический сборник. Бишкек, 2014.

Год	Количество студентов	Доля от общего количества
2007/2008	4 314	19,4
2008/2009	3 370	19,7
2009/2010	3 107	23,9
2010/2011	2 700	27,5
2011/2012	2 941	41,6
2012/2013	4 357	54,6
2013/2014	4 338	52,9

Преимуществами высшего образования в Киргизии является низкая цена, довольно формальное отношение к успеваемости студентов и возможность поступить без ЕНТ⁸, а затем перевестись в казахстанский вуз.

КАЗАХСТАНСКИЕ СТУДЕНТЫ В ВЕЛИКОБРИТАНИИ

В 2016/2017 учебном году в Великобритании, по данным HESA⁹, училось 1445 студентов из Казахстана. Они были распределены по регионам Великобритании следующим образом: Англия — 1225, Уэльс — 50, Шотландия — 170

Надо отметить, что их количество существенно сократилось по сравнению с 2013/2014 годом — видимо, из-за дороговизны обучения. Фактически, обучение в Великобритании сейчас доступно только для участников программы «Болашак» или представителей очень обеспеченных семей.

КАЗАХСТАНСКИЕ СТУДЕНТЫ В ЧЕХИИ

В Чехии в 2016 году училось 43 600 иностранных студентов, из них 1618 казахстанцев¹⁰. По сравнению с 2007 годом рост коли-

⁸ ЕНТ — в Казахстане — Единое национальное тестирование, аналогичного российскому ЕГЭ (Единому государственному экзамену), успешная сдача которого необходима для поступления в высшее учебное заведение.

⁹ <https://www.hesa.ac.uk/data-and-analysis/students/chart-5>; <https://www.hesa.ac.uk/data-and-analysis/students/where-from>.

¹⁰ <http://www.ceskenoviny.cz/zpravy/csu-na-vs-v-cesku-pribyva-studentu-z-postsovetkskich-republik/1563316>.

чества иностранных студентов составил 58,2%. Студенты из России, Украины и Казахстан составляют 22% от количества иностранных студентов в Чехии.

85% иностранных студентов в Чехии учатся бесплатно, 87% иностранных студентов учатся в государственных вузах.

КАЗАХСТАНСКИЕ СТУДЕНТЫ В БЕЛАРУСИ

Для сравнения с другими странами можно взять Беларусь. Это русскоязычная страна, что делает ее доступной для казахстанских студентов, однако, там их очень мало — всего 200–300 человек¹¹.

Количество казахстанских студентов в Беларуси

Год	Количество студентов	Доля от общего количества
2010/2011	83	0,9
2012/2013	118	1
2013/2014	172	1,3
2014/2015	203	1,4
2015/2016	256	1,8
2016/2017	302	2
2017/2018	232	1,6

Причины этого следующие: отсутствие грантов на обучение, отсутствие рекламы и вообще продвижения белорусских вузов на рынке Казахстана, слабые связи Беларуси с Казахстаном.

ВОЗДЕЙСТВИЕ НА МИГРАЦИЮ ИЗ КАЗАХСТАНА ЕДИНОГО РЫНКА ТРУДА ЕАЭС

С 2012 года Казахстан находится в едином рынке труда ЕЭП, а затем с 2015 года ЕАЭС. Соответственно, как казахстанцы едут работать в другие страны ЕАЭС, так и к нам едут из других стран.

Из стран ЕАЭС к нам приезжало на работу до 25 тысяч человек в год. Надо брать во внимание то, что здесь не учитываются посто-

¹¹ Статистический бюллетень. Образование в Республике Беларусь (2017/2018 учебный год). Минск, 2017

янно проживающие в ЕАЭС. На первом месте среди приезжающих граждане России, потом Армении, затем Киргизии.

*Количество граждан стран ЕАЭС, въезжающих в Казахстан для работы.
По данным ЕЭК и МВД РК, МТСЗ и МОН РК¹²*

Год	Количество
2012	7 458
2013	8 409
2014	10 340
2015	16 349
2016	25 417
2017	10 185

Однако, надо отметить, что казахстанцев, которые едут в другие страны ЕАЭС работать, гораздо больше и едут они в 90% случаев в Россию. Как видно по статистике, количество выросло в 2,5 раза с 2012 года по 2017. И, по всей видимости, в 2018 году их число достигнет 100 000 человек, что в 3 раза больше, чем в 2012 году.

*Количество граждан Казахстана, въезжающих в Россию для работы.
По данным ЕЭК и МВД РФ¹³*

Год	Количество
2012	34 135
2013	53 385
2014	58 744
2015	70 003
2016	71 600
2017	88 202
6 месяцев 2018 года	50 121

Необходимо понимать, что увеличение количества работающих в России казахстанцев подтверждается также и объемом перево-

¹² Евразийская экономическая комиссия. Сведения о численности трудящихся // http://www.eurasiancommission.org/ru/act/finpol/migration/Pages/statistical_data.aspx

¹³ Евразийская экономическая комиссия. Сведения о численности трудящихся // http://www.eurasiancommission.org/ru/act/finpol/migration/Pages/statistical_data.aspx

дов из России — с 2011 года они выросли с 443 миллионов долларов до 709 миллионов долларов в 2017 году, и это несмотря на девальвацию российского рубля. Рост в 2 с лишним раза виден как по количеству работающих, так и по объему переводов.

Трансграничные переводы физических лиц. По данным Банка России¹⁴

Год	Из России в Казахстан	Из Казахстана в Россию
2010	308,2	684,8
2011	443,1	905,7
2012	460,7	1107,4
2013	561,0	1241,0
2014	577,0	1387,0
2015	514,0	1596,0
2016	559,3	1175,5
2017	709,4	1469,4
6 месяцев 2018	180,9	275,4

Кроме того, помимо просто выезжающих работать, есть еще казахстанцы, которые остаются в России, чтобы получить разрешение на временное пребывание и вид на жительство. То есть, помимо примерно 100 тысяч граждан, которые выезжают работать, есть еще около 60 тысяч проживающих и 33 тысяч имеющих вид на жительство. Это дает около 190–200 тысяч казахстанцев, которые находятся на трудовом рынке России.

Миграционные показатели казахстанцев в России. По данным МВД РФ¹⁵

Показатель	6 месяцев		
	2016	2017	2018
Поставлено на миграционный учет	545 676	587 728	296 981
Зарегистрировано по месту жительства	62 457	65 702	30 038
Принято решений о выдаче РВП	42 145	45 317	19 429

¹⁴ Платежный баланс и внешний долг РК за 2010–2018 годы // <http://www.nationalbank.kz/?docid=1201&switch=russian>

¹⁵ МВД РФ. Статистические сведения по миграционной ситуации в Российской Федерации за 12 месяцев 2016 года с распределением и регионам. 30.01.2017 // <https://мвд.рф/Deljatelnost/statistics/migracionnaya/item/9359228>; МВД РФ. Отдельные показатели миграционной ситуации в Российской Федерации за январь–декабрь 2017 года с распределением по странам и регионам. 29.01.2018 //

Проживает по РВП	64 281	59 592	57 152
Принято решений о выдаче ВнЖ	14 239	13 553	6 416
Проживает по ВнЖ	28 915	32 776	33 582
Приобрело российское гражданство	37 837	40 718	21 266

Что такое 200 тысяч работающих граждан? Во всей горнодобывающей промышленности сейчас работает 247 тысяч человек, в финансовой и страховой деятельности задействовано всего 182 тысячи человек. Количество наемных работников в ЗКО 201 тысяча человек, а в Кызылординской области 219 тысяч человек. Так что это достаточно большое количество людей и это феномен, который нуждается в изучении.

ПРИЧИНЫ МИГРАЦИИ КАЗАХСТАНСКИХ АБИТУРИЕНТОВ В РОССИЮ

В чем причина миграции казахстанских абитуриентов в Россию? Помимо действующего единого рынка труда ЕАЭС, есть еще ряд факторов.

Первый фактор — это очевидная потребность высшего образования России в иностранных абитуриентах из-за недостатка собственных студентов. Как видно по динамике, сейчас количество студентов ниже, чем в 2000 году, а по сравнению с пиком в 2008 году в 2016 году численность студентов составила всего 58,6%. Это крайне большие проблемы, как для образования, так и конкретно для городов, где расположены крупные университеты. С другой стороны, небольшое количество студентов в учебных группах повышает качество обучения, а малое количество студентов дает возможность предоставлять им общежития.

Также надо отметить, что российские вузы дешевле аналогичных казахстанских вузов. К примеру, ниже сравнение стоимости по одинаковым специальностям между КазНУ и НГУ. Сред-

<https://мвд.рф/Deljatelnost/statistics/migracionnaya/item/12162171>; МВД РФ. Отдельные показатели миграционной ситуации в Российской Федерации за январь–июнь 2018 года с распределением по странам и регионам. 17.07.2018 // <https://мвд.рф/Deljatelnost/statistics/migracionnaya/item/13830562>.

Количество студентов в высших учебных заведениях РФ¹⁷

Год	Студентов вузов на начало года, тыс. чел.	Студентов	
		на 10 000 населения по России в целом	Прием студентов в вузы, тыс. чел.
2000	4 741,4	324	1 292,5
2001	5 426,9	373	
2002	5 947,5	410	
2003	6 455,7	448	
2004	6 884,2	480	
2005	7 064,6	495	1 640,5
2006	7 309,8	514	
2007	7 461,3	525	
2008	7 513,1	529	
2009			
2010	7 049,8	493	1 399,5
2011	6 490,0	454	
2012	6 075,4	424	
2013	5 646,7	394	1 246,5
2014	5 209,0	356	1 191,7
2015	4 766,5	325	1 221,8
2016	4 399,5	300	1 157,8
2017		289	

невзвешенный курс рубля по отношению к тенге взят за август — 1 рубль = 5,41 тенге¹⁶. Как видно, НГУ дешевле на 20–35%, при этом качество образования в нем выше.

Разумеется, это играет большую роль для абитуриентов, особенно из приграничных регионов.

¹⁶ Официальные обменные курсы иностранных валют в 2018 год // <http://www.nationalbank.kz/cont/2018%20%D0%B3%D0%BE%D0%B42.pdf>

¹⁷ Образование в цифрах : 2018 : краткий статистический сборник / А. М. Гохберг, Г. Г. Ковалева, Н. В. Ковалева и др. Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М. : НИУ ВШЭ, 2018; Образование в цифрах : 2016 : краткий статистический сборник / А. М. Гохберг, И. Ю. Забатурина, Г. Г. Ковалева и др. Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М. : НИУ ВШЭ, 2016.

Специальность	КазНУ имени Аль-Фараби ¹	Новосибирский гос. университет ²
Биология	974 000	811 500
Востоковедение	1 010 000	757 400
История	974 000	687 070
Математика	974 000	687 070
Физика	974 000	764 795
Юриспруденция	1 176 000	811 500

ВЫВОДЫ

1. Все реформы в высшем образовании Казахстана, начиная с 2010 года, приводят к многократному возрастанию оттока абитуриентов из страны. Таким образом, можно говорить об их полной несостоятельности.

2. Количество казахстанских студентов в других странах в 1,5–2 раза больше, чем учитывает МОН РК. По статистике принимающих стран их точно не менее 100 000 человек. При этом есть еще доля учащихся в средних профессиональных заведениях — особенно это характерно для России и Китая.

3. Казахские вузы проигрывают иностранным вузам по стоимости образования, по процедуре вступительных экзаменов, по качеству обучения.

4. Проигрывает также казахстанская экономика и конкретно казахстанские города — те же Петропавловск и Костанай намного менее привлекательны для молодежи, чем Челябинск, Екатеринбург или Новосибирск.

5. Российские вузы испытывают большой недостаток абитуриентов, поэтому они будут создавать условия для их перетока из Казахстана. Если казахстанские вузы не изменятся в лучшую сторону, эта тенденция продолжится.

6. Также российские вузы служат трамплином для будущей работы казахстанских граждан в рамках единого рынка ЕАЭС, что также способствует миграции.

¹⁸ КазНУ имени Аль-Фараби. Стоимость обучения 2018–2019 год // <http://www.kaznu.kz/ru/18767/page>; Новосибирский государственный университет. Стоимость на 2018–2019 учебный год // <https://nskuz.com/nsu/so>.

ИСТОРИЯ OSTKRAFT

| научное обозрение |

Редакционная коллегия:
*Далибор Денда, Р. Н. Рахимов,
К. В. Шевченко, О. В. Эдельман*

Ответственный редактор *М. А. Колеров*

Оформление *М. Е. Бороздинского*

Корректор *Е. В. Костандис*

ISBN 978-5-905040-41-2

9 785905 040412 >

Издатель **Модест Колеров**

Москва, Большой Татарский переулок, 3, кв. 16

ИА № ФС 77-55036 от 14.08.2013

Подписано в печать **27.11.2018**. Формат 60 × 90 1/16.

Гарнитура *Arnold*. Бумага офсетная. Печать цифровая.

Усл. печ. л. 12,25. Тираж 100 экз.

Отпечатано в ООО «ЦМИК»

150014, Ярославль, ул. Победы, 51, корп. 2

тел.: (4852) 200-121. www.yarcmtyk.ru